

САД

ИММОЗОРНЫЙ

У

ВЯДАНИЕ

ЛОРЕН ДЕ СТЕФАНО

Annotation

Рейн Эллери всего шестнадцать лет, но она уже стала женой молодого человека по имени Линден, отпрыска богатого и влиятельного семейства. Точнее – одной из многих его жен...

В мире, где люди умирают, не достигнув зрелости, девушка не может позволить себе роскошь выходить замуж по любви. Она просто обязана стать женою и матерью, чтобы вымирающий человеческий род не прекратился. Но Рейн не из тех, кто позволяет решать за себя. Она не смирилась с судьбой. И пусть Линден искренне ее любит, а его отец лихорадочно ищет средства борьбы с генетическим заболеванием, которое вот-вот унесет жизнь его сына, Рейн обязательно найдет способ сбежать. И поможет ей в этом Габриель, единственный мужчина на этой безумной планете, к которому она испытывает искреннее чувство. Ведь на любовь и счастье у нее остаются считанные годы...

- [Лорен Де Стефано](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

- [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Чайна Мьевиль
Город и город

*Памяти моей матери,
Клодии Лайтфут,
с любовью*

От автора

За помощь, оказанную при работе над этой книгой, я безмерно признателен Стефании Бирверт, Марку Боудлу, Кристин Кабелло, Саймону Каванагу, Джули Крисп, Питеру Лавери, Фараху Мендельсону, Дэвиду Меншу, Сью Мо, Джемайме Мьевиль, Сэнди Ранкин, Марии Рейт, Дейву Стивенсону, Ребекке Сондерс, Джейн Судалтер, Джесси Судалтер, Полу Тонтону, Пенни Хейнес, Хлое Хили, Диане Хоук, Мику Читэму, Максу Шефферу, а также моим редакторам Крису Шлуепу и Джереми Треватану. Выражаю искреннюю благодарность всем сотрудникам издательств Del Rey и Macmillan. Спасибо Джону Куррану Дэвису за чудесные переводы из Бруно Шульца.

Среди бессчётных писателей, у которых я в долгу, в число тех, о ком я особенно много думал и кому благодарен в связи с этой книгой, входят Франц Кафка, Альфред Кубин, Джан Моррис, Рэймонд Чандлер и Бруно Шульц.

*Из городских недр возникают
улицы-парафразы,
улицы-двойники,
улицы мнимые и ложные.*

Бруно Шульц, «Коричные лавки»

Часть первая
Бещель

3

Утром из теплых объятий сна меня выдергивает не деликатное покашливание Габриеля, а появление в моей спальне десятка незнакомых женщин. Судя по их уже изрядно поседевшим волосам, все они из первого поколения. Несмотря на солидный возраст, непрощенные гости явно не утратили интереса к жизни и сохранили молодой блеск в глазах. Непринужденно переговариваясь, они быстро стягивают с меня одеяло.

Мельком взглянув на мое голое тело, одна из них объявляет:

– Ну хоть эту не придется вытряхивать из рубашки!

Эту! Из-за всего, что случилось, я чуть не забыла о двух других девушках, запертых где-то здесь, в огромном доме!

Не успеваю и глазом моргнуть, как две женщины подхватывают меня под руки и тащат через всю комнату в ванную.

– Лучше не упрямясь, – получаю я дружеский совет. Едва успеваю переставлять ноги, чтобы не упасть. За спиной кто-то начинает убирать постель.

В ванной меня усаживают на крышку унитаза, покрытую каким-то пушистым розовым мехом. Все вокруг розовое. Здесь даже занавески тоненькие и ажурные.

Дома мы занавешивали окна мешковиной, чтобы казаться победнее и отвадить вездесущих попрошаек. А их хватало – недавно осиротевших детей, которые бродили по всей округе в поисках крова и пищи. В доме, где я жила с братом, было три спальни, но мы устроились в подвале – спали на раскладушке по очереди на случай, если кому-нибудь все-таки удастся пробраться в дом, и всегда держали наготове отцовский дробовик.

Никаких рюшей и оборок на окнах. Не в моем городе.

Передо мной разворачивается целый калейдоскоп красок. Одна из женщин набирает ванну, а другая заглядывает в шкафчик, где хранятся разноцветные мыльца в форме сердечек и звездочек. Она опускает несколько в воду. С тихим шипением мыльца начинают растворяться. Пушистые хлопья пены искрятся всеми оттенками голубого и розового. Мыльные пузырьки лопаются со звуком, напоминающим залпы крошечных пушек.

Без лишних разговоров залезаю в ванну. Мне неловко быть обнаженной перед совершенно чужими людьми, но искушению окунуться в эту теплую ароматную воду просто невозможно сопротивляться. Невольно вспоминаю о той мутной жиже, в которой мне обычно приходится мыться. Трубы в доме, где я жила с братом, совсем проржавели.

Жила. В прошедшем времени. Да что это со мной такое творится?

Я лежу в душистой воде и чувствую, как на коже лопаются маленькие мыльные пузырьки. Меня окутывает аромат корицы, цветочных лепестков и еще чего-то незнакомого: так, наверное, пахнут настоящие розы. Стараюсь не поддаваться очарованию всех этих приятных мелочей. Вспоминаю о доме, где мы с братом живем, о доме, где накануне нового века родилась моя мама. Его пожарная лестница давно сломана, а темные следы на кирпичных стенах говорят о том, что их когда-то оплетал густой плющ. Все дома на нашей улице стоят так близко друг к другу, что мы с девочкой, живущей напротив, могли с легкостью дотянуться друг до друга, сидя на подоконниках своих спален. Мы перебрасывали между окнами бечевку, к концам которой были привязаны бумажные стаканчики, и говорили по ним, как по телефону, то и дело прыская со смеху.

Моя подружка, дочь людей из нового поколения, рано осталась одна. Она едва помнила свою мать, а отец заболел, когда она была еще совсем ребенком. Однажды утром я обнаружила, что девочка куда-то пропала.

Для меня эта новость стала настоящей трагедией: ведь она была моей первой близкой подругой. Я иногда вспоминаю о том, как блестели ее ярко-голубые глаза и как она бросала в мое окно мятные леденцы, если хотела поиграть в телефон. Когда моя подружка пропала, мама взяла бечевку, которую мы использовали для игры в телефон, и объяснила, что это веревка от бумажного змея. Она сказала, что когда была маленькой, то проводила в парке целые дни напролет, пуская воздушных змеев. Я часто просила ее рассказать мне побольше о ее детстве, и иногда она соглашалась. Это были истории об огромных игрушечных магазинах и об озерах, скованных льдом, по которому она легко скользила, выписывая коньками причудливые фигуры. Истории обо всех людях, прогуливавшихся мимо нашего дома в то время, когда он еще был молод и увит плющом, а вдоль нашей

улицы стройными рядами стояли припаркованные, сияющие на солнце автомобили. Это были воспоминания о ее Нью-Йорке, о Манхэттене ее детства.

Когда родители умерли, мы с братом завесили окна холщовыми мешками из-под картошки, потом собрали все мамины драгоценности и выходные костюмы отца и спрятали их в чемоданы с крепкими замками. Все остальное ночью зарыли у себя в саду, прямо под лилиями, которые уже начали увядать.

Такова моя жизнь, мое прошлое, и я никому не позволю их у меня отобрать. Я найду способ вернуться домой.

– У нее такие мягкие волосы, – замечает одна из женщин, зачерпывая ладонью очередную порцию мыльной воды и выливая ее мне на голову.

– И такого красивого оттенка. Интересно, он у нее такой от природы?

Конечно, от природы. Откуда же еще?

– Спорю, из-за волос-то ее Комендант и выбрал.

– Дай посмотрю, – говорит другая и, взяв меня за подбородок, слегка разворачивает лицом к себе. Она пару секунд меня разглядывает, потом вдруг охает и резко прижимает руку к груди. – Хелен, ты только посмотри, какие у нее глаза!

Женщины прекращают меня мыть и принимаются рассматривать, будто до этого никогда не видели.

Цвет глаз – это первое, что во мне обычно замечают. Левый глаз у меня голубой, а правый – карий. У брата то же самое. Наши родители занимались генетикой. Они нам и рассказали, что это явление называется гетерохромией. Я бы, конечно, расспросила их об этом поподробнее, когда стала постарше, но у меня уже не оказалось такой возможности. Мне всегда думалось, что гетерохромия – это ничего не значащая генетическая мутация, но если женщины правы и Комендант меня выбрал только за разный цвет глаз, то гетерохромия спасла мне жизнь.

– Думаешь, они настоящие?

– Нет, ну а какие еще они могут быть? – не выдерживаю я. Женщины вздрагивают от неожиданности, а затем приходят в бурный восторг. Оказывается, их кукла умеет говорить! Меня засыпают вопросами: откуда я, знаю ли, где сейчас нахожусь, вид из окна просто

сказочный, не так ли, люблю ли я ездить верхом – местная конюшня просто чудо, – мне волосы убрать или распустить...

Не говорю ни слова. Ничего не собираюсь рассказывать незнакомкам, работающим в этом доме, какими милыми бы они ни казались. В любом случае, вопросы сыплются на меня с такой скоростью, что я даже при желании не успела бы на них ответить. Вдруг раздается осторожный стук в дверь.

– Мы готовим ее для Коменданта, – отзывается одна из стоящих рядом.

Из-за двери слышится приятный женский голос:

– Леди Роуз просит ее к себе немедленно.

– Но мы не закончили ее мыть. Да и ногти еще...

– Извините, – невозмутимо продолжает голос, – но я получила четкое указание привести ее тотчас же, неважно, готова она или нет.

Судя по всему, с желаниями леди Роуз приходится считаться. Меня выуживают из ванны и насухо обтирают розовым полотенцем, еще влажные после купания волосы приглаживают щеткой. Затем на меня накидывают легкий халатик из деликатной, приятной на ощупь ткани. Не знаю, что именно они добавили в воду для купания, но мое тело словно объято пламенем, каждый нерв обнажен. Я одновременно чувствую возбуждение и некоторую слабость.

Дверь распаивается, и в комнату заходит обладательница настойчивого голоса. Она совсем девочка, чуть не вполовину ниже меня ростом. Одета она почти как мои непрошенные гости: на ней белая блуза, похожая на ту, что носит Габриель, но женского кроя, и пышная темная юбка вместо черных брюк моего тюремщика. Волосы заплетены в косу и уложены венком вокруг головы. Она мне улыбается, и на ее щеках появляются две очаровательные ямочки.

– Тебя зовут Рейн?

Я киваю в ответ.

– А я Дейдре, – представляется она и протягивает мне руку. Ладонь у нее мягкая и прохладная. – Ну, пойдём.

Мы выходим из комнаты и идем вниз по коридору в уже знакомом мне направлении.

– Послушай, – начинает она с серьезным видом, смотря прямо перед собой. – Говори, только когда тебя спрашивают. Не задавай никаких вопросов – она их терпеть не может. Обращайся к ней «леди

Роуз». Над ночным столиком есть кнопка, беленькая такая. Нажми на нее, если леди Роуз станет плохо. Она здесь главная. Комендант ей ни в чем не отказывает, так что постарайся ей понравиться.

Мы останавливаемся перед приоткрытой дверью. Дейдре распускает пояс на моем халатике и завязывает его в аккуратный бант. Затем она легонько стучит в дверь.

– Леди Роуз? Она здесь, как вы и просили, – сообщает она.

– Ну пусть уже заходит, – нетерпеливо перебивает ее та. – А ты иди, займись чем-нибудь полезным.

Дейдре разворачивается и уже собирается уйти, как вдруг крепко хватается меня за руку.

– Только, пожалуйста, – шепчет она, не сводя с меня испуганных глаз, – не говори с ней о смерти.

Дейдре наконец уходит. Я толкаю дверь и захожу в комнату. Уже с порога в нос бьет резкий запах лекарств, на который вчера жаловалась леди Роуз. Прикроватный столик заставлен разными склянками, баночками и упаковками таблеток.

Я обнаруживаю леди Роуз сидящей у окна на низком атласном диванчике. В прядях ее спутанных светлых волос играют солнечные лучи, а вчерашний болезненно-желтоватый цвет лица уступил место здоровому румянцу. Кажется, что ей сегодня лучше, но она подзывает меня к себе, и вблизи становится видно, что нежный румянец ее щек отливает неестественным, почти неоновым блеском. Я вдруг понимаю, что и свежий цвет лица, и яркость губ созданы при помощи макияжа. Единственное, что есть в ней настоящего, это живые, карие, лучащиеся молодостью глаза. Я пытаюсь представить себе мир, каким он был семьдесят лет назад, когда двадцатилетняя девушка считалась юной и впереди у нее была целая жизнь.

Мама мне как-то сказала, что люди раньше жили лет до восьмидесяти, а иногда и до ста. Я ей не поверила.

Сейчас все иначе. Я ведь никогда толком не разговаривала ни с кем, кому уже исполнился двадцать один год. И хотя Роуз кашляет кровью, ее кожа все еще гладкая и упругая, а лицо сияет мягким светом. Она выглядит не намного старше меня.

– Садись, – говорит она мне. Я беру стул и устраиваюсь напротив.

Пол у ее ног усыпан обертками от конфет, а на диванчике стоит ваза с леденцами. Когда она говорит, видно, что ее язык окрасился в

ярко-синий цвет. Она рассеянно вертит в изящных пальцах очередную конфетку, подносит ее ко рту и, кажется, вот-вот поцелует. Но нет, леденец отправляется обратно в вазу.

– Откуда ты? – спрашивает она. В ее голосе нет и следа раздраженного тона, которым она разговаривала с Дейдре. Густые ресницы Роуз слегка подрагивают, пока она наблюдает за залетевшей в комнату мошкой. Та пару секунд кружит вокруг нее и вылетает в окно.

Мне не хочется с ней об этом говорить. Предполагается, что я буду вежливо отвечать на все ее вопросы, но я так не могу. Не могу просто сидеть и смотреть, как она умирает, чтобы потом спать с ее мужем и рожать ему детей, которых я вовсе не хочу иметь.

Поэтому я ее спрашиваю:

– А откуда забрали вас?

Мне нельзя задавать ей никаких вопросов, и я тут же понимаю, что совершила огромную ошибку. Сейчас она раскричится, начнет звать Дейдре или мужа, Коменданта, чтобы те меня увели и заперли где-нибудь в подzemелье годика на четыре.

Но она, к моему удивлению, спокойно отвечает:

– Я выросла в этом штате. Точнее даже, в этом городе.

Она снимает со стены позади себя фотографию и протягивает мне. Я наклоняюсь вперед, чтобы получше рассмотреть.

Это фотография совсем молодой девушки. Она позирует, держа за поводья лошадь. На девичьем лице играет такая искренняя и радостная улыбка, что от нее невозможно оторвать глаз. Девушка выглядит необыкновенно счастливой, ее глаза слегка прикрыты от переполняющего ее восторга. Рядом с ней, заложив руки за спину, стоит высокий юноша. Его улыбка не столь открытая и непосредственная: кажется, будто он не собирался улыбаться фотографу, но в последний момент все-таки не сдержался.

– Я была такой, – говорит Роуз о девушке на фото.

Она задумчиво проводит пальцем по контуру фигуры подростка.

– А это мой Линден.

Она несколько секунд напряженно всматривается в изображение любимого человека, забыв обо всем. Слабая улыбка трогает ее подцвеченные яркой помадой губы.

– Мы выросли вместе.

Даже не знаю, что сказать. Она живет воспоминаниями и будто не замечает, что меня здесь держат насильно, но мне ее все равно жаль. В другое время и при других обстоятельствах ей бы не пришлось искать замену.

– Видишь, это мы в апельсиновой роще, – продолжает она, указывая на фотографию. – Отцу принадлежали целые гектары апельсиновых рощ здесь, во Флориде.

Флорида. У меня сжимается сердце. Оказывается, я во Флориде, на Восточном побережье, в тысяче миль от дома! Я так соскучилась по родным стенам, хранящим следы обвивавшего их когда-то плюща, и по пригородным поездам! Но как же мне вернуться домой?

– Они просто чудесные, – отзываюсь я об апельсиновых деревьях.

Они и на самом деле чудесные. Похоже, здесь необыкновенно благодатный край. Я бы никогда не поверила, что девушка с фотографии, полная жизни и пышущая здоровьем, может сейчас медленно умирать.

– Да, действительно, – откликается она. – Хотя Линдену больше нравятся цветы. У нас каждую весну проводят праздник цветов. Он его просто обожает. Зимой еще есть снежный фестиваль и праздник зимнего солнцестояния, но он их не любит. Там для него слишком шумно.

Она разворачивает зеленый леденец и кладет его в рот, на секунду закрывает глаза, видимо, чтобы лучше распробовать новый вкус. Все леденцы разного цвета: этот, например, зеленый. Его мятный аромат возвращает меня в детство. Я вспоминаю соседскую девочку, бросавшую леденцы в окно моей спальни, и запах мяты, который я чувствовала, когда говорила в бумажный стаканчик, играя в телефон.

Роуз снова решает заговорить, на этот раз ее язык изумрудно-зеленый.

– Вообще-то он замечательно танцует. Не понимаю, откуда эта застенчивость.

Она кладет фотографию на диванчик, прямо в россыпь разноцветных фантиков. Не знаю, что и думать об этой женщине. Она выглядит такой грустной и изможденной, и она была так резка с Дейдре, а сейчас обращается со мной прямо как с подругой. Любопытство ненадолго пересиливает обиду. В конце концов, в этом

странном и прекрасном мире могло остаться место хоть для каких-то человеческих чувств.

– Ты знаешь, сколько лет Линдену? – спрашивает она. Я отрицательно качаю головой. – Двадцать один. Мы решили пожениться, когда были еще совсем детьми. Наверное, он думал, что все эти лекарства помогут мне продержаться лишних четыре года. Его отец – известный врач, из первого поколения. Все корпит над созданием противоядия.

Последнюю фразу она произносит немного жеманно, сопровождая слова изящным жестом. Она уверена, что противоядия не существует. Так думают многие. У нас дома целые толпы недавно осиротевших детей осаждают лаборатории, за пару долларов подписываясь на участие в экспериментах в качестве подопытных кроликов. Но противоядия так никто и не придумал, а тщательный анализ нашего генофонда не смог выявить никаких отклонений, которые помогли бы объяснить природу смертельного вируса.

– Тебе шестнадцать, – продолжает она. – Идеальный возраст. Вы сможете провести остаток ваших жизней вместе. Он не будет один.

Меня охватывает озноб. Из бескрайнего сада доносится жужжание и щебет, но я будто нахожусь в сотне миль отсюда. Я на минуту, всего на минуту, забыла, почему я здесь. Забыла, как появилась в этом доме. Это волшебное место напоено ядом, подобно роскошному кусту белого олеандра, а цветущий сад за окном – мой тюремщик.

Линден похитил девушек, чтобы не умирать в одиночестве. А как же мой брат, совсем один в пустом доме? А как же те другие девушки, которых расстреляли в том фургоне?

Во мне опять закипает гнев. Руки невольно сжимаются в кулаки, я хочу лишь одного – чтобы меня увели отсюда. Пусть уж лучше запрут где-нибудь в другом месте, где угодно, только бы оказаться подальше от Роуз. Роуз, которая может открыть окно в своей комнате. Роуз, которая ездила верхом где-то за пределами этого сада. Роуз, уход которой подпишет мне смертный приговор.

Как нарочно, мое желание исполняется. Приходит Дейдре и, извинившись перед леди Роуз, объявляет:

– Приехал доктор, чтобы подготовить ее для Коменданта Линдена.

Она ведет меня вниз по коридору до лифта, который можно активировать только с помощью специальной магнитной карты. В лифте Дейдре встает позади меня. Ее движения скованны. Она явно нервничает.

– Сегодня вечером ты познакомишься с Распорядителем Воном.

Она ужасно бледна, смотрит на меня по-детски испуганными глазами. Я вспоминаю, что она и на самом деле еще совсем ребенок. Губы Дейдре сжимаются, выдавая ее переживания. Что это? Сочувствие? Страх? Нет времени разобраться: двери лифта открываются, и ее лицо становится непроницаемым. Она ведет меня вниз по другому, плохо освещенному и пропахшему хлоркой коридору, к очередной двери.

Ну же, посоветует ли она мне что-нибудь на этот раз? Но она не успевает и рта открыть, как мужчина спрашивает ее:

– Это которая?

– Рейн, сэ, – отвечает Дейдре, не поднимая на него глаз. – Шестнадцатилетняя.

Интересно, это Распорядитель или все-таки Комендант, за которого мне предстоит выйти замуж? Только собираюсь на него посмотреть, как мою руку пронзает острая боль. Успеваю бросить лишь один взгляд на стерильную комнату с глухими стенами, кровать, накрытую простыней, и зажимы для рук и ног.

Будто действуя в полном согласии с этим странным местом, комнату заполняют бабочки. Их крылышки дрожат в неровном свете. Затем бабочки взрываются как диковинные мыльные пузырьки. Повсюду кровь. Меня окутывает темнота.

4

Сегодня мое дежурство. Вечером мы заперли все окна и двери и спрятались в подвале. В углу ровно гудит маленький холодильник; тикают часы; мерно покачивается висящая на шнуре электрическая лампочка, слабо освещая то один, то другой участок подвала. Мне кажется, я слышу, как по темным углам в поисках чего-нибудь съедобного рыщет крыса.

С раскладушки доносится храп Роуэна. Странно, вообще-то он не храпит. Но меня это совсем не раздражает. Наоборот, приятно чувствовать, что ты не одна, и зная, случись что, он тут же проснется. Мы двойняшки, поэтому из нас вышла отличная команда. Брат у меня сильный и отлично стреляет, а я маленькая, шустрая и бываю очень ловкой.

За все это время к нам только один раз пробрался вооруженный грабитель. Мне тогда было тринадцать. Воровством обычно промышляют дети. Чтобы залезть в дом, они разбивают окна или пытаются подцепить замок от входной двери. Надолго они не задерживаются. Как только понимают, что на кухне хоть шаром покати и на продажу брать нечего, сразу же уходят. Никакого от них спасения. Проще сунуть им чего-нибудь поесть, чтобы они поскорее убрались восвояси. Благо, мы можем себе это позволить. Но Роуэн не разрешает. Говорит, подкормишь одного, будешь потом кормить их всех, а мы на это не подписывались. Вон приютов сколько. Да и за участие в опытах деньги платят. А как насчет первого поколения? Может, пора им вмешаться, раз уж они всю эту кашу и заварили?

Грабитель оказался здоровым парнем лет двадцати с лишним, вдвое выше меня ростом. Ему как-то удалось подцепить замок на входной двери так, что мы ничего не услышали. Он быстро сообразил, что хозяева прячутся где-то в доме, охраняя свои пожитки. В тот раз дежурил Роуэн, но он так вымотался за весь день, что уснул. Он берется за любую работу, но ему предлагают только самую тяжелую. К вечеру он от усталости еле стоит на ногах. Америка давным-давно перенесла все производство в другие промышленно развитые регионы, потому сейчас, когда мы перестали ввозить товары из-за границы, в большинстве нью-йоркских небоскребов разместили цеха, которые выпускают все что угодно, от замороженных продуктов до листового

металла. Мне обычно удается найти работу – оформлять крупные заказы по телефону. Роуэна охотно берут грузчиком. Устает страшно, но никогда мне в этом не признается. Правда, платят наличными, поэтому мы не голодаем. Намучившись с маленькими воришками, старающимися стащить самое необходимое, владельцы магазинов и лавочек так рады заполучить клиентов с деньгами, что делают нам скидку на всякую мелочь вроде изоленды или аспирина.

В тот раз оба крепко спали. Я проснулась от прикосновения лезвия к моему горлу. Передо мной стоял совершенно незнакомый человек. Я издала даже не стон, а приглушенный всхлип, но брату хватило и этого. Он мгновенно понял, что происходит, и наставил на вора ружье.

Я не могла пошевелиться. С ребенком я бы справилась, но дети никогда не пытались меня убить. Попрошайки угрожают, чтобы ты поделилась с ними чем-нибудь съестным или отдала украшение, но стоит тебе их засечь, тут же убегают. Они просто стараются выжить, как могут.

– Только дернись, и я перережу ей горло, – сказал парень.

Раздался громкий хлопок, как когда у нас прорвало трубу, и я увидела, со лба парня тоненькой струйкой течет кровь. Я не сразу поняла, что смотрю на след от пули, пробившей ему голову. Почувствовав, что лезвие не врезается в кожу с прежней силой, я схватилась за рукоятку ножа и оттолкнула от себя парня. Он был уже мертв. Я тут же села на раскладушке, ловя ртом воздух и уставившись перед собой невидящими глазами. Роуэн уже вскочил на ноги и осматривал тело парня, чтобы убедиться, что тот и в самом деле мертв. Брату не хотелось расходовать еще одну пулю без крайней необходимости.

– Черт меня подери! – вскричал он и пнул тело ногой. – Заснул! Черт!

– Ты вымотался, – постаралась я его успокоить. – Все в порядке. Он бы и сам ушел, если бы мы его покормили.

– Не будь такой дурочкой! – сказал Роуэн, давая мне лучше рассмотреть, во что был одет незнакомец.

Только сейчас я заметила, что на нем было пальто серого цвета. Шинель, униформа Сборщиков!

– Он собирался... – начал Роуэн, но не смог договорить.

Я никогда раньше не видела брата таким испуганным. Он весь дрожал.

До той ночи я думала, что Сборщики похищают девушек с улиц. Оказалось, что так случается часто, но далеко не всегда. Иногда они следят за девушкой до ее дома, а затем ждут подходящего момента. Но все это только в том случае, если они считают, что она стоит затраченных усилий и за нее можно выручить неплохие деньги. Именно это со мной и произошло. Вот зачем парень вломился к нам в дом. После того происшествия брат никуда меня одну не отпускал. Постоянно оглядывался и никогда не заходил в незнакомый проулок, прежде хорошенько не осмотревшись. Мы поставили на дверь дополнительные запоры, а кухню превратили в настоящее минное поле. Теперь через всю кухню тянулись бечевки от бумажных змеев, к которым привязаны пустые алюминиевые банки, чтобы мы уж наверняка услышали непрошенных гостей до того, как им удастся проникнуть в подвал.

Мне показалось, я что-то услышала. Наверное, по дому сновала очередная крыса. Ничего крупнее не смогло бы пробраться сквозь весь наш лабиринт ловушек. Вдруг дверь в подвал начала сотрясаться, один за другим отодвигались засовы.

Храп за спиной прекратился. Я прошептала имя брата, сказав, что в дом кто-то залез. Роуэн молчал. Я обернулась и увидела, что на раскладушке никого нет.

Дверь распахнулась, но проем заполнен не знакомым полумраком моего дома, а весь залит солнечным светом. За дверью открывался захватывающий вид на волшебный сад. Ничего прекраснее я в своей жизни не видела. Но не успела я толком все рассмотреть, как дверь захлопнулась перед самым моим носом – дверь серого фургона, битком набитого едва живыми от страха девушками.

– Роуэн, – резко выдохнула я и рывком села.

Проснулась. Все, проснулась, успокаиваю я себя. Но реальность не дарит мне чувства безопасности. Я все еще нахожусь в огромном доме во Флориде, где мне предстоит стать женой Коменданта, а окруженная заботой Роуз все так же цепляется за жизнь в своей комнате.

Потянувшись на атласных простынях, я вдруг чувствую болезненное покалывание на коже ног и бедер. Откидываю одеяло и

осматриваю себя. На мне простая белая комбинация. Ни единого волоска на зудящем теле. Аккуратный маникюр. Лежу в своей спальне с наглухо закрытым окном и ванной отчаянно розового цвета.

Словно по заказу, открывается дверь в комнату. Даже не знаю, чего ожидать. Может, с подносом в руках явился Габриель, прихрамывая и морщась от боли при каждом движении, может, пришли женщины из первого поколения, чтобы при помощи скрабов, щипчиков и благовоний продолжить измываться над моим многострадальным телом, а может, прибыл доктор, чтобы сделать мне еще один укол и уложить на каталку. Но это всего лишь Дейдре. В ее маленьких ручках белый сверток, тяжелый на вид.

– Привет! – ласково, как ребенок, приветствует она меня. – Как ты себя чувствуешь?

Знаю, что сдержаться у меня не получится, поэтому решаю промолчать.

Она порхает по комнате. Вместо привычной униформы на ней сегодня легкий белый наряд.

– Принесла твое платье, – сообщает она, кладя сверток на туалетный столик и развязывая ленту, которой перевязан пакет. Платье такое длинное, что, даже когда она поднимает его повыше, роскошный подол остается лежать на полу. Расшитое бриллиантами и жемчугом, оно ослепительно сверкает.

– Должно подойти, – говорит Дейдре. – Пока ты была без сознания, с тебя сняли мерки. Я его еще и подогнала по фигуре, чтобы уж наверняка. Примерь.

Последнее, что мне сейчас хочется делать, так это примерять платье, в котором мне, судя по всему, предстоит выйти замуж. И все это только для того, чтобы в лучшем виде предстать перед Комендантом Линденом, виновным в моем похищении, и Распорядителем Воном, от одного упоминания имени которого в лифте Дейдре побледнела как полотно. Но она показывает мне платье с таким невинным видом, с такой детской непосредственностью, что у меня не хватает духу сказать ей хоть одно грубое слово. Я позволяю облачить себя в подвенечный наряд.

Дейдре забирается на диванчик, стоящий рядом с туалетным столиком. Так ей удобнее зашнуровать на мне корсет. Ее ловкие

маленькие пальчики быстро завязывают все ленты в аккуратные бантики. Платье сидит на мне как влитое.

– Ты сама его сшила? – не в силах сдержать удивление, спрашиваю я.

Ее пухлые щеки заливает румянец, и она коротко кивает, делая шаг назад.

– Дольше всего пришивать жемчуг и бриллианты, – отвечает она. – Остальное – так, пара пустяков.

На мне платье без бретелек, с вырезом в форме сердца и изогнутым шлейфом. Издалека будет казаться, что к алтарю приближается большое белое атласное сердце. Во всяком случае, более прелестного наряда для первого дня своего пожизненного заключения мне не представить.

– Ты сшила свадебные платья для всех трех? – спрашиваю я.

Дейдре отрицательно качает головой и мягко усаживает меня на диванчик.

– Только для тебя, – отвечает она. – Ты моя хозяйка. Я прислуживаю только тебе. У остальных жен свои помощницы.

Она открывает ящичек туалетного столика, он забит косметикой и заколками для волос. Кисточкой для румян она указывает на участок стены над моим ночным столиком. Там расположены две кнопки.

– Если тебе что-нибудь понадобится, нажми белую. Я тут же приду. Синяя – для связи с кухней.

Она начинает накладывать макияж: смешивает различные оттенки и наносит их мне на лицо, время от времени слегка приподнимая мою голову так, чтобы получше рассмотреть результат своих усилий. Взгляд ее широко раскрытых глаз сосредоточен. Решив, что макияж наконец безупречен, она принимается за мои волосы. Расчесывая и накручивая пряди на бигуди, Дейдре не умолкает ни на секунду – делится со мной важными, на ее взгляд, сведениями.

– Свадебная церемония будет проходить в розарии, по старшинству, начиная с самой молодой невесты. Так что ты будешь второй. Потом, понятно, идут клятвы. Но тебе не придется ничего говорить – все сделают за тебя. После этого обмен кольцами, ага, а затем...

Звук ее голоса тонет в водовороте описаний, изменчивом пламени свечей, деталях организации предстоящего ужина и даже указаниях на

то, как тихо мне следует разговаривать.

Перестаю различать слова. В сознании пульсирует лишь одно: свадьба сегодня вечером. Сегодня! И нет ни малейшей возможности сбежать до ее начала. Мне не удалось открыть окно, да чего уж там, я даже не знаю, как это проклятое место выглядит снаружи. Меня мутит, я задыхаюсь. Жаль, что я не могу открыть окно. И не для того чтобы выпрыгнуть – мне просто нужен глоток свежего воздуха! Только я собираюсь сделать глубокий вдох, как Дейдре быстро кладет мне в рот красный леденец.

– Это сделает твоё дыхание приятным, – объясняет она.

Конфетка сразу растворяется, и рот наполняется слегка приторным вкусом клубники. Сперва он чересчур сильный, но потом слабеет и приобретает более натуральный оттенок. Я немного успокаиваюсь.

– Ну вот, – говорит довольная собой Дейдре.

Она легонько подталкивает меня к зеркалу. Я бросаю первый взгляд на свое отражение и не верю своим глазам.

На моих веках розовые тени, но их цвет не имеет ничего общего с поросычьим безумием моей ванной. Он скорее напоминает персиковый оттенок предзакатного неба. В его перламутровом блеске, словно в сиянии звездочек, мелькают белые и светло-фиолетовые искорки. На губах – помада в тон, кожа нежно мерцает.

Я впервые выгляжу взрослой. В зеркале будто отражается мама в выходном платье. Иногда вечером она наряжалась и, отправив нас с братом в кровать, спускалась в гостиную, где в упоении танцевала с отцом. Потом, думая, что я крепко сплю, она заходила ко мне в спальню, чтобы поцеловать. Мама была разгорячена, от нее веяло духами и всепоглощающей любовью к папе.

– Маленькие ручки, маленькие ножки, – шептала она мне на ушко. – Только сладких снов моей любимой крошке.

Когда она уходила, я всегда чувствовала себя немного околдованной.

Что бы сказала мама этой девушке, почти женщине, любящейся своим отражением в зеркале?

Я вот, например, не могу проронить ни слова. У Дейдре поразительное чувство цвета: мой голубой глаз сияет ярче, чем прежде, а взгляд карего приобрел ту пронзительность, которая

напомнила мне о Роуз. Меня мастерски подготовили к предстоящей роли печальной невесты Коменданта Линдена.

Мне кажется, все понятно без слов, но я замечаю в зеркале, что Дейдре нервно потирает руки, переживая, понравилась ли мне ее работа.

– Все прекрасно, – только и могу сказать я.

– Мой отец был художником, – говорит она не без гордости. – Он постарался меня всему научить, но я не уверена, что у меня получится так же хорошо, как у него. Папа говорил, что рисовать можно на чем угодно. Выходит, сейчас ты мой холст.

Больше она о своих родителях ничего не рассказывает, а я и не спрашиваю.

Она еще немного колдует над моей прической: волосы, завитые в тугие локоны, убраны под простую белую ленту. Когда часы на запястье Дейдре начинают пищать, она помогает мне надеть туфли на невообразимо высоких каблуках и, подхватив шлейф моего платья, следует за мной из комнаты. Спустившись на лифте, мы проходим через лабиринт коридоров и, когда я уже почти отчаиваюсь добраться до конца нашего путешествия, останавливаемся перед большой деревянной дверью. Шагнув вперед, Дейдре приоткрывает створку, заглядывает внутрь и заговаривает с кем-то.

Дейдре делает шаг назад, и из-за двери показывается голова мальчугана. Ростом он примерно с мою помощницу. Окинув меня с головы до пяток оценивающим взглядом, он заявляет:

– Мне нравится.

– Спасибо, Эдер. А мне твоя, – по-деловому отвечает Дейдре. – Можем начинать?

– Все уже готово. Глянь, как там Эль.

Дейдре вслед за мальчуганом скрывается за дверью. Слышится шум голосов. Створка распаивается, на этот раз я попадаю под изучающий взгляд пары зеленых, широко раскрытых глаз. Их обладательница, еще одна маленькая девочка, восторженно хлопает в ладоши и, пронзительно выкрикнув «Какая прелесть!», снова исчезает.

В следующий раз из-за двери появляется Дейдре и, взяв меня за руку, заводит в комнатку, выполняющую, насколько я понимаю, роль швейной мастерской. Маленькое помещение без окон завалено рулонами ткани и заставлено швейными машинками. Повсюду

разбросаны ленты: они свисают с полок или в беспорядке лежат на столах.

– Остальные невесты готовы, – сообщает Дейдре, оглядывается и, убедившись, что никого рядом нет, шепотом продолжает: – Но я думаю, ты самая красивая.

Мои подруги по несчастью стоят в углах комнаты, друг напротив друга. Нанося последние штрихи, вокруг суетятся их помощники в белых нарядах. Мальчуган по имени Эдер поправляет белоснежный бархатный корсет на темноволосой невесте с изящной, как у статуэтки, фигурой. Девушка понуро смотрит в сторону и никак не реагирует на болезненные уколы булавок.

Девочка, которую, если я не ошибаюсь, зовут Эль, закрепляет жемчужными заколками прядки волос второй девушки, худенькой, как тростинка. Рыжие волосы невесты уложены в высокую пышную прическу. На ней белое платье, которое неуловимо переливается всеми цветами радуги при каждом ее движении. К спинке платья пришиты прозрачные крылышки. Кажется, что их трепетание оставляет в воздухе мерцающий след. Я понимаю, что это всего лишь обман зрения, потому что блестящие искорки так и не долетают до пола. Девушке явно тесно в корсете, хотя в области груди он ей немного великоват.

Даже привстав на цыпочки, рыжеволосая невеста вряд ли достанет мне до плеча. Она слишком юна для замужества. А статуэтка – чересчур несчастна. Что до меня, я сделаю все, чтобы его избежать.

Тем не менее все мы здесь.

Платье приятно облегает фигуру, Дейдре довольна. Я стою посреди комнаты, в которой мне до конца моих дней будут шить всю одежду. Но все, о чем я могу думать, это как мне отсюда сбежать. Через вентиляционную шахту? Незапертую дверь?

И еще я думаю о моем брате Роуэне. Мы, словно две половинки одного целого, не можем подолгу друг без друга. Невыносимо представлять его себе совсем одного в подвале ночью. Заглянет ли он в каждый публичный дом в квартале красных фонарей в поисках меня? Или позаимствует с работы на время грузовичок, чтобы объехать все окрестности, высматривая на обочинах мое окоченевшее тело? Что бы он ни делал, где бы меня ни искал, ему не найти этот особняк,

окруженный апельсиновыми рощами, конюшнями и садами, в сотнях миль от Нью-Йорка.

А вот я смогу его найти. Я не свожу бессмысленного взгляда с вентиляционного отверстия. Все надеюсь на чудо.

Помощники выводят невест в центр комнаты, и мы наконец можем рассмотреть друг друга поближе. В фургоне было темно, хоть глаз выколи, потом, когда нас оценивали, мы слишком боялись, чтобы вертеть головами по сторонам. Добавим к этому еще и усыпляющий газ – получается, мы впервые видим друга.

Рыжеволосая, та, что совсем девочка, раздраженно шепчет Эль, мол, корсет затянут слишком туго и как ей прикажете выстоять все церемонию венчания – а это самое важное событие в ее жизни, – если она едва может дышать.

Статуэтка молча стоит рядом со мной, пока Эдер, взгромоздившись для удобства на стремянку, украшает ее заплетенные в косы волосы крошечными искусственными цветами лилии.

Раздается стук в дверь. Не знаю, кто появится на этот раз. Может быть, еще одна невеста, или это Сборщики пришли, чтобы нас всех перестрелять. Но это всего лишь Габриель с большим цилиндром в руках. Он спрашивает, готовы ли невесты, но на нас даже не смотрит. Получив от Эль утвердительный ответ, он ставит цилиндр на пол. Тот, издавая механический звук, раскатывается в длинную, до самого коридора, красную ковровую дорожку. Габриель растворяется в полумраке коридора.

Прямо с потолка начинает литься незнакомая музыка. Помощники выстраивают нас в ряд друг за другом, самая юная невеста стоит первой в линии, и мы строем выходим из комнаты. Просто поразительно, насколько синхронно мы шагаем, и это при полном отсутствии подобного опыта и с учетом того, что всех нас приволокли в этот дом в бессознательном состоянии, продержав изрядно времени в том фургоне. Через несколько минут мы станем «сестрами по мужу». Я слышала это выражение в новостях, но не очень хорошо понимаю, что оно означает. Не знаю, кем мы будем друг другу – врагами или союзниками, мне даже неизвестно, увидимся ли мы еще после сегодняшнего вечера.

Рыжеволосая впереди меня идет, слегка подпрыгивая при каждом шаге. Крылышки на ее платье дрожат и колеблются. Ее фигурка будто

окружена сияющим ореолом. Посмотреть со стороны, так она рада тому, что происходит.

Ковровая дорожка приводит нас к распахнутой на улицу двери. Выходим в сад. Теперь понятно, почему Дейдре называла его розарием: вдоль дорожки плотной стеной высажены высокие, пышные розовые кусты. Я стою под открытым небом, но будто и не покидала дом – меня не оставляет чувство, что я в ловушке.

Рассеянно смотрю на небо, усыпанное звездами, и думаю о том, что дома мне бы в голову не пришло гулять так поздно вечером. К этому времени дверь обычно уже накрепко заперта, а наше сигнальное устройство из веревок и жестянок растянута по всей кухне. Мы с Роуэном спокойно ужинаем, пьем чай, а потом садимся смотреть вечерние новости. Мы их не пропускаем: может, где-нибудь работу предлагают; да и стараемся оставаться в курсе того, что происходит в нашем мире, все держимся за слабую надежду на перемены к лучшему. Я уже четыре года, с тех пор, как взорвалась старая лаборатория, жду, что они построят ей замену. Тогда, может, исследователи опять примутся за работу и сумеют наконец найти противоядие. Но сироты уже приспособили развалины лаборатории под жилье. Люди прекращают бороться, покоряются судьбе. В новостях нет ничего, кроме объявлений о приеме на работу и репортажей о жизни богачей: Комендантов и их грустных невест. Думаю, что таким образом они пытаются нас подбодрить, помочь нам забыть о том, что конец света уже близко.

Не успеваю даже подумать о том, как же сильно мне хочется оказаться дома, как меня увлекают в просвет между розовыми кустами в конце дорожки. Там всех невест выстраивают большим полукругом.

За просветом обнаруживается лужайка. Меня накрывает волна облегчения. Сад в одно мгновение становится огромным, превращается в целый город, наполненный светлячками и маленькими, круглыми, будто парящими в воздухе, свечками. Дейдре вроде называла их небесными фонариками. В маленьких прудиках сладко журчат фонтаны. Замечаю клавишную панель. Ах, вот откуда звучит музыка! В унисон с мелодией клавиши загораются одна за другой. Музыка рождается сама, без посторонней помощи, звук при этом многократно усиливается каким-то непонятным мне образом. Даже не верится, что где-нибудь в полумраке сада не спрятан целый духовой

оркестр в придачу со скрипичным квартетом. Я узнаю мелодию, мама часто ее напевала. Это «Свадебный марш», во времена маминой молодости его обычно играли на свадьбах.

Меня и двух других девушек подводят к беседке. Здесь, в центре лужайки, красная ковровая дорожка превращается в большой круглый ковер. Позади нас стоит мужчина в белых одеждах, напротив наши помощники со сложенными перед собой, как при молитве, руками. Юная невеста хихикает, когда перед ее носом, сделав крутой вираж, пролетает светлячок. Та, что постарше, невидяще смотрит в пространство перед собой глазами серыми, как предрассветное небо. Я изо всех сил стараюсь не привлекать к себе внимания, хотя понимаю, что, если Коменданту и в самом деле понравились мои глаза, стать невидимкой не получится.

Я мало что знаю о свадьбах: ни разу не была ни на одной из них, мои родители, как и большинство пар в то время, расписывались в мэрии. Люди умирают такими молодыми, что сейчас почти никто не женится. Наверное, сегодня все так, как было раньше, ну или очень похоже – ждущая невеста, музыка, а вот и жених в черном смокинге. Коменданта Линдена, моего будущего супруга, сопровождает мужчина из первого поколения. Они оба высокого роста и очень бледны. У беседки они расходятся, Линден делает три шага по направлению к нам. Он становится в центр круглого ковра, лицом к нам. Рыжеволосая ему подмигивает, в ответ он ей тепло улыбается, так, как любящий отец улыбнулся бы своей маленькой дочке. Но она никакая ему не дочь! Он собирается сделать ей детей.

Меня мутит. Если меня стошнит на его безупречно начищенные черные туфли, это, скорее всего, будет расценено как проявление неповиновения. Но с самого моего первого дня здесь я не ела ничего из того, что мне приносил Габриель. Вдобавок выкинуть такой фортель – не лучший способ добиться чьего-либо расположения. А завоевать доверие Линдена – значит получить реальную возможность сбежать отсюда. Чем быстрее я этим займусь, тем лучше.

Мужчина в белом начинает говорить, и музыка замолкает.

– Мы собрались сегодня здесь, чтобы сочетать этих четырех человек священными узами брака, дабы они плодились и размножались...

Слушая одним ухом речь, Линден нас внимательно осматривает. Может, это все дрожащее пламя свечей или легкий ветерок, но он больше не кажется таким пугающим, как в тот день, когда выбирал нас из целой толпы девушек. Из-за высокого роста и изящной фигуры он производит впечатление по-мальчишески хрупкого. На его лице, обрамленном блестящими черными локонами, сияет пара зеленых глаз. Губы не растянуты в улыбку или усмешку, похожую на ту, что играла на его лице, когда он поймал меня в коридоре. На секунду мне кажется, что я обозналась и передо мной стоит совсем другой человек. Но тут он открывает рот, и золотой отблеск, мелькнувший где-то в глубине, снимает все сомнения.

Наши помощники делают шаг вперед. Мужчина в белом заканчивает объяснять, как важен этот брак для будущих поколений. Линден обращается к каждой из нас по имени.

– Сесилия Эшби, – начинает он с самой юной.

Эль разжимает ладони. Линден берет с ее руки золотое кольцо и надевает на тонкий пальчик своей молодой невесты.

– Моя жена, – продолжает он, и та, залившись краской, расплывается в улыбке.

Не успеваю я осознать, что происходит, как Дейдре уже разжимает руки, Линден берет с ее ладони кольцо и нанизывает мне его на палец.

– Рейн Эшби, – говорит он. – Моя жена.

Это все пустые слова, заверяю я себя. Пусть называет меня своей женой, но как только я окажусь по другую сторону забора, это глупое колечко ничего не будет значить. Я все еще Рейн Эллери. Стараюсь держаться за эту мысль, но чувствую, что покрываюсь холодным потом и ноет сердце. Линден ловит мой взгляд. Смотрю на него в упор. Не собираюсь краснеть, вздрагивать или отводить глаза. Я ему не поддамся!

Секунду помедлив, он переходит к третьей невесте.

– Дженна Эшби, – обращается он к ней. – Моя жена.

Мужчина в белом объявляет:

– Что соединила судьба, человеку разрушить не под силу.

«Судьба, – думаю я про себя, – еще та воровка».

Снова играет музыка, и Линден по очереди помогает нам выйти из беседки. Его ладонь влажная и холодная. Мы впервые касаемся друг

друга как муж и жена. Пока иду, стараюсь получше рассмотреть особняк, который служил мне тюрьмой последние несколько дней. Он огромен, и я нахожусь к нему слишком близко, поэтому все, что я вижу, – это ряды окон и кирпичная кладка. На секунду мне кажется, что в одном из окон я замечаю Габриеля. Узнаю его по аккуратному пробору и широко открытым голубым глазам, пристально смотрящим на меня.

Линден удаляется куда-то вместе с мужчиной из первого поколения, тем самым, что сопровождал его к беседке, и всех невест отправляют обратно в дом. Перед тем как войти, я успеваю оторвать маленький зеленый листочек от плюща, обвивающего стены особняка. Зажав листок в кулаке, я вспоминаю о доме, пусть давно нет того плюща, который оплетал его стены.

Оказавшись в спальне, я прячу листочек в наволочку до того, как Дейдре принимается за меня. Она помогает мне снять свадебное платье, аккуратно его складывает и затем обрызгивает меня странной жидкостью, от запаха которой у меня перехватывает дыхание и нестерпимо чешется в носу. Через несколько секунд его сменяет приятный розовый аромат. Дейдре снова усаживает меня на диванчик и открывает ящик с косметикой. Полностью смыв с меня свадебный макияж, она начинает рисовать мне новое лицо. На этот раз она использует сочные оттенки красного и фиолетового, и я выгляжу так, будто в моей душе бушуют страсти. Мне этот образ нравится еще больше, чем предыдущий: мне кажется, что сейчас вся та горечь и гнев, которые я испытываю, стали видны невооруженным глазом.

На мне облегающее красное платье с короткими рукавами, верх его украшен черными кружевами, на губах помада в тон. Платье доходит лишь до середины бедра, и Дейдре одергивает подол, чтобы удостовериться, что оно сидит на мне так, как задумано. Пока она занята платьем, я влезаю в очередную пару немислимых туфель и бросаю взгляд на свое отражение в зеркале. Платье облегает каждый миллиметр моего тела: сквозь бархат ясно проступают очертания моей груди, косточек таза и даже ребер.

– Это значит, что ты больше не ребенок, – объясняет она. – Что ты готова принять мужа в любое время.

Потом мы идем к лифту, спускаемся на несколько этажей вниз и оказываемся в обеденном зале. На невестах похожие платья разных

цветов: красный, желтый, черный. У всех нас распущены волосы. Меня усаживают за длинный стол между двумя другими невестами. Над головой переливаются хрустальные люстры. Сесилия, та, что с рыжими волосами, выглядит оживленной, темненькая Дженна, кажется, поборола свою апатию. Она легонько касается моей руки под столом, не думаю, что случайно.

Нас окутывает стойкий аромат цветов.

С волос Сесилии все еще осыпаются блески.

Появляется Комендант Линден, снова в компании мужчины из первого поколения. Они подходят к нам. Поцеловав руку каждой из нас, Линден представляет нам своего отца, Распорядителя Вона.

Распорядитель Вон тоже целует нам руки, и мне с трудом удастся сохранить невозмутимость, когда я чувствую прикосновение его губ, сухих и холодных, к своей коже – как будто тебя целует мертвец. Распорядитель Вон – представитель первого поколения, поэтому для своего возраста он выглядит прекрасно: его темные волосы едва тронуты легкой сединой, а на лице совсем немного морщин. Но вот кожа у него такого болезненно бледного оттенка, что даже Роуз на его фоне выглядела бы пышущим здоровьем ребенком. Он совсем не улыбается, от него прямо-таки веет арктическим холодом. Сесилия и та затихает в его присутствии.

Чувствую себя чуть лучше, когда Линден и Распорядитель Вон садятся на противоположном от нас краю стола. Линден устраивается лицом к нам, а Распорядитель Вон занимает место во главе. Невесты сидят рядом друг с другом. Место напротив Распорядителя Вона остается незанятым. Наверное, оно принадлежит матери Линдена, а поскольку ее здесь нет, она, скорее всего, умерла.

В зал входит Габриель, с трудом удерживая в руках тяжелый поднос с тарелками и столовым серебром. Вздыхаю с облегчением. Мы не разговаривали с прошлого вечера, когда он вышел, прихрамывая, из моей спальни. Все это время я переживала, что его наказали из-за меня, и боялась, что Распорядитель Вон запрет Габриеля в каком-нибудь подземелье до конца его дней. Мои страхи всегда связаны с подземельями; не могу представить себе ничего более жуткого, чем провести остаток своей жизни в темнице, особенно если вспомнить, что жить тебе осталось всего несколько лет.

По виду и не скажешь, что с Габриелем что-то не так. Присматриваюсь повнимательнее: нет, никаких синяков под рубашкой. И он больше не прихрамывает. Стараюсь поймать его взгляд, хоть как-то показать, что мне очень жаль, но он на меня даже не смотрит. За ним следуют еще четверо в такой же униформе, у них в руках кувшины с водой и бутылки вина, один толкает тележку, заставленную изысканными яствами – цыплятами в сладком соусе, кусочками ананасов и клубники, похожими на цветы кувшинок.

Для удобства официантов дверь в зал оставляют открытой. Интересно, что произойдет, если я сейчас попробую сбежать? Меня схватит Габриель или кто-нибудь другой? Но на самом деле больше всего меня пугает, как в этом случае поступит мой муж, потому что, даже если я решусь сейчас на побег, далеко уйти мне все равно не дадут. А что потом? Опять окажусь запертой в своей комнате, да еще и с несмываемым клеймом «Ей нельзя доверять» в придачу.

Поэтому я не двигаюсь с места и принимаю участие в застольной беседе, натянутой и тошнотворно любезной одновременно. Линден немногословен, его мысли где-то витают, пока он механически зачерпывает очередную ложку супа. Сесилия улыбается ему и, по моему, даже специально роняет ложку, чтобы хоть как-то привлечь его внимание.

Распорядитель Вон рассказывает о садах, которым более ста лет, и о необыкновенно сладких яблоках, что там растут. С ним даже разговор о фруктах и кустарниках приобретает зловещий оттенок. Это все его голос, низкий и скрипучий. Замечаю, что никто из прислуживающих за столом даже не смотрит в его сторону.

Это был он, уверена я. Это он наказал Габриеля за то, что дверь в мою комнату оказалась не заперта. Все эти улыбки и непринужденные разговоры не в силах скрыть ощущения опасности, которое от него исходит. Сам воздух, кажется, напоен чем-то жутким и тревожным; яства становятся мне поперек горла, в милом личике Дейдре ни кровинки. Не думаю, что его сыну под силу внушать окружающим такой страх. Комендант Линден, поглощенный в это время мыслями о любимой женщине на пороге смерти, рассеянно смотрит куда-то мимо нас.

Глава 3

Плакаты были развешаны. В основном вокруг области, где обнаружили нашу Фулану, но кое-где и на магистралях, на торговых улицах, в Къезове, Топище и подобных им районах. Более того, один из них я увидел с порога собственной квартиры.

Это было даже не очень близко к центру. Я жил восточнее и немного южнее Старого города, в квартире на предпоследнем этаже шестиэтажной башенки на Вулковстрац. Это сильно заштрихованная улица — инородность нарушает один архитектурный узел за другим, а кое-где даже и дом за домом. Местные здания то выше, то ниже друг друга в пределах трёх этажей, и поэтому Бещель выдаётся вверх с половинчатой регулярностью, а крыши выглядят едва ли не навесными бойницами.

Отороченная тенью балочных башен, которые маячили бы над ней, если бы стояли здесь, церковь Вознесения находится в конце Вулковстрац, и окна её защищены металлическими решётками, однако некоторые раскрашенные стёкла разбиты. Там через каждые несколько дней устраивают рыбный рынок. Я регулярно завтракаю под крики продавцов, стоящих возле ведёрок со льдом и стоек с живыми моллюсками. Даже молодые женщины, которые там работают, становясь за прилавки, одеваются на манер своих бабушек, ностальгически фотогеничные, с волосами, повязанными шарфами цвета кухонных полотенец, и в фартуках с серыми и красными узорами, чтобы не так были заметны пятна, оставляемые потрошением. Мужчины, пока не скрывались, достигнув булыжников подо мной, выглядели — или казались — только что сошедшими с лодок и ещё не расставшимися со своим уловом после возвращения с моря. Бещельские покупатели медлили, принимались к товару, тыкали в него пальцами.

По утрам в нескольких метрах от моего окна по эстакаде проходили поезда. Они шли не в моём городе. Я, конечно, этого не делал, однако мог бы заглядывать в вагоны — уж очень они были близко — и встречаться глазами с заграничными пассажирами.

Они увидели бы только худощавого человека чуть старше сорока, в халате, занятого утренним йогуртом и кофе, встряхивающего и складывающего свежий номер «Инквистора» или «Ий Деурнема» или захватанный «Бещельский журнал», чтобы поупражняться в английском. Обычно он пребывал в одиночестве, но время от времени там можно было увидеть одну или другую из двух женщин примерно его возраста. (Историк-экономист Бещельского университета; автор художественного журнала. Они друг о друге не знали, но против ничего не имели бы.)

Когда я вышел, с плаката на стенде неподалёку от моей двери на меня взглянуло лицо Фуланы. Хотя глаза у неё были закрыты, с изображением основательно повозились, чтобы выглядела она не мёртвой, но ошеломлённой. «Знаете ли вы эту женщину?» — вопрошал плакат. Он был чёрно-белым, напечатанным на матовой бумаге. «Позвоните в Отряд особо опасных преступлений» — и наш номер. Наличие плаката свидетельствовало, что местные полицейские проявили необычайное усердие. Может, они висели по всему округу. А может, зная, где я живу, они хотели отделаться от моего надзора с помощью одного или двух стратегических размещений, специально для моих глаз.

До базы ООП было километра два. Я пошёл пешком. Миновал кирпичные арки: вверху, где проходила граница, они находились в другом городе, но не все из них были чужими у оснований. В тех, что я видел, располагались маленькие магазинчики и самовольные пристройки, украшенные художественным граффити. В Бещеле этот район был спокойным, но улицы заполнялись теми, кто жил в другом месте. Я их не-видел, но требовалось время, чтобы пробраться мимо них всех. Прежде чем я достиг поворота на Виа-Камир, мне на мобильный позвонила Ящек:

— Мы нашли фургон.

Я поймал такси, которое раз за разом то ускорялось, то застревало в транспортном потоке. Мост Махест был переполнен как у нас, так и в другом городе. Несколько минут я мог смотреть в грязную реку, пока мы протискивались к западному берегу; дым и грязные суда верфи представляли в отражённом свете зеркальных зданий на заграничной

набережной — в завидной финансовой зоне. Бещельские буксиры подпрыгивали в кильватерных струях игнорируемых водных такси. Фургон, весь скособоченный, стоял между зданиями. Это была не стоянка, но проезд между помещением импортно-экспортной фирмы и административным зданием, огрызок пространства, полный мусора и сорняков, связывавший две улицы покрупнее. С обеих его сторон были протянуты полицейские ленты — несколько неуместно: этот проезд на самом деле был заштрихован, хотя и редко использовался, так что лента при таких обстоятельствах была нарушением общего правила. Мои коллеги топтались вокруг автомобиля.

— Здравствуйте, босс! — Это была Ящек.

— Корви уже едет?

— Да, я ей сообщила.

Ящек ничего не сказала о том, что я реквизирует младшего офицера. Она продемонстрировала мне находку. Фургон оказался старым, потрёпанным «Фольксвагеном», в очень плохом состоянии, скорее не вполне белым, чем серым, но это из-за грязи.

— Пыль собрали? — спросил я, надевая резиновые перчатки.

Кримтехи кивнули, продолжая работать вокруг меня.

— Он не был заперт, — сказала Ящек.

Я открыл дверцу. Потыкал пальцем растрескавшуюся обивку. Тронул безделушку над приборной панелью — танцующего хулу пластикового святого. Раскрыл бардачок, обнаружив грязь и потрёпанный атлас дорог. Бегло перелистал страницы книги, но внутри ничего не было: классическое пособие бещельского водителя, только издание настолько давнее, что ещё чёрно-белое.

— Ну и откуда же следует, что это именно он?

Ящек подвела меня к задней дверце и открыла её.

Я посмотрел в ещё более грязный багажник: сырой, хотя и не тошнотворный запах, ржавчины не меньше, чем плесени, нейлоновый шнур, сваленный кучами хлам.

— Что здесь такое?

Я потыкал содержимое багажника. Несколько предметов. На слое пропылённой ткани — небольшой мотор от чего-то; сломанный телевизор; нераспознаваемые остатки, закрученные штопором обломки. Слои ржавчины и струпья окислов.

— Вон, видите?

Ящек указала на пятна на полу. Если бы я смотрел не так пристально, то сказал бы, что это масло.

— Нам позвонили двое из этого офиса, сообщили о брошенном фургоне. Полицейский увидел, что дверцы открыты. Не знаю, прислушались ли они к нашим предупреждениям или просто дотошны, когда осматривают машины, оставленные в неподобающем месте, но нам в любом случае повезло.

Одним из сообщений, которые должны были зачитать всем бещельским патрулям накануне, было требование осматривать все серые автомобили и сообщать о них в ООП. К счастью для нас, эти офицеры не ограничились простым вызовом эвакуатора.

— Так или иначе, они увидели грязь на полу и проверили, что это. Мы пока не удостоверились, но похоже, что это кровь той же группы, что у Фуланы, и в ближайшее время нам определённо сообщат о совпадении.

Лёжа, как крот, среди тяжёлого хлама, я изгибался, чтобы заглянуть под обломки. Мягко шевелил их, наклонял. Рука у меня покраснела. Я осматривал кусок за куском, прикасался к каждому, оценивая их вес. Мотором можно было размахнуться, держась за трубу, которая была его частью: основание у него тяжёлое, оно сокрушило бы то, на что обрушилось бы. Но по его виду нельзя сказать, что он применялся в драке: на нём не было ни волос, ни крови. Как орудие убийства он меня не убеждал.

— Вы отсюда ничего не забирали?

— Нет, ни документов, ни чего-то ещё. Здесь ничего не было. Ничего, кроме этого барахла. Результаты будут через день или два.

— Очень много всякой дряни, — сказал я.

Прибыла Корви. Несколько прохожих топтались у обоих концов проезда, наблюдая за работой кримтехов.

— Проблема будет не с нехваткой следов, но с их избытком. Итак. Предположим на минуту. Это барахло и покрыло всю её ржавчиной. Она в нём лежала.

Мазки были у неё на лице и на теле, а не сосредоточивались на руках: она не пыталась столкнуть с себя этот хлам или защитить голову. Оказавшись в фургоне, она была без сознания или мертва, между тем как по ней колотил металлолом.

— Зачем было возить с собой всё это дерьмо? — спросила Корви.

К полудню мы располагали именем и адресом владельца фургона, а на следующее утро получили подтверждение, что найденная в нём кровь принадлежала нашей Фулане.

Звали этого типа Микаэл Хурущ. Он был третьим владельцем фургона, по крайней мере, официально. На него имелось досье, он дважды сидел по обвинению в нападении, а также за кражу, в последний раз четыре года назад. «И — смотрите», — сказала Корви, — как-то раз его задержали за покупку сексуальных услуг — он подкатил к женщине из полиции, работавшей под прикрытием в подпольном борделе. Итак, мы знаем, что он «ходок». С той поры сигналов о нём не поступало, но он, согласно поспешной разведке, торговал всякой всячиной на многих рынках города, а три раза в неделю ещё и в магазине в Машлине, на востоке Бещеля.

Мы могли связать его с фургоном, а фургон — с Фуланой: прямая связь — именно это нам и требовалось. Я заглянул к себе в кабинет, проверил сообщения. Какой-то мартышкин труд по делу Стелима, новые отклики о плакатах, поступившие с нашего коммутатора, и два прерванных звонка. Наша телефонная станция уже два года обещала обновить оборудование, чтобы обеспечить автоматическое определение номеров абонентов.

Нам, конечно, звонили многие, сообщая, что узнают Фулану, но пока лишь некоторые из них — сотрудники, отвечавшие на эти звонки, знали, как отфильтровать заблуждающихся и вредоносных, и были поразительно точны в своих суждениях — лишь некоторые стоили того, чтобы обратить на них внимание. Тело принадлежало помощнице адвоката с небольшой практикой в районе Гедар, которую не видели несколько дней; или она была, как настаивал анонимный голос, «потаскухой по имени Розин Губастая, и это всё, что вы от меня услышите». Полицейские занимались проверкой.

Я сказал комиссару Гадлему, что хотел бы поехать и поговорить с Хурущем у него дома, предложить ему добровольно сдать отпечатки пальцев, слюну, привлечь к сотрудничеству. Посмотреть, как он это воспримет. Если откажется, можно будет вызвать его повесткой и взять под наблюдение.

— Хорошо, — сказал Гадлем. — Но давайте не будем терять времени. Если он не будет играть вместе с нами, наложите на него секестр и доставьте сюда.

Мне хотелось бы обойтись без этого, хотя бещельский закон давал нам такое право. Секестр, «полуарест», означал, что мы могли удерживать уклоняющегося свидетеля или «лицо, имеющее отношение» на протяжении шести часов для предварительного допроса. При этом мы не могли ни изымать вещественные доказательства, ни делать официальных выводов из отказа от сотрудничества или молчания. Традиционно секестр применялся, чтобы добиться признания от подозреваемых, против которых не было достаточных для ареста улик. Он иногда был полезным блокирующим приёмом против тех, кто, по нашему мнению, мог скрыться. Но присяжные и адвокаты всё больше ополчались против этого метода, и позиция полуарестанта, который не делал признательных показаний, позже обычно усиливалась, потому что мы выглядели чересчур пристрастными. Гадлем, будучи старомодным, об этом не заботился, а я вынужден был подчиняться его приказам.

Хуруц работал в одном из направлений полуживого бизнеса, в серой экономической зоне. Туда мы и прибыли — срочная операция. Тамошние полицейские под надуманным предлогом установили, что Хуруц на месте.

Мы вытащили его из офиса, чересчур тёплой пыльной комнаты над магазином, с промышленными календарями и выцветшими пятнами на стенах между шкафами. Когда мы уводили Хуруца, его секретарша тупо на нас смотрела, убирая со своего стола разное барахло.

Он понял, кто я такой, ещё до того, как увидел в дверном проёме Корви или кого-то другого в форме. Его опытности, некогда обрётённой, хватило, чтобы распознать, что он, несмотря на наши манеры, не арестован и поэтому имеет возможность отказаться следовать за нами, из-за чего мне придётся подчиниться Гадлему. Через мгновение после того, как впервые нас увидел, — в течение которого он напрягся, словно обдумывая возможность бежать, хотя куда? — Хуруц спустился вместе с нами по раскачивающейся железной лестнице на стене здания, служившей единственным входом.

Я негромко распорядился по радиации, чтобы вооружённые сотрудники, бывшие наготове, отошли. Он так никогда их и не увидел.

Хуруц оказался жирным здоровяком в клетчатой рубашке, такой же выцветшей и пыльной с виду, как стены его офиса. Он смотрел на меня через стол в нашей комнате для допросов. Ящек сидела, а Корви стояла, проинструктированная ничего не говорить, а только наблюдать. Я расхаживал взад-вперёд. Протокола мы не вели. С формальной точки зрения это не было допросом.

— Микаэл, вы знаете, почему вы здесь?

— Без понятия.

— Вам известно, где ваш фургон?

Он резко поднял голову и воззрился на меня. Голос у него переменялся — в нём вдруг зазвучала надежда.

— Так, значит, вы об этом? — спросил он наконец. — О фургоне?

Он выдохнул «ха» и откинулся на стуле. Всё ещё настороженный, но начинающий расслабляться.

— Значит, вы его нашли? Что с ним?..

— Нашли?

— Его угнали. Три дня назад. Так что? Вы его нашли? Господи. Что же?.. Он у вас? Могу я получить его обратно? Что случилось?

Я посмотрел на Ящек. Она встала, шепнула мне пару слов, снова уселась и продолжила наблюдать за Хуруцем.

— Да, Микаэл, я именно об этом, — сказал я. — А вы думали, о чём? На самом деле нет, не тычьте в меня пальцем, Микаэл, и заткнитесь, пока я не скажу; я ничего не желаю слышать. Вот что, Микаэл. Человеку вроде вас, занимающемуся доставкой товаров, фургон необходим. А вы об угоне не заявляли.

Я коротко глянул на Ящек: мол, мы уверены? Она кивнула.

— Не сообщили, что он угнан. Теперь я вижу, что потеря этого куска дерьма, я подчёркиваю — куска дерьма, не очень-то вас подкосила, чисто по-человечески. Тем не менее я задаюсь вопросом: если его угнали, то что могло помешать вам оповестить об этом нас и вашу страховую компанию? Как вы можете без него справляться со своей работой?

Хуруц пожал плечами.

— Не успел. Я собирался. Был занят...

— Мы знаем, как вы заняты, Мик, и всё же я спрашиваю: почему вы не сообщали о его пропаже?

— Я не успел. В этом же нет ничего подозрительного...

— В течение трёх дней?

— Он у вас? Что случилось? Его что, для чего-то использовали? Для чего именно?

— Знаете эту женщину? Где вы были во вторник вечером, Мик?

Он уставился на фотографию.

— Господи. — Он всё-таки побледнел. — Кого-то убили? Господи. Её сбили, да? Сбили и скрылись? Господи.

Он вытащил потёртый наладонник, потом, не включив его, поднял взгляд.

— Во вторник? Я был на собрании. Во вторник вечером? Боже мой, я был на собрании. — Он нервно кашлянул. — В ту самую ночь чёртов фургон и угнали. Я был на собрании — двадцать человек могут сказать вам то же самое.

— На каком собрании? Где?

— Во Вьевусе.

— Как вы туда добрались без фургона?

— На своей чёртовой машине! Её-то никто не угонял. Был на собрании Анонимных игроков.

Я уставился на него.

— Чёрт, я езжу туда каждую неделю. Вот уже четыре года.

— С тех пор как в последний раз побывали в тюрьме?

— Да, с тех пор как в последний раз побывал в чёртовой тюрьме. Господи, а что, по-вашему, меня туда привело?

— Нападение.

— Да, я расквасил нос своему чёртовому букмекеру, потому что задолжал ему, а он мне угрожал. А вам что за дело? Во вторник вечером я сидел в помещении, где было полно народу.

— Что ж, это два часа, самое большее...

— Да, а потом, в девять, мы пошли в бар — это же АИ, а не АА, — и я просидел там за полночь и домой отправился не один. В моей группе есть одна женщина... Вам это все подтвердят.

Насчёт этого он был не прав. Из восемнадцати человек, входивших в группу АИ, одиннадцать не желали ставить под угрозу свою анонимность. Организатор, жилистый парень с конским хвостом,

проходивший под кличкой Зет, «Боб», не назвал нам их имён. Он имел право не делать этого. Мы могли бы его заставить, но зачем? Семеро других, согласившихся выступить свидетелями, подтвердили слова Хуруща.

Среди них не было той женщины, с которой, по его утверждению, он отправился домой, но некоторые из них соглашались, что таковая имела место. Мы могли бы установить её личность, но опять-таки какой смысл? Кримтехи взбудоражились, когда нашли на Фулане ДНК Хуруща, но это было крохотное число волос с его руки на её коже: учитывая то, как часто он совал вещи в багажник и вытаскивал их, они ничего не доказывали.

— Так почему он никому не сказал, что у него пропал фургон?

— Он говорил, — сказала мне Яшек. — Просто нам не сообщил. Я разговаривала с его секретаршей, Льелой Кицовой. Пару последних дней он только и знал, что причитал по этому поводу.

— Не успел поставить нас в известность? Как он вообще без него обходился?

— Кицова говорит, что он просто таскает барахло через реку, туда и сюда. Случайный импорт, в очень малых масштабах. Ныряет за границу и хватает дребедень для перепродажи: дешёвую одежду, пиратские диски.

— Куда за границу?

— В Варну. В Бухарест. Иногда в Турцию. Само собой, в Уль-Кому.

— Значит, он просто слишком замотался, чтобы сообщить об угоне?

— Такое случается, босс.

Само собой, причём к его ярости — несмотря на то, что он не сообщил об угоне, ему теперь вдруг очень захотелось его вернуть, — мы не стали отдавать ему фургон. Мы лишь взяли его к огороженной стоянке — удостовериться, что машина действительно его.

— Да, он мой.

Я ожидал, что он будет жаловаться, как дурно обращались с его транспортным средством, но, по-видимому, таким и был его обычный цвет.

— Почему я не могу его забрать? Он мне нужен.

— Повторяю ещё раз: это место преступления. Заберёте его, когда я во всём разберусь. Для чего это всё?

Он пыхтел и ругался, глядя в багажник фургона. Я велел ему ни к чему не притрагиваться.

— Это дерьмо? Понятия не имею.

— Я вот о чём говорю.

Разорванный шнур, куски хлама.

— Ну да. Не знаю, что это такое. Я это сюда не клал. Не смотрите на меня так — зачем мне возить такой мусор?

Позже, у себя в офисе, я сказал Корви:

— Пожалуйста, Лизбет, остановите меня, если у вас есть какие-то соображения. Потому что я вижу предполагаемую рабочую девушку, которую никто не узнает, без каких-либо причин выброшенную на виду из угнанного фургона, старательно загруженного разным дерьмом. И, знаете ли, ничего похожего на орудие убийства — это весьма определённо.

Я ткнул в бумаги, лежавшие у меня на столе, — они и поведали мне об этом.

— Мусор валяется по всему тому массиву, — сказала она. — По всему Бещелю хватает мусора, он мог подобрать его где угодно. «Он»... Может, и они.

— Подобрали, запихали и бросили, а с мусором — и фургон.

Корви сидела в очень напряжённой позе, ожидая что-то от меня услышать. Всё, что сотворил тот хлам, так это поелозил по мёртвой женщине и покрыл её ржавчиной, словно она тоже была старым железом.

Глава 4

Обе наводки оказались ложными. Помощница из адвокатской конторы бросила работу, не удосужившись об этом сообщить. Мы нашли её в Бьяциалике, на востоке Бещеля. Она крайне огорчилась, что заставила нас похлопотать. «Я никогда не вручаю уведомлений, — твердила она. — Только не таким работодателям. И никогда ничего подобного не случилось». Корви без труда разыскала Розин Губастую. Та занималась своим обычным делом.

«Ничуть не похожа на Фулану, босс». Корви показала мне файл jpeg, для которого Розин с удовольствием позировала. Нам не удалось ни установить источник этой ложной информации, доставленной с такой убедительностью, ни понять, почему кто-то мог принять одну женщину за другую. Поступили и иные сведения, я отрядил людей для их проверки. На своём рабочем телефоне я обнаружил несколько новых сообщений вкупе с пустышками.

Шёл дождь. Распечатка Фуланы на киоске у моей входной двери размякла и пошла полосами. Кто-то приладил глянцевою листовку о концерте балканского техно, та закрыла верхнюю часть её лица. Клубная ночь выростала над её подбородком и губами. Я отцепил этот новый плакат. Не выбросил — лишь передвинул его так, что Фулана снова стала видна, её закрытые глаза оказались рядом с ним. Диск-жокей Радич и «Команда Тигра». Хард-бит. Других фотографий Фуланы я не видел, хотя Корви заверяла меня, что их развесили в разных частях города.

Разумеется, следы Хуруща обнаружались по всему фургону, но на Фулане, если не считать нескольких волосков, никаких его частиц больше не было. И то сказать: как будто эти избавляющиеся от игромании типы стали бы лгать. Мы попытались узнать у него имена всех, кому он когда-нибудь одалживал фургон. Несколько человек он упомянул, но настаивал, что машину угнал незнакомец. В первый понедельник после того, как мы нашли тело, мне позвонили.

— Борлу, — снова назвался я после долгой паузы, и моё имя вернулось ко мне, повторенное.

— Инспектор Борлу.

— Чем могу помочь?

— Не знаю. Несколько дней назад я надеялся, что вы сможете мне помочь. Попытался вам дозвониться. Скорее, это я могу вам помочь.

Звонивший говорил с иностранным акцентом.

— Что? Простите, вынужден просить вас говорить громче — линия очень плохая.

Слышны были статические помехи, и голос абонента звучал так, словно был записан на старинном аппарате. Я не мог сказать, была ли это задержка на линии или ему самому всякий раз требовалось так много времени, чтобы ответить. Он говорил на хорошем, но странном бещельском, напичканном архаизмами.

— Кто вы? — спросил я. — Чего вы хотите?

— У меня для вас есть информация.

— Вы говорили по нашей линии оповещения?

— Я не могу. Такая точка.

Он звонил из-за границы. Отчётливо проявляла себя обратная связь устаревших бещельских АТС.

— Откуда у вас мой номер?

— Борлу, заткнитесь.

Я опять пожалел, что у меня нет АОНа, и выпрямился в кресле.

— Из Гугла. Ваше имя указано в документах. Вы возглавляете расследование по той девушке. Миновать секретарей совсем не трудно. Вы хотите, чтобы я вам помог, или нет?

Я на всякий случай огляделся, но со мной никого не было.

— Откуда вы звоните?

Я раздвинул шторы на окне, словно мог увидеть кого-то, кто наблюдал за мной с улицы. Конечно, я никого не увидел.

— Да бросьте, Борлу. Вы и сами знаете, откуда я звоню.

Я делал записи. Я знал, что это за акцент. Он звонил из Уль-Комы.

— Вы знаете, откуда я звоню, а поэтому, пожалуйста, не трудитесь спрашивать, как меня зовут.

— Разговаривая со мной, вы не совершаете ничего противозаконного.

— Вы не знаете, что я собираюсь вам рассказать. *Вы не знаете, что я собираюсь вам рассказать.* Это... — Он прервался, и я слышал, как он бормотал что-то, прикрыв рукой трубку. — Слушайте, Борлу, я

не знаю, как вы смотрите на подобные вещи, но я считаю, что это безумная наглость — то, что я говорю с вами из другой страны.

— Я далёк от политики. Послушайте, если вы предпочитаете... — Последнюю фразу я начал на иллитанском, на языке Уль-Комы.

— Превосходно, — перебил он меня на своём старомодном бещельском с иллитанским акцентом. — Так или иначе, а чёртов язык один и тот же.

Я записал эти его слова.

— А теперь заткнитесь. Хотите услышать мою информацию?

— Конечно.

Я старался придумать способ отследить этот звонок. На моей линии не было нужного оборудования, и могло потребоваться несколько часов, чтобы пройти в обратном направлении, через БещТел, даже если бы я смог связаться с ними, пока он со мной говорит.

— Та женщина, которую вы... Она умерла. Верно? Мертва. Я её знал.

— Мне очень жаль... — Я сказал это только после того, как он долгие секунды ничего не говорил.

— Я знал её... Давно с ней познакомился. Хочу помочь вам, Борлу, но не потому, что вы коп. Святой Свет! Я не признаю ваших полномочий. Но если Марью... если её убили, то кое-кому, о ком я забочусь, может грозить опасность. В том числе и тому, о ком я забочусь больше всего, то есть мне самому. И она заслуживает... И так — вот всё, что я знаю. Её звали Марьей. Она проходила под этим именем. Я познакомился с ней здесь. Здесь — в Уль-Коме. Я говорю вам, что могу, но много я никогда и не знал. Не моё это дело. Она была иностранкой. Я знал её из-за политики. Она была серьёзной — преданной, понимаете? Только не тому о чём я сначала подумал. Много знала, не тратила времени даром.

— Послушайте, — сказал я.

— Это всё, что я могу вам рассказать. Она жила здесь.

— Она была в Бещеле.

— Бросьте. — Он рассердился. — Оставьте это. Не официально. Она не могла. Даже если она была в Бещеле, жила она здесь. Обратите внимание на ячейки, на радикалов. Кто-нибудь скажет, кто она такая. Она бывала повсеместно. Во всём подполье. Должно быть, по обе

стороны. Она хотела везде побывать, потому что ей нужно было всё знать. И ей это удалось. Вот и всё.

— Откуда вы узнали, что её убили?

Я слышал его свистящее дыхание.

— Борлу, если вы всерьёз это спрашиваете, значит, вы глупы и я зря теряю время. Я узнал её на фотографии, Борлу. Вы что, думаете, я стал бы помогать вам, если бы не был уверен, что узнал? Если бы не думал, что это важно? Откуда, по-вашему, я узнал, что она убита? Да просто видел ваш чёртов плакат.

Он положил трубку. Я же некоторое время прижимал свою к уху, как будто он мог вернуться.

«Я видел ваш плакат». Заглянув в свой блокнот, я обнаружил, что, помимо подробностей, которые он мне сообщил, там написано «дерьмо/дерьмо/дерьмо».

Задерживаться у себя в кабинете я не стал ни на минуту. «Как здоровье, Тьядор? — спросил Гадлем. — Вид у вас неважный». Уверен, что так и было. У киоска на тротуаре я выпил крепкий кофе *ай тёрко* — по-турецки. Это было ошибкой: я взбудоражился ещё сильнее.

По дороге домой мне было трудно — что, возможно, для такого дня не удивительно — соблюдать границы, видеть и не-видеть лишь то, что следовало. Меня окружали люди, находившиеся не в моём городе, медленно шедшие через районы, многолюдные у них, но пустынные в Бещеле. Я сосредоточивался на камнях, которые на самом деле были вокруг меня, — соборах, барах, кирпичных завитушках здания, некогда бывшего школой, — на всём том, среди чего я рос. Остальное я игнорировал — или пытался игнорировать.

В тот вечер я набрал номер Сариски, историка. Славно было бы заняться с ней сексом, но иногда она любила поговорить о делах, которыми я занимался, и выказывала недюжинную сообразительность. Я набирал её номер дважды, но дважды отсоединялся, прежде чем она успевала ответить. Мне не хотелось вовлекать её в это. Нарушать конфиденциальность, сообщая ей о проводимых расследованиях, замаскированных под гипотезу, — это одно. Впутывать её в брешь — совсем другое.

Я постоянно возвращался к тому «дерьму/дерьму/дерьму». В конце концов пришёл домой с двумя бутылками вина и принялся медленно их приканчивать, смягчая выпитое оливками, сыром и колбасой. Я сделал ещё несколько бесполезных записей, причём придумал некоторым форму тайной диаграммы, как будто мог нарисовать выход, но ситуация — головоломка — была ясна. Я мог стать жертвой бессмысленного и трудоёмкого обмана, но это представлялось маловероятным. Куда более вероятным было то, что человек, позвонивший мне, говорил правду.

В таком случае я получил основательную наводку, подробную информацию о Фулане-Марье. Мне сказали, куда направляться и кого искать, чтобы разузнать больше. В чём моя работа и состояла. Но если бы выяснилось, что я действовал в соответствии с этой информацией, то никакой осуждающий приговор не смог бы устоять. И, что гораздо серьёзнее, следовать этой наводке было бы для меня много хуже противозаконного деяния, это стало бы противозаконным не только по бещельским законам — я оказался бы в Бреши.

Мой информатор не должен был видеть наших плакатов. Они висели не в его стране. Ему никогда не следовало рассказывать мне об этом. Он сделал меня соучастником. Его информация в Бещеле была чужеродной — один только факт пребывания её у меня в голове был нарушением. Я оказался замешан. Деваться некуда. Возможно, из-за опьянения я тогда не задумался, что у него не было необходимости рассказывать мне, как он получил свою информацию, и что у него должны были иметься причины, чтобы так поступить.

Кто не испытал бы соблазна сжечь или разорвать в клочки записи о том разговоре? Я не стал этого делать, но... допоздна просидел за кухонным столом, разложив их перед собой и время от времени покрывая крест-накрест словами «дерьмо/дерьмо». Я включил музыку: «Поезд немного задерживается», совместный проект, дуэт Вана Моррисона ^[3] и Коирсы Яковой, бещельской Оум Калсум ^[4], как её называли, записанный во время его турне 1987 года. Выпил ещё и положил рядом со своими заметками фотографию Фуланы Деталь, Марьи, неизвестной иностранки, совершившей брешь.

Никто её не знал. Возможно, да поможет нам бог, здесь, в Бещеле, она вообще по-настоящему не была, хотя Покост был сплошной зоной. Её могли туда затащить.

Обнаружение её тела подростками могло быть брешью — да и всё расследование тоже. Не следует свидетельствовать против себя, выпячивая это. Может, лучше просто удалиться от следствия и предоставить ей плесневеть. Притворство, что я мог бы так поступить, было эскапизмом на минуту. В конце концов я выполню свою работу, хотя это означает нарушение кодекса, гораздо более основательного экзистенциального протокола, чем любой другой, за поддержание которых мне платили.

В детстве мы играли в Брешь. Игра эта никогда мне особо не нравилась, но, когда приходила моя очередь, я переползал через прочерченные мелом линии, преследуемый друзьями, которые делали страшные лица и искривляли руки, словно когти. Или, наоборот, сам кого-то преследовал. В неё, наряду с вытягиванием из земли палочек и камешков и объявлением их магической бещельской золотой жилой, а также в помесь пятнашек и прятков, которая называлась у нас «гоночной охотой», мы играли постоянно.

Не существует религии настолько ужасной, чтобы у неё не оказалось приверженцев. В Бещеле есть секта, поклоняющаяся Брешу. Она скандальна, но не вполне удивительна, если учесть вовлечённые в это дело силы. Закона против этой конгрегации нет, но природа её верований заставляет всех нервничать. О ней снимают малопрстойные телепрограммы.

В три часа ночи я, пьяный и очень бодрый, смотрел на улицы Бещеля, более того — на зону штриховки. Слышал собачий лай, а раз или два донёсся вой какого-то костлявого, пресмыкающегося уличного волка. По всему столу разложены были бумаги — обе стороны ещё не оконченного спора, как будто он имел место, этот спор. Лицо Фуланы-Марьи, равно как незаконные заметки «дерьмо/дерьмо/дерьмо», покрывали кольца, оставленные основанием рюмки.

Бессонница для меня не редкость. Сариска и Бищайя привыкли, сонно переходя из спальни в ванную, обнаруживать меня за кухонным столом, где я читал и изжёвывал слишком много резинки (я не хотел снова начинать курить). Или смотрел на ночной город и на другой город, конечно же, не-видя его, но озарённый его светом.

Как-то раз Сариска подняла меня на смех. «Посмотри на себя, — сказала она, причём не без любви в голосе. — Сидишь тут, как сова. Меланхоличная горгулья. Приторный чудик. Знаешь ли, только оттого,

что сейчас ночь, никакого внутреннего видения у тебя не появится. Хотя бы потому, что в некоторых домах горит свет». Но особо дразнить меня именно тогда она не собиралась, а мне требовалось всё внутреннее видение, которого я мог достичь, даже ложное, так что я продолжил смотреть в окно.

Над облаками летели самолёты. Шпили собора освещались стеклянными небоскрёбами. Изогнутая и украшенная полумесяцами неоновая архитектура по ту сторону границы. Я попробовал подключиться к сети, чтобы кое-что посмотреть, но возможность соединения была только по коммутируемой линии, а это так нудно, что я оставил попытки.

«Подробности позже». Кажется, я действительно сказал это вслух. Я сделал ещё несколько записей. В конце концов я позвонил по прямой линии на работу Корви.

— Лизбьет. Я вот что подумал.

Инстинкт, как всегда, когда я лгу, побуждал меня говорить слишком много и слишком быстро. Я заставил себя говорить как бы нехотя. Ведь она была далеко не глупа.

— Уже поздно. Я оставляю вам это сообщение просто потому, что завтра, вероятно, не появлюсь в офисе. Мы ничуть не продвинулись с уличным избиением, так что, вполне очевидно, это не то, что мы думали, — кто-нибудь уже узнал бы её. Мы развесили её фотографии во всех участках, если это уличная девица вне своего обычного участка, то нам, возможно, повезёт. Но я, пока эта версия разрабатывается, хотел бы тем временем проверить ещё пару направлений.

— Я вот думаю, — продолжил я. — Раз она не в своём районе, то ситуация странная, мы не можем получить никакого сигнала. Я разговаривал с одним знакомым из группы борьбы с диссидентами, и он рассказал, насколько скрытны те, за кем он наблюдает. Это всё нацисты, красные, унифы и так далее. В общем, это заставило меня задуматься о том, что за люди скрывают свою личность, и, пока у нас есть время, мне хотелось бы немного поискать в этом направлении. Я имею в виду — погодите, я просто просматриваю кое-какие записи... Что ж, начать можно было бы и с унифов. Поговорите с кем-нибудь из отдела Кука. Посмотрите, нельзя ли выяснить там что-то об адресах, филиалах — я в этом плохо разбираюсь. Спросите, как связаться с

офисом Шенвоя. Скажете ему, что работаете со мной. Обойдите, кого сможете, покажите им фотографии, посмотрите, не узнает ли кто её. Нет нужды говорить, что они будут вести себя с вами странно — им совсем не надо, чтобы вы к ним являлись. Но посмотрите, что там удастся сделать. Держитесь на связи, я буду на мобильном. Повторяю, в офисе завтра не появлюсь. Ладно. Завтра поговорим. Ну, пока.

«Экий ужас». По-моему, это я тоже сказал вслух.

Покончив с этим, я набрал номер Таскин Керуш из нашей администрации. Я постарался записать её прямой телефон, когда она помогала мне справиться с бюрократическими препонами, возникшими три или четыре дела назад. Поддерживал с ней связь. Со своей работой она справлялась отлично.

— Таскин, это Тьядор Борлу. Не могли бы вы позвонить мне на мобильный, завтра или когда будет возможность, и дать знать, что мне пришлось бы предпринять, если бы понадобилось передать какое-то дело Комитету по надзору? Если бы я захотел спихнуть какое-то дело в Брешь. Гипотетически. — Я сморщился и рассмеялся. — Никому об этом ни слова, хорошо? Спасибо, Таск. Просто дайте мне знать, что нужно делать и нет ли у вас каких-то инсайдерских предложений — вы ведь знаете там все входы и выходы. Спасибо.

Вопросов о том, что говорил мне мой ужасный информатор, было не много. Фразы я скопировал и подчеркнул.

один и тот же язык

признавать полномочия — нет

обе стороны города

Это объясняло, почему он мне позвонил, почему преступление, состоявшее в том, что именно он видел, или же в том, что он вообще это видел, не удержало его, как произошло бы с большинством. В основном он поступил так из-за боязни того, что подразумевала для него смерть Марьи-Фуланы. Сказанное им означало, что его соучастники по заговору в Бещеле с огромной вероятностью могли видеть Марию и что сама она не признавала границ. И если какая-нибудь группа смутьянов в Бещеле замешана в этом конкретном виде преступления и в нарушении табу, то это как раз мой информатор и его товарищи. Они явно были унификационистами.

Сариска насмехалась надо мной у меня в воображении, когда я опять уставился на освещённый ночной город, причём на этот раз я смотрел и видел его соседа. Это было незаконно, но я это делал. Кто же не поступает так время от времени? Там были газовые комнаты, видеть которые мне не полагалось — аэростаты, с которых свисали рекламные плакаты, прикреплённые к металлическим рамам. По крайней мере один прохожий на улице — я мог судить по покрою одежды, цветам, походке — находился не в Бещеле, но я всё равно за ним наблюдал.

Я повернулся к железнодорожным путям в нескольких метрах от моего окна и стал ждать, когда придёт поздний поезд — знал, что в конце концов это случится. Заглянул в его проносящиеся освещённые окна и в глаза некоторым пассажирам, очень немногие из которых даже бросили на меня ответный взгляд и испугались. Но они быстро исчезли над соединёнными рядами крыш: это преступление было кратким и случилось не по их воле. Они, вероятно, недолго чувствовали за собой вину. Вероятно, и не запомнили этого взгляда. Мне всегда хотелось жить там, где можно смотреть на иностранные поезда.

7

Я, затаив дыхание, провожаю каталку глазами. Поскрипывание колесиков и отчетливый звук шагов слабеют. Время словно остановилось. Мы стоим молча, не шевелясь, пока не становится ясно, что опасность миновала. У меня сжимается горло так, будто я все эти минуты провела под водой.

– Куда они ее повезли? – выдыхаю я.

Даже в полумраке на его лице ясно читается грусть. Он качает головой.

– Видимо, в лабораторию Распорядителя Вона, – говорит он. – Он уже много лет ищет противоядие.

– Но, – сиплю я, – это же Роуз.

– Я знаю.

– Линден никогда бы этого не допустил.

– Может, и нет, – соглашается Габриель. – Но мы ему об этом все равно не скажем. Мы ничего не видели. Здесь никогда не были.

Мы находим работающий лифт и возвращаемся на кухню. Шум здесь стоит невообразимый: грохот кастрюль, стук тарелок, крики старшей поварахи, отчитывающей «разгильдяя эдакого». Раздается взрыв смеха. Они даже не подозревают, что сейчас несколькими этажами ниже столь нелюбимую бывшую хозяйку везут куда-то по холодным длинным коридорам.

– Эй, посмотрите-ка, блондиночка вернулась! – доносится чей-то голос.

Похоже, у меня появилось новое имя. Хотя женам не разрешается покидать свой этаж, незаметно, чтобы на кухне кто-нибудь возражал против моего присутствия. Мне от них ничего не надо, и это, судя по рассказам Габриеля, выгодно отличает меня от двух других жен Линдена – покойной Роуз и юной Сесилии (последнюю они окрестили «соплячкой»).

– Что у тебя с лицом, блондиночка? Оно все в красных пятнах.

Осторожно дотрагиваюсь до припухших век. Они напоминают мне о слезах, пролитых, как мне сейчас кажется, в прошлой жизни.

– У меня аллергия на ракообразных, – откликаюсь я, пряча влажный носовой платок в карман. – А эта вонь уже до нашего этажа добралась. Вот глаза и опухли. Вы что, смерти моей добиваетесь?

– Она сама захотела сюда прийти и все вам высказать, – с готовностью подтверждает Габриель.

Пока мы идем на кухню, я изо всех сил стараюсь изобразить отвращение, хотя на самом деле эти ароматы напоминают мне о доме. Чувствую, как ко мне возвращается аппетит.

– У нас есть заботы и поважнее, чем думать о твоей диете, – бросает старшая повариха и, откинув прядь волос с покрытого испариной лба, кивает на окно.

Небо приобрело странный зеленый оттенок. Облака прорезают вспышки молний. Меньше часа назад всю сияло солнце, а воздух звенел птичьими трелями.

Кто-то протягивает мне небольшую картонную коробку, наполненную клубникой.

– Свежая. Только сегодня утром привезли.

Мы с Габриелем берем по пригоршне ягод и едим их, не отходя от окна. Пробовать на вкус ярко-красную клубнику мне так же было непривычно, как есть чернику насыщенного, темно-синего цвета. Рот наполняется сладостью, а мелкие зернышки застревают между зубами.

– А что, она уже пошла? – уточняет Габриель. – Вроде рано еще для клубники.

– Не удивлюсь, если нас в этом году ждет неслабый ураган, – роняет один из поваров и, опустившись на колени, заглядывает в духовку. Судя по нахмуренным бровям, увиденное его не радует. – Балла на три.

– И что это значит? – интересуюсь я и отправляю в рот очередную ягоду.

– Это значит, что трех нам известных принцессок запрут в темнице, – свистящим шепотом разъясняет мне старшая повариха.

Я чуть было не принимаю ее слова за чистую монету, как она хлопает меня рукой по плечу и со смехом говорит:

– Когда дело касается его жен, Комендант Линден ничего не оставляет на волю случая. Если ветер усилится, вас отправят пережидать ураган в специальное убежище. Но ты не волнуйся, блондиночка. Там вполне себе уютненько. Мы-то в это время будем вам здесь еду наготовавливать.

– Вы что, работаете во время урагана?

– Да не переживай ты об этом, – говорит Габриель и добавляет с усмешкой: – С домом ничего не случится.

Судя по раздавшемуся смеху, он понимает: это как раз то, чего бы я хотела. Мы обмениваемся взглядами, и я впервые вижу, как его губы раздвигаются в настоящей улыбке. Улыбаюсь в ответ.

Но уже несколько минут спустя, когда мы поднимаемся в лифте на мой этаж, нас окутывает темное облако, не менее гнетущее, чем грозовые тучи за окном. Между нами тележка, груженная подносами с едой. У всех, кроме меня, на обед раковый суп. Мне же, как страдающей аллергией на ракообразных, достается курица. Молчим. Пытаюсь не думать о Роуз, но мне не вырвать из памяти ее безжизненную руку, выглядывающую из-под простыни. Руку, которой она еще пару дней назад заплетала мне волосы. Вспоминаю печаль в глазах Линдена. Что бы он сказал, если бы узнал, что его первую любовь, девчушку, которая в апельсиновой роще кормила лошадей сахаром с ладошки, сейчас препарируют в его же собственном доме?

Возвращаюсь к себе в комнату, но за обед не сажусь. Вместо этого решаю принять ванну. Пока лежу в горячей воде, застирываю носовой платок Габриеля. Вглядываюсь в вышитые на кусочке ткани цветы, стараясь представить себе, в каком месте и времени они могли бы существовать. Острые лепестки плотного цветка, милого и опасного одновременно, покоятся на чем-то вроде листа кувшинки. Позже в библиотеке ищу по памяти хоть какую-нибудь информацию об этом цветке. Самым похожим на него растением оказывается цветок лотоса. Его можно было встретить на Дальнем Востоке, куда он предположительно перебрался из страны под названием Китай. Мне приходится довольствоваться одним абзацем из сборника «Ботаника водных растений». Большинство статей в нем посвящено кувшинкам, близким родственникам лотоса. Они, может, и схожи, но все-таки не одно и то же. Лотос встречался гораздо реже. Просидев над книгами несколько часов, я так и не нахожу ничего более подходящего на цветы, вышитые на платке.

Спрашиваю у Габриеля. Он объясняет, что прислуга берет носовые платки из пластикового ящика, в котором хранятся тканевые салфетки. Он понятия не имеет, кто их заказывает и откуда их привозят. Этот платок я могу оставить себе, потому что в той коробке их еще дюжины.

В последующие дни Габриель приносит мне завтрак рано утром, пока остальные жены еще спят. Он прячет Джун Бинз в свернутых салфетках или прикрывает тарелкой. Один раз я даже нахожу их между блинчиками. Из кусочков клубники Габриель сооружает эйфелевы башни и кораблики с острыми мачтами. Если я все еще сплю, он оставляет поднос на прикроватной тумбочке, и я ощущаю присутствие друга даже во сне. Мне грезится, будто я лежу под уютным одеялом, в тепле и безопасности. Коль скоро первое, что я вижу, открыв поутру глаза, это поднос под серебряной крышкой, значит, он ко мне уже заходил. В те дни, когда я просыпаюсь пораньше, мы тихонько беседуем. Наши лица едва различимы в полутемной комнате. Он рассказывает мне о том, что всю жизнь, сколько себя помнит, был сиротой, и о том, что в девять лет Распорядитель Вон купил его на аукционе.

– Звучит хуже, чем есть на самом деле, – объясняет Габриель. – В приюте детей учат шить, готовить, убираться. На каждого заводится что-то вроде табеля успеваемости, и на его основе богатеи могут делать свои ставки. Так здесь появились Дейдре, Эль и Эдер.

– Своих родителей совсем не помнишь? – спрашиваю я.

– Смутно, – отвечает он. – Я даже мир за стенами этого дома вспоминаю с трудом.

У меня сжимается сердце. Никто, сообщает мне Габриель, даже прислуга, не может покинуть границы этих владений. Еду, ткани, все необходимое им привозят, сами они по магазинам никогда не ходят. Единственные, кто может покидать их поместье, – это водители грузовиков, развозящих товары, Распорядитель Вон и Линден, да и то под настроение. По телевизору я нередко видела Комендантов и их первых жен на различных светских мероприятиях. Как правило, они связаны с выборами, разрезанием ленточек и прочим в том же духе. Но Габриель говорит, что Линден небольшой любитель выходить в свет и по большей части живет здесь как затворник. А чего бы и не жить? Целого дня не хватит, чтобы обойти все его владения. Но я не теряю надежды. Линден постоянно водил Роуз по вечеринкам. Она сама мне сказала, что, если я сумею завоевать его благосклонность, он отвезет меня, куда я только захочу.

– Ты не скучаешь по ней? – спрашиваю я. – По свободе?

– Да какая там свобода, в приюте-то, – со смехом отвечает он. – Но вот по пляжу я скучаю. Его было видно прямо из моего окна. Иногда нам разрешали там гулять. Мне нравилось наблюдать за отплывающими лодками. Если бы я мог выбирать, чем заниматься в жизни, я бы хотел работать на такой. Или, может, самому строить лодки. Но я даже на рыбалке ни разу не был.

– А меня брат учил ловить рыбу, – говорю я.

Мы усаживались на бетонную плиту у самой кромки воды и свешивали вниз ноги. Вспоминаю, как сильно дергается леска, мне не остановить катушку, но Роуэн мне помогает, показывает, как правильно выудить рыбу, чтобы та не сорвалась. Помню серебристую чешую, упругое, мускулистое тело, неистово бьющееся на крючке, широко открытые глаза. Снимаю рыбу с крючка, но не могу ее удержать, она вырывается из рук и с шумным плеском уходит под воду. Уплывает прочь, куда-нибудь во Францию или, может, Италию, чтобы передать их развалинам от меня привет.

Я стараюсь рассказать это все Габриелю так, чтобы он смог представить себя на моем месте. И хотя у меня не очень хорошо выходит показать, с какой силой у меня в руках дергалась удочка и как жалко я выглядела, стараясь вытащить рыбу на поверхность, он не сводит с меня внимательных глаз. Когда я изображаю плеск, с которым рыба ушла под воду, он даже смеется. Я тоже смеюсь, тихонько, не тревожа полумрак своей комнаты.

– Вы хоть пробовали свой улов на вкус? – спрашивает он.

– Нет. Съедобную рыбу ловят в открытом океане и привозят к нам на лодках. Чем ближе к берегу, тем вода грязней. Так что мы просто развлекались.

– Звучит здорово, – говорит он.

– Вообще-то удовольствие это сомнительное, – отвечаю я, вспомнив о склизкой чешуе и налитых кровью глазах.

Роуэн считал, что хуже меня рыбака не найти, и говорил, мол, хорошо, что рыбу, которую мы ловим, есть нельзя; если бы рыболовство было нашим единственным источником пищи, мы бы долго не протянули.

– Но это одно из немногих занятий, которые брату по-настоящему нравились и не были связаны с работой.

Разговоры о брате с новой силой навевают на меня тоску по дому, но в этот раз все не так уж страшно. Ведь рядом Габриель, тарелка с блинчиками и спрятанные в салфетке Джун Бинз.

Линден упорно не замечает нас днем, но каждый вечер исправно приглашает всех жен на ужин. Рассказывает нам об отцовских исследованиях, оптимистических прогнозах ученых и врачей, связанных с созданием противоядия. Упоминает, что его отец собирается на съезд в Сиэтле, где сможет сравнить свои данные с результатами других исследователей. Спрашиваю себя, уж не Роуз ли обязан Распорядитель своими данными. Интересно, как он ее обозначил? «Объект А» или «Пациент Х»? Смыл ли розовый лак с ее ногтей? Сесилия в своем репертуаре – ловит каждое слово нашего мужа. Дженну все еще передергивает от одного его вида, хотя от еды она больше не отказывается. У меня все лучше получается изображать живой интерес ко всему, о чем ему придет в голову поговорить. Ну разве не чудесно мы проводим эти вечера при дрожащем свете ламп, пока за окном бушует ветер, а небо то и дело проливается дождем?

Как-то вечером мы застаем Линдена в удивительно прекрасном расположении духа. Он объявляет, что прошло почти два месяца со дня нашей свадьбы и что это событие надо обязательно отметить. Устроить настоящий праздник с разноцветными фонариками и живым оркестром. Он даже разрешит нам самим выбрать подходящее место где-нибудь в садах, окружающих особняк.

– Может, в апельсиновой роще? – предлагаю я.

Услышав это, Габриель и два официанта, убирающие со стола, вдруг заметно бледнеют и обмениваются многозначительными взглядами. Они понимают скрытый смысл моих слов: сколько раз относили подносы с едой в апельсиновую рощу, где Роуз проводила целые дни напролет. Она ее очень любила, ведь там они с Линденом сыграли свадьбу, там же – с грустью поведала она мне однажды, перекатывая во рту очередной леденец, – они в первый раз поцеловались. В этой роще Линден нашел ее через неделю после ее двадцатого дня рождения; бледная как полотно, в забытии, она лежала в тени апельсинового дерева, хватая воздух посиневшими губами. В тот день он понял, что ей осталось немного и спасти ее ему не под

силу. Все снадобья на свете могли лишь выгадать ей несколько быстротечных месяцев жизни.

Праздник в апельсиновой роще. Лицо Линдена искажает гримаса боли. Я не отступлюсь. Ему вовек не расплатиться за все страдания, что он мне причинил.

– А давайте! – восклицает ни о чем не подозревающая Сесилия. – Линден, мы там даже ни разу не были.

Линден вытирает рот салфеткой, кладет ее на стол и спокойно отвечает:

– Мне казалось, что у бассейна было бы повеселее. И погода подходящая. Так и тянет искупаться.

– Но ты сказал, что место выбираем мы, – возражает Дженна.

По-моему, это первый раз, когда она к нему обратилась. Взгляды всех присутствующих, даже слуг, устремляются на нее. Она коротко смотрит на меня, потом на Линдена. Ловким, не лишенным изящества движением она отправляет кусочек стейка себе в рот и продолжает:

– Голосую за апельсиновую рощу.

– И я, – отзывается Сесилия.

Киваю в знак согласия.

– Тогда единогласно, – еле слышно резюмирует Линден.

Остаток ужина проходит в молчании. Со стола убирают обеденные тарелки, затем подают десерт, после – чай. Очень скоро нас отсылают к себе, так как у Линдена разболелась голова и он хочет побыть наедине со своими мыслями.

– Ну ты и штучка, – шепчет Габриель, провожая меня до лифта. За секунду до того, как закрываются двери, я ему улыбаюсь.

Оказавшись наверху, тут же отправляюсь к себе в комнату.

Лежу на кровати и, посасывая синий леденец, погружаюсь в воспоминания о том, как океанские волны ласкали наши с братом босые ноги, а паром, изменив своему прибрежному маршруту, плыл к горизонту. Думаю, как спокойно мне было в своем мирке и как мне повезло – наслаждаться жизнью, хотя бы и недолго. Пусть там меня и похоронят: превратят в пепел и развеют над океаном. Хочу увидеть разрушенные Афины, а потом оказаться в Нигерии, плавать с рыбами и исследовать затонувшие корабли. Буду часто возвращаться к Манхэттену, чтобы вспомнить родные запахи и узнать, чем занимается брат.

Брату, понятно, не по душе говорить о том, что произойдет через четыре года. Ведь я умру, а у него останется еще пять лет жизни. Интересно, что он сейчас делает, все ли у него хорошо. Не представляю, сколько времени уйдет на то, чтобы подготовить побег или хотя бы исхитриться связаться с ним, сообщить, что жива. Но в глубине души, в закутке еще более темном, чем тот кошмарный подвал, живет мой самый сильный страх – боюсь, что умру, мое тело попадет в руки Распорядителя Вона, а брат так и не узнает, что со мной стало.

Вот этого-то я Линдену Эшби никогда не прощу – пусть сидит себе где-нибудь да переживает из-за того, что я сказала за ужином.

Когда ты пленница и один день похож на другой как две капли воды, следить за временем – задача непростая. Так надолго я с братом еще никогда не расставалась. Мы были совсем крохами – только учились ходить, когда мама вложила мою руку в его ладонь и сказала нам держаться друг друга. Мы ее послушались. Так и ходили вместе в школу – крепко взявшись за руки и ни на минуту не забывая об опасностях, подстерегающих нас в развалинах старого дома или в брошенной на произвол судьбы машине. Когда не стало родителей, ходили вдвоем на работу, а по ночам развлекали друг друга разговорами, чтобы хоть как-то заполнить пустоту темного дома. До того, как меня похитили, я ни дня не провела вдали от брата.

Мы с братом – двойняшки, и я думала, что мы никогда не потеряем друг друга по-настоящему, что я смогу услышать его голос даже издалека, так ясно, будто он раздастся совсем рядом, прямо за стеной. Чтобы не слушать тишину дома, осиротевшего после смерти родителей, мы все время разговаривали: он мне что-то кричал с кухни, я отвечала ему из гостиной.

– Роуэн, – негромко зову я брата.

Но звук моего голоса не разносится дальше стен этой комнаты. Пуповины, что нас связывала столько лет, больше нет.

– Я жива. Не бросай меня здесь.

Словно отвечая на мой призыв, в дверь тихонько стучат. Это не Сесилия, потому что из-за двери не слышно ни вопроса, ни настойчивой просьбы. Дейдре не стучится, а Габриель ко мне так поздно не заходит.

– Кто там?

Дверь слегка приоткрывается. На меня смотрят серые глаза Дженны.

– Можно войти? – осторожно спрашивает она.

Сажусь на кровати и киваю в ответ. Поджав губы в гримасе, отдаленно похожей на улыбку, она устраивается на краю матраса.

– Я заметила, как Комендант Линден на тебя посмотрел, когда ты заговорила об апельсиновой роще, – начинает она. – В чем там дело?

Внутренний голос предупреждает меня быть поосторожнее с этой неулыбчивой девушкой, но сейчас я буквально раздавлена и не силах больше удерживать оборону. Пора, как мог бы выразиться Габриель, спустить паруса и отдаться на волю ветра, пускай несет меня по неведомым водам. Она кажется такой робкой, совсем безобидной. На ней белая ночная сорочка, точь-в-точь как у меня. Длинные волосы темной вуалью спадают на плечи. Смотрю на нее. Мне так хочется ей довериться, по-сестрински выложить все, что накипело на душе.

– Это все из-за Роуз, – объясняю я. – Как раз в апельсиновой роще он в нее и влюбился. Она эту рощу просто обожала, и он там ни разу не был с тех самых пор, как Роуз заболела.

– Правда? – удивляется она. – Откуда ты об этом знаешь?

– Мне Роуз рассказала, – начинаю я и тут же сама себя останавливаю: чуть было не сболтнула, что я от нее много чего узнала о нашем муже.

Не хочу говорить ей обо всех его слабых местах, например об инфекции, что чуть не убила его, когда он был совсем мальчишкой. Из-за тяжелой болезни у него выпало несколько зубов, ему потом на их место вставили золотые. Теперь, когда я знаю все эти мелкие подробности его жизни, он не кажется мне таким уж пугающим. Может, потому что уверена: в нужный момент я окажусь сильнее или смогу его перехитрить.

– Ах, вот почему он так расстроился, – говорит она, снимая нитку с подола.

– А я этого и добивалась, – объясняю я. – Он не имел права так с нами поступать, но мне кажется, что он этого все никак не поймет. Вот я и подумала: пусть ему будет так же больно, как и мне.

Дженна сидит, опустив голову, на губах кривая улыбка. Кажется, что девушка вот-вот то ли широко улыбнется, то ли рассмеется от души, но через мгновение ее глаза наполняются слезами.

– В том фургоне были мои сестры, – говорит она дрожащим голосом.

У меня холодеет лицо, и в ту же секунду она, побелев как простыня, начинает рыдать. В комнате вдруг становится как-то холодно, неуютно; мои старые кошмары обретают новое лицо. От праздничного пейзажа за окном и разлитого в воздухе благоухания становится совсем тошно. Вспоминаю о звуках оружейных залпов, что преследуют меня все то время, что я здесь нахожусь. Сколько из них предназначалось сестрам Дженны? Какие по счету выстрелы забирали их юные жизни? Первый? Пятый? Шестой?

Я так потрясена, что не могу вымолвить ни слова.

– Когда ты заговорила об апельсиновой роще, я не понимала толком, что происходит, но видела, как тяжело ему тебя слушать, – всхлипывает она, утирая нос кулаком. – Мне так хотелось, чтобы он тоже помучился, поэтому тебя и поддержала. Он ведь не понимает, да? Не знает, чего нас лишил?

– Не знает, – покорно соглашаюсь я.

Вытаскиваю из наволочки и протягиваю Дженне платочек Габриеля. Она отрицательно мотает головой. Видимо, ей настолько ненавистен этот дом, что она не желает даже высморкаться в кусочек ткани, который имеет к нему отношение.

– Мне осталось всего два года, – говорит она. – Возвращаться мне некуда, живу здесь, как заключенная, но он меня все равно не получит. Умру, но ему не дамся.

Перед моими глазами встает картинка: каталка с бездыханным, окоченевшим телом исчезает за дверью лаборатории в подвале. А Распорядитель Вон неумоимо потрошит своих невесток одну за другой.

Не знаю, что и сказать. Мне ее злость понятна. Врать я мастак, но толку сейчас от моих рассказней? У Дженны насчет своего будущего иллюзий не осталось, она знает, что ее ждет и что счастливого конца ей не видать. Я что, одна отрицаю очевидное?

– А что, если бы ты могла отсюда выбраться? – спрашиваю я. – Ты бы рискнула?

Она пожимает плечами и недоверчиво фыркает.

– Бежать? Куда? – спрашивает она, продолжая всхлипывать. – Нет уж. Умирать, так с музыкой.

Она с нарочито небрежным видом расправляет рюши на рукаве сорочки и... вытирает ими нос. Дженна как будто сломалась: передо мной сидит скелет, призрак когда-то хорошенькой девушки, что безвозвратно покинула мир живых. Она ловит мой взгляд, в ее глазах еще теплится жизнь.

– Ты действительно провела с ним целую ночь? – спрашивает она с выражением, несколько не похожим на развязный тон Сесилии.

В вопросе Дженны нет ничего оскорбительного, ей просто интересно.

– Он пришел сюда в ту ночь, когда умерла Роуз, – отвечаю я. – И сразу заснул. Ничего не было. Совсем ничего.

С трудом сглотнув подступивший к горлу комок, она молча кивает. Дотрагиваюсь до ее плеча. Она вздрагивает всем телом, но не отстраняется.

– Мне правда очень жаль, – говорю я ей. – Он ужасный человек, а этот дом... Страшнее места нет. Единственная, кому здесь нравится, это Сесилия.

– Дай ей время, – отвечает Дженна. – Это она сейчас зачитывается всеми этими книжками по беременности, ерундой всякой вроде Камасутры. Потом поймет, что в жизни все происходит совсем по-другому.

А ведь так оно и есть. Дженна, тихая как мышка, все это время внимательно наблюдала за своими названными сестрами. И неплохо нас изучила.

Она еще ненадолго остается у меня в спальне, тяжело дыша и давась последними всхлипами. Беру с ночного столика стакан воды, протягиваю ей. Она делает пару глотков, старается взять себя в руки.

– Спасибо за то, что постояла за себя сегодня, – благодарит она меня. – За то, что показала ему, каково это.

– А тебе спасибо за поддержку, – отвечаю я.

Мне кажется, что, когда она оборачивается в дверях, за секунду до того, как исчезнуть в темноте коридора, на ее губах появляется легкая улыбка.

Ложусь спать. Всю ночь меня мучают кошмары. Мне снятся грустные молодые девушки с томными глазами, серые фургоны, взрывающиеся стайками бабочек, и наглухо запертые окна. Девушки повсюду, они, подобно лепесткам, срываются с ветвей апельсиновых

деревьев и с ужасным глухим звуком падают на землю, лопаясь от удара, как перезрелые фрукты.

В какой-то момент я оказываюсь в новом, незнакомом мне месте. Не слышится ни звука. Ничего толком не вижу. Все кругом белое. В нос бьет запах перегнившей почвы и латекса. Распорядитель Вон в костюме химзащиты откидывает с моего лица простыню. Хочу закричать, но у меня ничего не выходит: я умерла, а мои глаза так и остались открытыми. Он опускает лезвие к ложбинке между моих грудей, собирается меня разрезать. Боль через мгновение станет невыносимой, и тут в мой сон врывается какой-то посторонний звук.

– Рейн, – зовет меня голос. – Рейн.

В панике просыпаюсь, хватая ртом воздух. В груди глухо колотится сердце. Не прошло и секунды, а я уже полна жизни, которой была лишена во сне. Сейчас раннее утро. Все, что я могу разглядеть в полумраке комнаты, это блеск голубых глаз Габриеля. Называю его по имени, просто чтобы услышать себя и убедиться, что он и вправду здесь. Рядом на столике серебрится поднос с завтраком.

– Тебе приснился страшный сон, – шепчет он. – Помнишь о чем?

– Подвал, – шепчу я в ответ и вытираю рукой мокрый от пота лоб. – Попала туда и никак не могла выбраться.

Привстаю, чтобы включить лампу. В глаза бьет яркий свет, я непроизвольно щурюсь и прикрываю лицо рукой. Наконец зрение проясняется, и я вижу, что Габриель присел на край моего матраса, ровно на то же место, где еще недавно сидела Дженна и рассказывала мне о собственных страхах.

– Жуткий сон, – соглашается Габриель.

– Но тебе снились и пострашней, – говорю я без малейших сомнений.

Резко помрачнев, он кивает.

– Что, например? – спрашиваю я.

– Леди Роуз была беременна, – рассказывает он. – Больше года тому назад. Ребенок умер при родах. Вроде бы обвитие пуповиной. Комендант и леди Роуз развеяли его прах в апельсиновой роще. Я иногда думаю о нем. А был ли он вообще? Я не знаю точно, что происходит с теми, кто умирает в этом доме. Здесь нет кладбища или чего-нибудь вроде него. Тела либо сжигают, либо они просто исчезают.

У Роуз был ребенок. А я и не подозревала. И его прах или что-то похожее развеяно в апельсиновой роще.

– Габриель? – Мне становится по-настоящему страшно. – Я хочу выбраться отсюда.

– Я здесь уже девять лет, – говорит он. – Половину жизни. Иногда мне кажется, что за пределами этого поместья ничего нет.

– Конечно, есть, – отвечаю я. – Там океан, лодки выходят из гавани, люди бегают трусцой по дорожкам, а как стемнеет, зажигаются фонари. Там настоящий мир. А здесь – нет.

Но я понимаю его. В последнее время и мне все труднее стало вспоминать о своей прежней жизни.

Праздник, как нам и обещали, устраивают в апельсиновой роще. Весь день бедняжка Эль ни на шаг не отходит от Сесилии: она то платьем недовольна – не по фигуре сидит, то макияж ее не устраивает. Над прической тоже приходится потрудиться: волосы несколько раз перемывают и укладывают по новой. Меня приглашают оценить каждый вариант, и всякий раз Сесилия выглядит прекрасно, правда, свой юный возраст ей скрыть не удастся. Она похожа на маленькую девочку, надевшую мамины туфли на высоком каблуке, чтобы казаться взрослее.

Мне Дейдре сшила платье из мягкой ткани апельсинового цвета. Она уверяет меня, что при вечернем свете я буду в нем просто ослепительна. Обхожусь без укладки: длинные светлые локоны, переливаясь разными оттенками, свободно спадают на плечи. Дейдре молчит, но я знаю, что, смотря на мое отражение в зеркале, она не может не думать о том, как сильно я похожа на Роуз. Я почти уверена, что, когда меня увидит Линден, он даже не поймет, что это я, решит, что встретил земное перевоплощение своей потерянной любимой. Надеюсь, это поможет мне привлечь его внимание.

Едва начинает темнеть, мы отправляемся в апельсиновую рощу. Здесь уже установили площадку для танцев, музыканты готовятся к выступлению, и вокруг куча незнакомых мне людей, но все равно нельзя не заметить, как отличается это место от всей остальной территории. Участок совсем дикий, заросший; нестриженная трава, где-то высотой с каблук моих ужасно неудобных туфель, а кое-где и по колено, ласково щекочет ноги. Муравьи, покружив между

хрустальными бокалами, стройными шеренгами устремляются к деревьям. Окружающее меня растительное великолепие охвачено деловитым гудением и шуршанием.

Я здесь почти никого не знаю. Часть слуг расставляет горелки под общие блюда, другие заканчивают развешивать бумажные фонарики. Все гости одеты с иголочки, прямо лоснятся. Даже противно немного. Все они из первого поколения.

– Это друзья Распорядителя Вона, – шепчет мне Дейдре.

Забравшись на раскладной стульчик, она поправляет мне бретельку бюстгальтера, которая так и норовит соскользнуть с плеча.

– Своих друзей у Коменданта нет. Когда заболела Роуз, он даже из поместья не выезжал.

– А чем он занимался до этого? – спрашиваю я с улыбкой, будто меня этот разговор крайне занимает.

– Дома проектировал, – отвечает она и, взбив руками рассыпавшиеся по моим плечам пряди, добавляет: – Готово. Какая же ты красавица!

Я и мои названные сестры поначалу стараемся не привлекать к себе лишнего внимания – следуем инструкциям наших слуг. Мы держимся за руки, делим один бокал пунша на троих, выглядим мило и ожидаем, пока нас не представят. К нам подходят какие-то мужчины из первого поколения и приглашают на танец. Больше одной за раз не зовут. Они кладут руки нам на бедра и плечи, притягивают поближе к себе. Нас окутывают запахи их накрахмаленных рубашек и лосьона после бритья. Я с нетерпением жду, когда танец закончится и я смогу отойти к апельсиновым деревьям, чтобы вдохнуть чистый, прохладный воздух полной грудью. Рядом стоит уже слегка утомившаяся Дженна. Несмотря на то что в ней все еще не улеглась буря негодования по поводу своего пленения, танцует она сегодня так, что глаз не оторвать. Ей по плечу любой танец, быстрый или медленный. Изящная, как балерина, она двигается с легкостью язычка пламени, колеблющегося от беспокойного ветерка. Кружась в танце, Дженна улыбается нашему мужу. Он ею так очарован, что в смущении краснеет. Но я-то знаю, что скрывается за ее улыбкой. Знаю, почему она так наслаждается сегодняшним вечером: его покойная жена все еще здесь, и Дженна хочет, чтобы он хорошенько себе уяснил, что его боль и отчаяние никогда не пройдут.

Она улыбается, потому что довольна тем, как осуществляется ее план мести.

Встав рядом со мной, Дженна срывает с дерева апельсин. Вертит его в руках и задумчиво говорит:

– Мне кажется, мы с тобой сегодня легко отделались.

– Что ты имеешь в виду? – интересуюсь я.

Она кивает на танцующую пару. Линден обнимает Сесилию. Они медленно двигаются в такт музыке. Даже отсюда трудно не заметить ее белоснежную улыбку.

– Она ненадолго завладела его сердцем, – замечает Дженна. – Он ни на шаг от нее не отходит.

– Да, ты права, – отвечаю я.

Он танцует только с Сесилией, а в перерывах не спускает восторженных глаз с Дженны. В мою сторону он не посмотрел ни разу.

Дженну опять приглашают на танец. Очередной вздохатель. Ничего удивительного. У нее очаровательная улыбка, да и танцует она чудесно. Мне остается потягивать пунш из хрустального бокала, наслаждаться прохладным ветерком, играющим в волосах, и гадать, где Роуз стало плохо в тот самый первый раз. Там, где слуги сейчас переругиваются из-за того, что гостям не хватило курицы? Или там, в зарослях высокой травы, куда, незаметно покинув танцпол, с веселым хихиканьем направляются Сесилия и Линден? И где именно развеяли ее прах? И был ли это действительно ее прах? И что на самом деле произошло с мертвым ребенком Линдена и Роуз?

Наступает ночь, и гости потихоньку расходятся. Мы с Дженной сидим прямо на траве, а Эдер и Дейдре расчесывают наши спутанные волосы. Линдена и Сесилии нигде нет, они не появляются даже позже, когда мы ложимся спать.

На следующий день где-то после полудня в библиотеку заявляется Сесилия. Бледная, потерянная, с лица не сходит робкая, неуверенная улыбка, волосы в полном беспорядке. Прямо жертва военных действий.

Габриель приносит чай, и она, как обычно, щедро кладет себе в чашку полсахарницы. С нами не разговаривает. На щеке еще видны следы от подушки, и она едва заметно морщится всякий раз, когда двигается.

– День сегодня чудесный, – решает прервать затянувшуюся паузу Сесилия.

Я уже устроилась в своем мягком кресле для чтения, а Дженна отошла к книжным стеллажам.

Сесилию не узнать. Ее словно подменили. Она вся как-то притихла, голос стал мягче, мелодичнее. Она похожа на дикую птаху, которая вдруг оказалась в клетке и сейчас недоуменно осматривается. И кажется ей в забытьи, будто в том, что с ней приключилось, нет на самом деле ничего страшного.

– У тебя все хорошо? – спрашиваю я.

– Да, да, – отвечает она.

Она слегка наклоняет голову сначала в одну сторону, потом в другую, затем осторожно кладет ее на стол. Из другого угла комнаты Дженна бросает на меня быстрый взгляд. Она молчит, но мне все понятно и без слов. Раз Сесилии удалось добиться своего от нашего мужа, значит, Линден отпустил наконец Роуз и готов к выполнению супружеского долга со всеми своими оставшимися женами.

Сесилия кажется такой маленькой, беспомощной и одновременно настолько счастливой, что я сдаюсь: осторожно помогаю ей встать на ноги. Она не сопротивляется, напротив, обхватывает меня своей ручонкой за талию, чтобы мне легче было довести ее до спальни.

Ну и чудовище этот Линден, думаю я. Ну и мерзавец!

– Не видит разве, что она еще совсем девчонка? – бормочу я себе под нос.

– Ты чего? – отзывается Сесилия, вопросительно подняв бровь.

– Ничего, – говорю я. – Как ты себя чувствуешь?

Она залезает на разобранную постель, которая выглядит так, словно с нее только что встали. Опускает голову на подушку и, посмотрев на меня затуманенными глазами, отвечает:

– Прекрасно!

Когда поправляю на ней одеяло, замечаю на простыне маленькое пятнышко крови.

Сижусь с ней, пока она не засыпает, и слушаю пение малиновок, что свили гнездо под ее окном. Она мне давно хотела их показать, когда все искала повода со мной заговорить. Ребенок, ни дать ни взять. Не очень-то я к ней была добра. Неправильно это. Она не виновата, что так молода и не до конца понимает, что вокруг нее происходит. Нет ее

вины и в том, что она выросла без родителей, в приюте, где никому дела не было до того, что с ней станет – выйдет ли она замуж или сгниет где-нибудь в канаве. Она не знает, как хрупка ее жизнь и как близко находилась она в том фургоне к тому, чтобы ее потерять.

Но я-то другое дело. Смахнув прядь спутанных волос с лица Сесилии, желаю ей сладких снов.

Самое заветное желание любого, кто оказался в этом проклятом месте.

Я так разозлилась на Линдена, что даже видеть его не могу. В ту ночь он приходит ко мне в спальню и, не говоря ни слова, направляется к кровати. Я не спешу откидывать простыни, и он останавливается на полпути. Включаю свет с таким видом, словно меня только что разбудили, хотя на самом деле я его ждала.

– Привет, – говорит он мягко.

– Привет, – отвечаю я и сажусь в кровати.

Он дотрагивается до края моего матраса, но продолжает стоять. Может, ждет приглашения? От Сесилии дождался? С Дженной ему так точно не повезет. Если он не хочет брать нас силой, никто, кроме Сесилии, по собственной воле с ним не ляжет.

– Вчера вечером, в апельсиновой роще... Ты была такой красивой.

– Думала, ты меня не заметил, – говорю я.

Даже сейчас он смотрит не на меня, а в окно. В мое наглухо закрытое окно. Опять поднялся ветер, завывает, словно зверь. Кружит небось по саду в апельсиново-розовом вихре.

– Можно я лягу? – спрашивает он.

– Нельзя, – отвечаю я, аккуратно разглаживая на коленях одеяло.

Он смотрит на меня. Тонкая бровь недоверчиво ползет вверх.

– Нельзя?

– Нет, – подтверждаю я, стараясь говорить сердитым голосом.

Выходит не очень убедительно. Воцаряется напряженная тишина.

– Но спасибо, что спросил, – добавляю я.

Он смущается, переступает с ноги на ногу и, кажется, никак не может решить, куда деть руки – на нем пижамные штаны без карманов.

– Может, прогуляемся? – спрашивает он.

– Сейчас? – удивляюсь я. – Там вроде холодно.

Флорида оказалась краем с непредсказуемой погодой.

– Надень пальто, – говорит он. – Жду тебя у лифта через пару минут.

Что ж, думаю, можно и прогуляться. Заглянув в гардеробную, накидываю поверх ночной сорочки легкое вязаное пальто, на ноги натягиваю пару теплых носков. Они такие толстые, что мне едва удастся влезть в свои туфли.

Увидев Линдена у лифта, замечаю, что на мне женский вариант его пальто. Вряд ли это совпадение. Должно быть, Дейдре, неисправимый юный романтик, специально сделала мне пальто в пару к его. Наверное, намекает, что мне следует научиться любить своего мужа. Какая же она еще все-таки маленькая. Впереди у нее достаточно времени, чтобы понять, что такое настоящая любовь, или на худой конец узнать, что ею не является.

Лифт идет вниз. Перед глазами оживают картинки: на маме пышное платье, она кружит в танце с отцом, который ее нежно обнимает, в гостиной звучит музыка. «Хотите узнать, что такое настоящая любовь?» – спрашивает нас с братом отец, генетик по профессии, пока мы, не отрывая глаз, смотрим, как танцуют наши родители. «Я расскажу вам, что такое настоящая любовь. Она не имеет ничего общего с наукой. Она такая же часть окружающего нас природного мира, как небо».

Любовь естественна. А сегодня даже о людях такого не скажешь. Мы подделки, агонизирующие куклы. И брак у меня под стать – не замужество, а всего лишь иллюзия.

На улице холодно, ветер пронизывает до костей. В воздухе пахнет осенью: дымом и жухлой листвой. На ум приходят ветровки, грабли и гетры, которые я носила в школу. Все, что осталось где-то далеко, но продолжает жить в воспоминаниях. Нос чуть не заледенел. Поднимаю воротник пальто, чтобы прикрыть уши.

Линден берет меня под руку, и мы, минуя розарий, направляемся в апельсиновую рощу. От вчерашнего праздника не осталось и следа, и я наконец вижу, что это за место: неухоженное, дикое и удивительно красивое. Вот бы устроиться здесь на одеяле с книжкой. Теперь ясно, почему Роуз проводила тут столько времени. Интересно, в тот день, когда она впервые потеряла сознание, она сразу догадалась, что больна? Надеялась ли, укрывшись в тени усыпанных нежными белыми

цветами апельсиновых деревьев, уйти из этого мира тихо, не мучаясь невыносимыми болями?

Ветер убаюкивает меня, шелестя листвой. На душе становится легко. Я больше не злюсь.

– Она здесь, – как будто читая мои мысли, говорит Линден.

– Угу... – соглашаюсь я.

Мы не торопясь идем по едва различимой тропинке. Хотя тропинка – громко сказано, одна примятая трава да грязь. Здесь нет ни искусственных прудиков, ни скамеек, ни уютных двухместных качелей. Резкие порывы ветра выхватывают слова прямо изо рта. Вижу, что Линден хочет мне что-то сказать. В минуту затишья он останавливается и берет меня за руку. От холода вся кожа у меня на костяшках пальцев потрескалась, а его ладони гладкие и влажные.

– Послушай, – начинает он, в лунном сиянии его глаза мерцают зеленым светом. – Я разделю эту рощу с тобой. Куда бы ты ни захотела поехать, просто скажи, я не буду возражать. Вот только это место для меня свято, понимаешь? Я не позволю тебе использовать его против меня.

Он говорит это спокойно, твердым тоном, но все продолжает сжимать мою руку. Его голова чуть наклонена вперед, взгляд не отрывается от моего лица. Выходит, он все знает. Понял, с какой целью я предложила провести здесь праздник, но руки на меня не поднял, не избил за неповиновение, в отличие от своего отца, жестоко наказавшего Габриеля. Почему? С чего вдруг человек, выкравший трех девушек из их родного дома, решил проявить такую доброту?

Сжимаю обветрившиеся губы, борясь с желанием попросить его, если уж он так расщедрился, отправить меня домой, на Манхэттен. Нельзя, чтобы он догадался о моих надеждах на побег. Узнает – никогда меня не отпустит. Откровенность в мои планы не входит.

– Я правда не хотела сделать тебе больно, – объясняюсь я. – Ревновала, наверное. Ты не обращал на меня никакого внимания, и я подумала, что, если праздник пройдет в роще, тебе станет полегче. Устроим что-нибудь вроде поминок по Роуз. А после ты мог бы начать с нами трезвую новую жизнь.

Такого он совсем не ожидал. Моя ложь так его растрогала, что мне на мгновение становится не по себе. Очень жаль, что приходится использовать имя Роуз в то самое время, когда ее остывшее тело

кромсают в подвале, без сожалений уродуя, изничтожая ее красоту. Однажды днем Роуз, разметавшись на кровати в лихорадочном полузабытии и едва-едва сохраняя крупницы сознания, заставила меня пообещать, что я позабочусь о Линдене. Слово-то я дала, но сдерживать его не собиралась. Может, хоть эта ложь послужит ему слабым утешением в тяжелую минуту.

– Я хотел ее похоронить, – говорит он, – но отец сказал, что не стоит этого делать. Объяснил, что мы не знаем, может ли ее вирус... – у него перехватывает горло, и он на несколько секунд замолкает, – может ли он заразить почву. Он отдал мне только ее прах.

Жду, что он упомянет ребенка, чьи останки тут развеяны, но Линден молчит. Есть тайны, в которые он меня посвящать не желает. А может, обсуждать этого ребенка просто выше его сил.

– Ты хочешь развеять его здесь? – спрашиваю я.

– Уже, – отвечает он. – Вчера вечером, как закончился праздник. Подумал, это подходящее время с ней попрощаться.

Видимо, сделал это сразу после свидания с Сесилией. Даже ее слепое обожание не может унять его тоску. Не говорю ни слова. Сейчас не время вспоминать Сесилию. Вместо этого мы разворачиваемся и рука об руку, как настоящие супруги, направляемся обратно к увитой плющом громаде особняка. Думаю о листке плюща, что заложила между страницами любовного романа то ли со счастливым, то ли с трагическим концом, но одна мысль мне все не дает покоя: чей же прах на самом деле прошлым вечером развеял Линден?

В последующие дни мы ужинаем все вместе: Линден и три его жены. Ночует он, как правило, у меня. Мы только разговариваем и спим. Ему нравится лежать на моем одеяле и наблюдать за тем, как я натираю кремом руки, расчесываю волосы, задергиваю шторы и пью свой вечерний чай. Я не возражаю против его присутствия. Знаю только, что Дженна бы этого не вынесла. И от Сесилии его лучше держать подальше: она позволит ему сделать с собой все что угодно, а меня так напугало то, какой неожиданно хрупкой она выглядела наутро после праздника. Вижу, как она мучается от ревности, ведь сейчас он остается у меня. По-моему, это ее совершенно не касается, поэтому все расспросы Сесилии предпочитаю пропускать мимо ушей. На самом деле мы с Линденом даже не притрагиваемся друг к другу. Лишь

прикосновение его пальцев к моим волосам изредка тревожит тонкое полотно моих сновидений.

Перед сном он часто мне о чем-нибудь рассказывает. Габриель стал приносить мне завтрак в то же время, что и другим женам. Завтрак теперь сервируют на двоих. Линден часто заказывает что-нибудь неожиданное, например чашку сиропа или виноград, который он ест, поднося ко рту целую гроздь и откусывая от нее по ягодке. Мне очень не хватает Джун Бинз, Габриель их больше не приносит. Еще я скучаю по нашим с ним разговорам. Нам остается только обмениваться быстрыми взглядами, потому что Линден стал брать меня на дневные прогулки.

В теплую погоду он приглашает нас троих к бассейну. Дженна загорает, Сесилия прыгает в воду с криками неприкрытого восторга. Они заставляют меня задуматься о нормальном детстве и о свободе, которых она лишена. Большую часть времени я провожу под водой, где наблюдаю за голографическими медузами, скользящими над иллюзией океанского дна. Ко мне устремляются акулы. Проплыв сквозь меня, они уступают место стайкам ярко-желтых и оранжевых рыбок, за которыми следуют киты размером с целый бассейн. Иногда я забываю, что все здесь ненастоящее, и, погружаясь все глубже, отправляюсь на поиски Атлантиды, чтобы уткнуться в итоге носом в дно бассейна.

Мы проводим здесь целые дни. Мне нравится, словно я на отдыхе со своими сестрами. Даже Дженна, опустив кончики пальцев в воду, поддается царящему здесь настроению и брызгает на меня водой.

Однажды мы с Сесилией сговариваемся и, неожиданно схватив Дженну за ноги, стаскиваем ее в воду. Дженна протестующе визжит, хватается за край бассейна, кричит, что мы просто отвратительны и что она нас ненавидит. Наконец она успокаивается. Мы ныряем вместе, держась за руки: хотим поймать голографических гуппи.

Сам Линден не плавает, только интересуется время от времени, как нам нравятся голограммы. На нем только плавки, и видно, какой он худой и бледный. Расположившись на влажном полотенце, он погружается в чтение журналов по архитектуре. Наверное, собирается вернуться к работе. Может быть, опять начнет выезжать из поместья. Глядишь, на какую-нибудь вечеринку пригласят. Он решит пойти и меня с собой возьмет. Знаю, что побег нужно тщательно

спланировать – в первый же выход в свет у меня вряд ли получится быстро и незаметно раствориться в толпе. А вдруг там будет телевидение? Вот увидит меня Роуэн в какой-нибудь программе, будет знать, что я не умерла.

Как-то раз я заскакиваю в дом, чтобы взять еще одно полотенце из шкафа прямо за дверью, и с разбегу чуть не налетаю на Габриеля, держащего в руках поднос с изящными бокалами, наполненными апельсиновым соком.

– Ой, прости, – выпаливаю я.

– Ты, я вижу, не скучаешь, – говорит он, смотря куда-то в сторону. Коротко извинившись, он начинает меня обходить.

– Постой, – прошу я.

Оглядываюсь. Через стеклянную дверь хорошо видна вся наша компания, отдыхающая и резвящаяся у бассейна. Хочу убедиться, что никто из них на нас не смотрит. Габриель оборачивается ко мне.

– Ты на меня за что-то злишься?

– Да нет. Мне просто показалось, что тебе больше не до разговоров со слугами, – отвечает он. Мне не по душе сумрачный блеск его обычно кротких глаз. – Ты же стала настоящей супругой Коменданта.

– Эй, погоди-ка! – пытаюсь я его остановить.

– Тут и объяснять нечего, леди Рейн, – продолжает он.

Да, так меня слугам называть и положено, но я, видимо, до такого обращения еще не доросла, и все зовут меня «Рейн», ну, или «блондиночка». Вообще-то Габриель прав. Я уже давно не разговаривала ни с кем, кроме Линдена и сестер. А мне так нравилось сидеть на кухонном столе и болтать с поварами. Я скучаю по нашим с Габриелем разговорам и по Джун Бинз (надо бы пополнить их запасы). Но не могу же я говорить о таких вещах в присутствии Линдена или Распорядителя Вона. А когда я вижу Габриеля, кто-нибудь из них обязательно оказывается поблизости.

– Ну что? – спрашиваю я. – Что я такого сделала?

– Просто я не ожидал, что ты так быстро влюбишься в Коменданта, – отвечает он.

Его предположение настолько нелепо, что меня начинает распирает смех.

– Что? – только и могу вымолвить я.

– Мы ведь все в одном доме живем, – говорит он. – Я тебе каждое утро завтрак приношу.

Он даже представить себе не может, как чудовищно ошибается. Но меня так обидели его слова, что я ему даже объяснять ничего не собираюсь.

– Хочешь сказать, не ожидал, что я буду спать в одной постели со своим собственным мужем? – спрашиваю я.

– Видимо, не ожидал, – отвечает он, открывает раздвижную стеклянную дверь и выходит на залитый солнцем двор.

Я, как была – мокрая, зуб на зуб не попадает, – стою на месте, не в силах пошевелиться. Думаю, что же за человеком я стала в этом проклятом доме.

За ужином не раскрываю рта. Линден спрашивает, нравится ли мне еда. Дождавшись, пока Габриель нальет мне газированной воды, киваю в ответ. Мне не терпится отозвать Габриеля в сторону и все ему рассказать, объяснить, как сильно он заблуждается насчет нас с Линденом. Но за столом сидит Распорядитель Вон, и я не хочу привлекать к себе ненужного внимания.

После ужина Габриель провожает всех нас на лифте до нужного этажа. Стараюсь перехватить его взгляд, но он упорно на меня не смотрит.

Сесилия стоит позади меня, потирая виски.

– Почему здесь такой яркий свет? – спрашивает она.

Двери открываются, и мы с Дженной выходим из лифта. Сесилия не двигается с места.

– Что такое? – спрашиваю я.

И тут вдруг замечаю, какая она бледная, все лицо покрыто потом.

– Мне что-то нехорошо, – говорит она.

Только она заканчивает фразу, как ее глаза закатываются. Габриель едва успевает подхватить на руки ее обмякшее тело.

8

Отовсюду набегают слуги. Заглянув в комнату Сесилии, они уже через пару секунд выскакивают оттуда с очередным поручением. Весь этаж гудит, как большой муравейник. Приходит Распорядитель Вон. Линден меряет шагами коридор и каждые несколько минут заглядывает к Сесилии, чтобы справиться о ее самочувствии. Нас с Дженной отсылают по своим комнатам. Я сижу перед туалетным столиком, стараясь справиться с потрясением. Из-за всех этих переживаний заснуть мне все равно не удастся.

Может, надо было рассказать Линдену, как ужасно она выглядела наутро после праздника. Он бы ко мне прислушался. Напомнила бы ему, что она еще совсем ребенок. Он не замечает очевидного, я обязана была вмешаться.

У нее открылось кровотечение? Она умирает? Днем она ни на что не жаловалась.

Прижимаю ухо к двери, пытаюсь разобрать хоть слово, но звуки, доносящиеся из другого конца коридора, сливаются в один сплошной гул. Дверь неожиданно распахивается, и я едва не теряю равновесие. В комнату заглядывает Габриель.

– Прости. Не хотел тебя напугать, – мягко говорит он.

Делаю шаг в сторону. Он входит и прикрывает за собой дверь. Непривычно видеть его в своей спальне без неизменного подноса в руках.

– Зашел убедиться, что ты в порядке, – говорит он с теплотой в голосе.

Взгляд его голубых глаз обрел прежнюю безмятежность. От былой обиды не осталось и следа. Может, он просто решил на время сделать вид, что между нами ничего не изменилось. Ну и ладно. Я настолько рада видеть Габриеля, такого, как раньше, что крепко его обнимаю.

Растерявшись, он напрягается всем телом, но потом тоже крепко меня обнимает и утыкается подбородком мне в макушку.

– Это было ужасно, – говорю я.

– Знаю, – отзывается он.

Чувствую его руки на моей спине. Так близко к нему я еще ни разу не была. Он выше и плотнее Линдена. Тот до того худой, что,

кажется, дунь посильнее ветер, и его унесет. От Габриеля пахнет кухней, веет ее шумом и суетой. Сразу вспоминаются дымящиеся кастрюли и теплая выпечка.

– Ничего ты не знаешь, – не соглашаюсь я и немного отстраняюсь, чтобы заглянуть ему в глаза. На его покрасневшем лице застыло странное выражение. – Дело не только в Сесилии. Нам всем несладко в этом браке. Знаешь, ведь Дженна ненавидит Линдена. И я замечаю, как он на меня смотрит – словно я Роуз. Но выбора у меня нет, приходится терпеть. Только вот лежать рядом с ним всю ночь и слушать, как он бормочет во сне ее имя... Это просто невыносимо. Кажется, будто он отнимает у меня каждый день по крошечному кусочку, и меня становится все меньше и меньше.

– Такое ему не под силу, – заверяет меня Габриель.

– А тут еще ты, – говорю я. – Не смей больше называть меня леди Рейн! Сегодня я впервые услышала это обращение, и оно мне жутко не понравилось. Совсем мне не подходит.

– Ладно, – говорит он. – Извини. Чем бы вы там с Комендантом ни занимались, меня это совершенно не касается.

– Да все не так! – едва не кричу я и хватаю его за плечи. Понижаю голос до шепота, чтобы нас не было слышно в коридоре. – Скорее ад замерзнет, чем я с ним пересплю, неужели тебе это не ясно?

Меня несет. Я чуть было не рассказываю ему о своем плане побега, но решаю все-таки промолчать. Пусть пока останется моим секретом.

– Ты мне веришь? – спрашиваю я.

– Я никогда и не сомневался, – уверяет меня он. – Но вот увидел его в твоей постели и... Ну, не знаю. Как-то проняло меня это зрелище.

– Да уж, знакомые чувства, – отвечаю я с легким смешком.

Габриель тоже коротко смеется. Отхожу от него и сажусь на край кровати.

– Что там с Сесилией?

Он качает головой:

– Не знаю. Здесь Распорядитель Вон. С ним несколько местных врачей.

Видит, что я меняюсь в лице.

– Послушай меня. Я уверен, что все будет хорошо. Если бы с ней было что-то серьезное, они бы уже отправили ее в городскую

больницу.

Бросаю взгляд на свои лежащие на коленях руки и тяжело вздыхаю.

– Тебе принести что-нибудь? – спрашивает Габриель. – Может, чай? Или клубнику? Ты почти ничего не ела за ужином.

Не хочу я ни чая, ни клубники. Одного хочу: чтобы Габриель был мне не слугой, а другом, чтобы он мог здесь со мной немного посидеть и ему бы за это потом не попало. Мечтаю, чтобы мы оба оказались свободны.

Может, если я придумаю хороший план побега, смогу взять Габриеля с собой. Думаю, ему понравится наша гавань.

Не знаю, как сказать ему об этом так, чтобы он не подумал, что я бесхарактерная. Единственное, что приходит в голову:

– Расскажи мне о себе.

– О себе? – растерянно переспрашивает он.

– Да, – отвечаю я и жестом приглашаю его сесть рядом.

– Ты уже все знаешь, – говорит он, присаживаясь.

– Ничего подобного, – возражаю я. – Где ты родился? Какое время года больше всего любишь? Да все что угодно.

– Здесь. Во Флориде, – отвечает он. – Помню женщину в красном платье с темными вьющимися волосами. Маму, наверное, но я не уверен. Люблю лето. А ты? – спрашивает он, улыбаясь.

Улыбки не часто освещают его лицо, поэтому каждую из них я считаю своей маленькой победой.

– Обожаю осень, – отвечаю я.

Он уже знает про Манхэттен и о том, что мои родители умерли, когда мне было двенадцать.

Когда раздастся стук в дверь, я обдумываю следующий вопрос. Габриель встает и разглаживает покрывало с того края, где он сидел. Хватаю с туалетного столика пустой стакан на случай, если понадобится предлог для присутствия в моей комнате слуги.

– Войдите, – говорю я.

Это Эль, помощница Сесилии. Ее глаза горят от возбуждения.

– Знаете, что у меня за новости? – спрашивает она. – Никогда не догадаетесь. У Сесилии будет маленький!

В течение нескольких следующих недель Линден находится при Сесилии почти неотлучно, и я снова превращаюсь в невидимку. Понимаю, что из-за сложившейся ситуации с побегом придется повременить, но пока без постоянного присутствия Линдена мне даже дышится как-то легче. У нас с Gabrielem опять есть возможность разговаривать по утрам, когда он приходит ко мне с завтраком. Так как его обязанность – приносить нам еду, ко мне он может зайти пораньше, пока остальные жены еще не проснулись. Правда, из-за беременности спать Сесилия стала совсем плохо.

Проводить время с Gabrielem совсем не то, что отбывать положенные часы с Линденом. С Gabrielem можно быть откровенной, и я рассказываю ему о том, как сильно я скучаю по Манхэттену. Прежде он мне казался просто огромным, а сейчас превратился в маленькую точку на карте.

– Раньше весь город был разделен на пять районов – Бруклин, вроде бы Квинс и еще несколько. Потом, когда построили маяки, оборудовали гавани, всех их стали называть Манхэттен. Сейчас районы отличаются друг от друга по тому, что в них производят. Мой, например, это заводы и перевозки. В западном районе занимаются рыболовством, а на востоке расположены жилые кварталы.

– Как так получилось? – спрашивает Габриель, жуя тост с моего подноса.

Он сидит на диванчике у окна, и лучи утреннего солнца высвечивают пронзительную голубизну его глаз.

– Не знаю, – отвечаю я, переворачиваюсь на живот, руки кладу себе под подбородок. – Может, из-за прежних названий постоянно возникала путаница. Ведь промышленные постройки заняли все районы, кроме одного. Наверное, президенту недосуг было запоминать, что где находится.

– Тесновато у вас там, – говорит он.

– Есть немного, – соглашаюсь я, – но некоторым зданиям несколько сотен лет. Когда я была маленькой, то часто представляла себе, как будто выхожу за дверь и попадаю в прошлое. Представляла...

Умолкаю на полуслове. Провожу пальцем по строчкам на одеяле.

– Что такое? – спрашивает Габриель, наклоняясь ко мне.

– Я об этом еще никому не рассказывала, – признаюсь я, сама себе удивляясь. – Так вот, я представляла, что вдруг оказываюсь в двадцать

первом веке. Там встречаю на улицах людей разного возраста и сама могу стать взрослой, такой, как они.

Наступает долгая тишина. Увлеченно рассматриваю одеяло. На самом деле прячу глаза, теряясь под пристальным взглядом Габриеля. Чуть помедлив, он подходит к кровати с моей стороны; матрас слегка прогибается под его весом.

– Ладно, брось, – говорю я с вымученным смешком. – Ерунда это все.

– Нет, – возражает он. – Не ерунда.

Его палец повторяет движения моего, двигаясь вверх-вниз по соседним строчкам. Наши руки почти соприкасаются. По моему телу пробегает теплая волна, губы сами раздвигаются в улыбке. Знаю, что никогда не буду взрослой, все мечты об этом остались в далеком прошлом. Мне бы даже в голову не пришло рассказать о своих фантазиях родителям, они бы очень расстроились, или брату, он бы назвал их глупыми. Поэтому я держала их при себе, уговаривала себя забыть о них. Но в эту минуту, наблюдая за тем, как наши руки двигаются по одеялу, словно следуя заранее установленным правилам и подчиняясь определенному ритму, я разрешаю себе вернуться в мир грез. Однажды я покину этот особняк и найду за его стенами целый мир. Здоровый, цветущий мир, где проживу прекрасную долгую жизнь.

– Ты обязательно должен его увидеть, – говорю я. – Ну, город то есть.

– Я бы с удовольствием, – отвечает он тихо.

Раздается стук. Из-за закрытой двери слышится голос Сесилии:

– Линден у тебя? Он должен был принести мне горячего шоколада.

– Нет, – отвечаю я.

– Но я слышала голоса, – настаивает она. – Кто там с тобой?

Габриель поднимается. Я разглаживаю одеяло, он тем временем подхватывает с туалетного столика поднос с моим завтраком.

– Попробуй позвонить на кухню, – советую я ей. – Может, там знают, где он сейчас. Или вызови Эль.

Недолгое молчание. Снова стук в дверь.

– Можно войти?

Сажусь на кровати, быстрым движением набрасываю на матрас одеяло, расправляю его, взбиваю подушки. Я не сделала ничего дурного, но мне почему-то неловко оттого, что она застанет у меня Габриеля. Пересекаю комнату и открываю дверь.

– Чего тебе надо? – спрашиваю я.

Протолкнувшись мимо меня, она впивается взглядом в Габриеля. Ее карие глаза ничего не упускают.

– Я пойду, надо отнести эти тарелки на кухню. – Видно, что Габриелю неловко.

Выглядываю из-за спины Сесилии. Хочу дать ему понять, что мне жаль, что все так получилось, но он в мою сторону даже не смотрит. Все его внимание приковано к своим туфлям.

– Раз так, принеси мне тогда горячего шоколада, – распоряжается Сесилия. – Обжигающе горячего. И не клади в него зефиринки. Вечно ты их добавляешь, а они тают и становятся противными, потому что ты слишком долго сюда поднимаешься. Положи их рядом на отдельное блюдце. А еще лучше, захвати целый пакет.

Он кивает и, пройдя мимо нас, выходит из комнаты. Сесилия высовывает голову в коридор и провожает Габриеля долгим взглядом. Когда за его спиной закрываются двери лифта, она резко оборачивает ко мне.

– Почему дверь была закрыта?

– Не твое дело, – огрызаюсь я.

Знаю, как подозрительно могли прозвучать мои слова, но ничего не могу с собой поделать. Разговоры с Габриелем – одно из редких доступных мне удовольствий. Нет у моих сестер никакого права вмешиваться в мою жизнь! Правда, и воспрепятствовать я им не в силах.

В раздражении сажусь на диванчик и делаю вид, что перебираю верхний ящик, где у меня хранятся заколки для волос.

– Он же слуга, – говорит Сесилия, неторопливыми шагами меряя мою комнату и ведя пальчиком по одной из стен. – Да и мозги у него куриные. Когда бы ни принес чай, всегда чего-нибудь не хватает: то сахара мало, то сливок. И двигается еле-еле: вечность пройдет, пока он к нам с кухни доберется! Все приходится есть холодным.

– Все у него в порядке с мозгами, – встречаю я. – Ты просто обожаешь жаловаться.

– Жаловаться? – У нее даже дыхание перехватывает от возмущения. – Жаловаться? Не тебя каждое утро выворачивает завтраком! Не ты торчишь весь день в постели, как привязанная. И все из-за этой дурацкой беременности. Не слишком многого я и прошу. Все, что требуется от этих недотеп, это выполнять свою работу – приносить мне все, чего я хочу.

Она плюхается на мой матрас и с вызовом скрещивает руки на груди: все высказала.

Со своего места я ясно вижу небольшой бугорок под легкой тканью ее ночной сорочки. Тонкий аромат духов не в силах замаскировать слабый, но стойкий запах рвоты, исходящий от девушки. Ее волосы растрепаны, лицо бледное. Хоть и не хочется в этом признаваться, но я понимаю причину ее раздражительности. Не должна столь юная девушка проходить через такое.

– Вот, держи, – вытаскивая из ящика один из красных леденцов, что подарила мне на свадьбу леди Роуз, я протягиваю ей. – Поможет успокоить желудок.

Она берет леденец, отправляет его в рот и удовлетворенно вздыхает.

– Знаешь, а ведь рожать больно, – говорит она. – Я даже умереть могу.

– Ничего с тобой не случится, – успокаиваю ее я, стараясь не думать о том, что мать Линдена умерла при родах.

– Но я могу умереть, – настаивает она.

На этот раз никакого вызова в голосе, теперь в нем звучат нотки страха. Она рассматривает фантик, который держит в руке.

– Поэтому они должны мне приносить все, что я хочу.

Сажусь рядом, обнимаю ее одной рукой. Она кладет мне голову на плечо.

– Ладно, – соглашаюсь я. – Они должны тебе приносить все, что ты захочешь. Но знаешь, ласковый теленок двух маток сосет.

– Что это значит?

– Так часто говорила моя мама, – объясняю я ей. – Смысл в том, что, если будешь к людям добрее, они станут охотнее выполнять твои просьбы. Может даже, сделают что-нибудь, о чем ты их специально и не просила.

– Вот почему ты с ним так сюсюкаешь? – интересуется она.

– С кем?

– С этим слугой. Ты постоянно с ним разговариваешь.

– Наверное, – отвечаю я.

Чувствую, как у меня начинают пылать щеки. Хорошо, что Сесилия на меня не смотрит.

– Просто стараюсь быть милой.

– Не надо, – говорит она. – Это могут неправильно понять.

9

Сесилия беременна, и Линден так и сияет от радости, весь дом в приподнятом настроении, и мы получаем свободу передвижения. В пределах поместья, конечно. Когда никого нет рядом, я пытаюсь отыскать на территории хоть какую-нибудь дорожку, ведущую во внешний мир. Но мне не везет даже с тропинкой. Распорядитель Вон иногда уезжает из особняка на работу в больницу, но газоны, наверное, чем-то опрыскивают, потому что на траве у гаража нет и следов шин. Габриель недаром назвал это место бескрайним. Мне начинает казаться, что так оно и есть. Нет у него ни начала, ни конца. Куда бы ни пошла, неизменно возвращаюсь к задней части дома.

Отец часто рассказывал мне о ярмарках с аттракционами. Говорил, что ярмарка – это праздник ради праздника и ей повод не нужен. Ребенком он ходил в парки развлечений, чтобы за десять долларов посетить комнату смеха или «дом зеркал». Он много раз мне описывал, как проходит между выпуклыми и вогнутыми зеркалами и смотрит в них на свое отражение: тут он великан, там совсем крошка. Помимо кривых, были там еще и плоские зеркала; они были поставлены друг напротив друга так, чтобы создать иллюзию бесконечного коридора. Отец рассказывал, что изнутри дом всегда казался огромным, хотя в действительности был размером с обычный сарай. Весь фокус заключался в том, чтобы не поддаваться иллюзии, выход-то на самом деле был совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки.

Раньше я не понимала, что он имел в виду. Брожу по розарию, теннисным кортам, садовым лабиринтам, думаю, что бы сказал отец. Представляю, как он наблюдает за мной сверху, как за муравьишкой, мечущимся в панике по клочку земли и не замечающим выхода прямо у себя под носом.

– Ну, подскажи мне, – прошу я его, стоя в апельсиновой роще.

В ответ слышится только шум ветра, колышущего высокую траву. Никогда не умела разгадывать шарады, это у брата получалось собрать кубик Рубика с первой попытки. Пока я разглядывала картинки, он интересовался, как все вокруг устроено, выпрашивал у отца подробности из истории уничтоженных стран.

Представляю себе, как из-за апельсинового дерева выходит брат.

«Не надо было тебе отзываться на то объявление, – сказал бы он. – Ты никогда не слушаешь, что я тебе говорю. Ну и что прикажешь мне с тобой делать?»

Он взял бы меня за руку и отвел домой.

– Роуэн...

Звук его имени тонет в потоке горячих слез. Только ветерок шелестит в ответ. Брат не появится. Нет на белом свете такой тропинки, что привела бы его ко мне.

Когда у меня не остается больше сил совершать эти бесцельные прогулки, я решаю сделать перерыв и поддаться искушениям, которыми может похвастать моя тюрьма. Ныряю в «морские» глубины нашего бассейна. Кто-то из прислуги показывает мне, как менять голограммы, и теперь я могу проплыть под арктическим айсбергом или управлять затонувшим «Титаником». Компанию мне составляют дельфины-афалины. После купания мы с Дженной, мокрые и пахнущие хлоркой, лежим на траве и потягиваем разноцветные коктейли из бокалов, украшенных ананасовыми дольками. Потом играем в мини-гольф на площадке, которая, наверное, была построена для Линдена, когда он был ребенком, или еще раньше, для его умершего брата. Счет не ведем, объединяем наши усилия и, несмотря на все старания вертящегося у последней лунки игрушечного клоуна, загоняем в нее мяч. Пробуем свои силы в теннисе, но надолго нас не хватает, и мы решаем остановиться на кидании теннисных мячиков в стенку. У нас обеих это неплохо получается.

На кухне обедаю Джун Бинз. Еще, усевшись на кухонный стол, помогаю Габриелю чистить картошку и слушаю разговоры поваров. Кажется, у них две любимые темы: погода и то, как здорово было бы как-нибудь скормить избалованной маленькой женошке вонючий носок. Даже Габриель, добрая душа, и то соглашается, что Сесилия в последнее время перегибает палку. Кто-то предлагает подать ей на обед жареную крысу в качестве основного блюда, но тут вмешивается старшая повариха:

– Попридержи язык! Что за разговоры о крысах на моей кухне!

Линден понимает, что совсем перестал уделять нам с Дженной внимание. Спрашивает нас, чего бы нам хотелось – мы можем выбрать все что угодно. Чуть было не прошу у него ящик Джун Бинз. Я недавно слышала, как на кухне жаловались, что утром продукты

привозят слишком рано. С тех пор меня не покидает идея сбежать, спрятавшись в продуктовом грузовике. Но затем я думаю о том, как многого я добилась в отношениях с Линденом и как легко я потеряю его доверие, если меня поймают. В последнем я почти уверена. Ведь Распорядитель Вон в курсе всего, что происходит в этом доме.

Дженна просит большой батут. На следующее утро он уже стоит в розарии. Мы прыгаем на нем, пока нам не кажется, что сердце вот-вот вырвется из груди. Тогда мы ложимся в самый его центр и какое-то время рассматриваем облака.

– Не самое плохое место, чтобы умереть, – вдруг откровенничает Дженна.

Она приподнимается на локте, из-за чего чуть-чуть скатывается ко мне.

– Он хоть раз за последнее время ночевал у тебя? – спрашивает она меня.

– Нет, – отвечаю я и складываю руки за головой. – Мне нравится снова спать одной.

– Рейн? Он ведь приходил к тебе не для того, чтобы... завести ребенка?

– Нет, – говорю я. – У нас до этого не дошло. Он даже ни разу меня не поцеловал.

– Любопытно, почему? – задумчиво произносит она, ложась на спину.

– А к тебе он уже приходил? – спрашиваю я.

– Да, – отвечает она. – Несколько раз, еще до того, как все его внимание переключилось на Сесилию.

Ее признание застает меня врасплох. Думаю о том, как все эти месяцы Дженна по утрам пила в библиотеке чай, уткнувшись в очередной любовный роман. Стараюсь припомнить хоть одно утро, когда бы она выглядела как-нибудь иначе, растерянной или подавленной. Ничего. И уж точно ничего похожего на то, какой потрясенной была после ночи с Линденом Сесилия. Даже сейчас, обсуждая эту деликатную тему, Дженна кажется совершенно невозмутимой.

– И как это было? – интересуюсь я и тут же заливаюсь краской. Неужели я действительно ее об этом спросила?

– Терпимо, – невозмутимо отвечает Дженна. – Постоянно спрашивал, как я. Видимо, думал, что он может меня сломать или что-то вроде того, – добавляет она со смехом. – Я ему не по зубам!

Даже не знаю, что и сказать. От одной только мысли о поцелуе Линдена у меня трясутся поджилки и все внутри сжимается. И это при том, что у него с моими сестрами дело одними лишь поцелуями не ограничилось, а одна из них еще и забеременела.

– Мне казалось, ты его терпеть не можешь.

– Так и есть, – отвечает она мягко и, положив одну ногу на острую коленку другой, с непринужденным видом принимается ею покачивать. – Я их всех ненавижу. Но что тут поделаешь? Выбирать не приходится.

– Всех их? – уточняю я.

Она садится и поворачивается ко мне со смешанным выражением непонимания, жалости и, по-моему, изрядной доли веселого изумления.

– Быть такого не может, – удивляется она.

Дженна протягивает руку, берет меня за подбородок и начинает рассматривать. Ее кожа, нежная и мягкая, пахнет, как те лосьоны, что Дейдре оставляет для меня на туалетном столике.

– Ты такая миленькая, и фигура отличная, – комментирует она мою внешность. – На что ж ты жила?

Тут я тоже сажусь. До меня наконец доходит, что она имеет в виду.

– Ты что, решила, что я проститутка? – недоумеваю я.

– Да нет, – оправдывается она. – Уж больно ты для этого дела неиспорченная. Просто я подумала... А как еще такие девушки, как мы с тобой, могут заработать себе на кусок хлеба?

Вспоминаю всех тех девушек, что танцуют на новогодних вечеринках в парке. Как некоторые из них ныряют в машины к богатым из первого поколения. И эти бордели с занавешенными окнами в квартале красных фонарей. Когда я проходила мимо них, до меня то и дело доносилось грохотание музыки, а очередной посетитель, распахнув двери, в ту же секунду погружался в яркий калейдоскопический водоворот световых лучей. Вспоминаю, как умело она танцевала тем вечером в апельсиновой роще, какой притягательной была для мужчин, которых презирала. Ее жизнь

протекала за теми темными окнами, за толстыми стенами, мимо которых я каждый раз проходила, едва сдерживая дрожь в коленках.

– Мне казалось, приют должен был о тебе позаботиться, – говорю я и тотчас же понимаю, что сморозила глупость.

Мы с Роуэном так долго отваживали сирот от нашего дома, знали, что они нас обворуют, что сомневаться не приходится: приютам нет до них никакого дела.

Дженна вновь укладывается на спину, я ложусь рядом.

– Так ты что это, серьезно? – все не верится ей. – И ты ни разу...

– Ни разу, – с легким вызовом говорю я.

Дженна предстает передо мной в совершенно новом свете. Но я далека от того, чтобы ее осуждать или в чем-то винить. Как она и сказала – выбирать нам не приходится.

– Почему же с тобой он ведет себя иначе? Чувствую, есть на это какая-то причина, – рассуждает она.

– Мне одно непонятно, если ты его так ненавидишь, почему согласилась? – пытаюсь разобраться я. – У него такой мягкий характер. Уверена, он бы не стал принуждать тебя силой.

Положа руку на сердце, я не раз задавалась вопросом, почему Линден не спешит с исполнением своих супружеских обязанностей. Может, почувствовал, что я не готова, и дал мне возможность немного к нему привыкнуть? И надолго ли у него хватит терпения?

Она поворачивается ко мне. Я могла бы поклясться, что в ее серых глазах молнией мелькнул страх.

– Да с ним-то как раз все понятно, – признается она.

– А кто тебя тогда беспокоит? Распорядитель Вон? – моргнув, спрашиваю я.

Она кивает в ответ.

Перед глазами всплывают картины одна страшнее другой – мертвая Роуз в подвале, зловещие коридоры, которым не видно конца. Ясно, что у Дженны с ее недюжинной наблюдательностью появились свои причины бояться этого места. На кончике языка так и вертится вопрос: Дженна, а что тебе сделал Распорядитель Вон?

Вот только хочу ли я получить на него ответ? Как вспомню руку Роуз, едва прикрытую простыней, аж мурашки по коже. За внешним лоском этого дома не сразу разглядишь, что за мерзкие и опасные

твари населяют его потайные уголки. Вот бы оказаться где-нибудь далеко отсюда, прежде чем придется познакомиться с ними поближе.

Глава 8

То ли комиссар Гадлем обладал сверхъестественным чутьём на время, то ли установил какую-то хитроумную программу, чтобы обманывать свою систему, но всякий раз, когда я входил в офис, в верхней части моего почтового ящика неизменно пребывали какие-нибудь его послания.

«Чудесно, — говорилось в последнем. — Как я понял, мистер и миссис Дж. препровождены в отель. Не очень хотел бы, чтобы вы на несколько дней увязли в бумажной работе (уверен, и вы согласитесь), так что, пожалуйста, вежливо сопровождайте их только до завершения формальностей. Работа сделана».

Какой бы информацией мы ни располагали, мне придётся её сдать, когда наступит время. Нет смысла делать работу для себя, говорил Гадлем, тратя своё время за счёт отряда, так что убери-ка ногу с педали газа. Мои записи были неразборчивы для всех остальных, а через час становились такими же и для меня самого, хотя я старательно их хранил и протоколировал — это моя обычная методика. Я несколько раз перечитал послание Гадлема, выкатывая глаза. Возможно, что-то бормотал при этом вслух.

Сколько-то времени я выискивал номера телефонов — как в Сети, так и через реальных живых операторов, отвечавших на том конце линии, — после чего сделал вызов, и тот закурлыкал, пробегая через различные международные АТС.

— Офисы Бол-Йеана.

До этого я звонил дважды, но попадал в какую-то автоматизированную систему: впервые кто-то действительно снял трубку. Он хорошо говорил по-иллитански, но с североамериканским акцентом, так что я сказал по-английски:

— Добрый день, я пытаюсь связаться с профессором Нэнси. Я оставлял сообщение на её голосовой почте, но...

— Будьте любезны, представьтесь.

— Это инспектор Тьядор Борлу из Бещельского Отряда особо опасных преступлений.

— Вот как! — Голос у него сделался совсем другим. — Речь идёт о Махалии, не так ли? Инспектор, я... Подождите, я постараюсь разыскать Иззи.

Долгая пауза с каким-то полым гудением.

— Это Изабель Нэнси. — Встревоженный голос, я бы решил, что американки, если бы не знал, что она из Торонто. Совсем не похожий на тот, что записан в её голосовой почте.

— Профессор Нэнси, это Тьядор Борлу из Бещельской *полищай*, ООП. Вы, по-моему, говорили с моей коллегой, сотрудницей Корви? До вас, наверно, не дошли мои сообщения?

— Да, инспектор, я... Пожалуйста, примите мои извинения. Я собиралась вам перезвонить, но это было так, всё это, мне очень жаль... — Она говорила то на английском, то на хорошем бещельском.

— Понимаю, профессор. Я тоже сожалею о том, что случилось с мисс Джири. Должно быть, это очень плохое время для вас и всех ваших коллег.

— Я, мы, мы все в шоке здесь, инспектор. Просто потрясены. Не знаю, что вам и сказать. Махалия была замечательной молодой женщиной и...

— Конечно.

— Где вы сейчас? Вы... это местный звонок? Не хотели бы встретиться?

— Боюсь, что звонок международный, профессор; я всё ещё в Бещеле.

— Ясно. Так... чем я могу помочь вам, инспектор? Есть ли проблемы? Я имею в виду, любые проблемы, за исключением всего, всего этого, я имею в виду... — Я слышал её дыхание. — Жду со дня на день родителей Махалии.

— Да, я, сказать по правде, только что от них. Здешнее посольство готовит им документы, и скоро они должны к вам приехать. Нет, я потому звоню, что хотел бы побольше узнать о Махалии и о том, чем она занималась.

— Простите, инспектор Борлу, но я была под таким впечатлением от... этого преступления... я думала, не следует ли вам призвать здесь Брешь?..

Успокоившись, она теперь говорила только по-бещельски, так что, какого чёрта, я отказался от своего английского, который был не

лучше, чем её бещельский.

— Да. Комитет по надзору... извините, профессор, я не знаю, насколько вы разбираетесь в том, как решаются такие вопросы. Но — да, ответственность за это будет передана. Вы понимаете, что это означает?

— Думаю, да.

— Хорошо. Я лишь занимаюсь кое-какой завершающей работой. Мне интересно, вот и всё. Мы здесь слышим о Махалии прелюбопытные вещи. Хочется узнать кое-что о её работе. Не могли бы вы мне помочь? Вы были её руководительницей? Не найдётся у вас несколько минут, чтобы поговорить со мной об этом?

— Конечно, инспектор, вы ведь так долго ждали. Не понимаю только, что именно...

— Хотелось бы узнать, над чем она работала. И об истории её взаимоотношений с вами и с вашей программой. А ещё расскажите мне о Бол-Йеане. Как я понимаю, она изучала Оркини.

— Что? — Изабель Нэнси была потрясена. — Оркини? Абсолютно нет. Это же археологическое отделение.

— Простите, у меня сложилось впечатление... Что значит «археологическое»?

— Я имею в виду, что если бы она изучала Оркини, а для этого могли бы быть веские причины, то писала бы диссертацию по фольклору, антропологии или, может, по сравнительной литературе. Безусловно, границы дисциплин становятся расплывчатыми. К тому же Махалия была из тех молодых археологов, которых больше интересуют Фуко и Бодрийяр, нежели Гордон Чайлд или мастерки [\[11\]](#). — В голосе её звучала не злость, но печальное веселье. — Но мы не приняли бы её, не будь тема её диссертации связана с подлинной археологией.

— И что же это было?

— Бол-Йеан — это давние раскопки, инспектор.

— Расскажите, прошу вас.

— Уверена, вы в курсе всех споров вокруг ранних артефактов в этом регионе, инспектор. Бол-Йеан открывает предметы, возраст которых составляет добрую пару тысячелетий. Какой бы теории вы ни придерживались касательно Кливажа, теории раскола или

конвергенции, то, что мы ищем, ему предшествует, предшествует Уль-Коме и Бещелю. Это корневые вещи.

— Необычно, должно быть.

— Конечно. А ещё крайне необъяснимо. Мы почти ничего не знаем о культуре, которая всё это произвела, понимаете?

— Полагаю, да. Отсюда и весь интерес, верно?

— Ну... да. Это, а ещё и вид предметов, которые здесь имеются. Махалия как раз и пыталась растолковать то, что в заглавии её работы именуется «герменевтикой идентичности», на основе наборов приспособлений и так далее.

— Не уверен, что понимаю.

— Она проделала хорошую работу. Цель диссертации состоит в том, чтобы никто, включая руководительницу, не понимал, что он делает, после первых двух лет. Шучу, вы понимаете. То, чем она занималась, должно было бы иметь последствия для теории двух городов. Их истоки, знаете ли. Она играла, держа свои карты закрытыми, поэтому я из месяца в месяц не была уверена, где именно она стоит в отношении означенного вопроса, но у неё оставалась ещё пара лет, чтобы составить своё мнение. Или просто прийти к каким-то выводам.

— Значит, она помогала разобраться с этими раскопками.

— Совершенно верно. Как и большинство наших аспирантов-исследователей. Кто-то — для основного исследования, кто-то — для частичного обеспечения своей стипендии, кто-то — немного того, немного другого, а кто-то — просто чтобы нас подоить. Махалии платили совсем немного, но ей в награду за работу в основном требовалось иметь доступ к артефактам.

— Понимаю. Мне очень жаль, профессор, у меня сложилось впечатление, что она работала над Оркини...

— Раньше её это занимало. Она сначала приехала на конференцию в Бещеле, несколько лет назад.

— Да, я что-то такое слышал.

— Верно. В общем, это вызвало кое-какой шум, потому что тогда она была очень увлечена Оркини, полностью, была немного боуденисткой, и доклад, который она представила, был воспринят не очень хорошо. Вызвал кое-какие упрёки. Её мужество меня восхитило, но в итоге она просто получила взбучку ни за что. Когда она подала

заявление на написание диссертации — если честно, я крайне удивилась, что под моим руководством, — мне пришлось убедиться, понятно ли ей, что будет и что не будет... приемлемо. Но... То есть я не знаю, что она читала в свободное время, но то, что она писала в развитие своей диссертации, это было, это было прекрасно.

— Прекрасно? — переспросил я. — Вы же вроде...

Она замялась.

— Ну... Честно говоря, я бывала немного, немножко разочарована. Она была умна. Знаю, она была умна, потому что, понимаете ли, на семинарах и так далее она была потрясающая. И работала — усерднее некуда. Мы бы сказали, «грызла гранит», — эти слова она произнесла по-английски, — из библиотеки не выходила. Но её главы были...

— Не хороши?

— Прекрасны. Да, они были хороши. Степень она получила бы без проблем, но работа её мир бы не потрясла. Довольно тусклая, понимаете? А с учётом того количества часов, что она на неё потратила, её работа была ещё и жидковатой. Ссылки и так далее. Но я поговорила с ней об этом, и она заверила, что продолжит, понимаете? Работать над ней.

— Мог бы я её увидеть?

— Да, конечно. То есть я так полагаю. Не знаю. Надо разобраться с вопросами этики. У меня на руках те главы, что она мне дала, но они в значительной мере не завершены, она хотела работать над ними дальше. Если бы она закончила, то без проблем, был бы доступ общественности, но в таком виде... Имею ли право я передавать их вам? Ей, наверное, следовало опубликовать некоторые из них в качестве статей в журналах — те, что закончены, — но она не успела. Мы говорили и об этом; она сказала, что собирается что-то с этим сделать.

— Кто такие боуденисты, профессор?

— А! — Она рассмеялась. — Простите. Это источник всего ажиотажа вокруг Оркини. Бедный Дэвид не поблагодарил бы меня за использование такого термина. Это те, кого вдохновляет раннее творчество Дэвида Боудена. Вы знакомы с его произведениями?

— ...Нет.

— Он написал книгу, много лет назад. «Между городом и городом». Никакой струнки не затрагивает? То была огромная вещь для поздних хиппи. Впервые за поколение кто-то воспринял Оркини всерьёз. Думаю, неудивительно, что вы ещё не видели этой книги, она до сих пор вне закона. В Бещеле и в Уль-Коме. Не найти даже в университетских библиотеках. В некотором смысле это было блестящее произведение: он проделал несколько фантастических архивных исследований, увидел некоторые аналогии и связи, которые... ну, всё-таки просто замечательно. Но при всём при том — бред и окоlesiца.

— Как так?

— Потому что он поверил в это! Тщательно проверил все эти ссылки, нашёл новые, сложил их вместе в нечто вроде урбанистического мифа, который потом переосмыслил как запретную тайну. Он... Ладно, здесь мне надо быть немного осторожной, инспектор, потому что, честно говоря, я никогда по-настоящему, вправду, не думала, что он в это верит — всегда считала это какой-то игрой, — но книга утверждала, что он таки в это поверил. Он приехал в Уль-Кому, откуда отправился в Бещель, умудрился, не знаю как, перебраться между ними — законно, уверяю вас — несколько раз и стал утверждать, что нашёл следы самого Оркини. И пошёл ещё дальше, заявил, что Оркини не просто располагается где-то в промежутках, существующих между Комой и Бещелем с тех пор, как их основания то ли сближаются, то ли разделяются (не припомню, какой точки зрения он придерживался по вопросу Кливажа), заявил, что тот по-прежнему и здесь, и там.

— Оркини?

— Именно. Тайная колония. Город между городами, обитатели которого живут у всех на виду.

— Что? На виду? Каким образом?

— Невидимые, как улькомане для бещельцев, и наоборот. Прохаживаются по улицам, никем не замечаемые, но сами видящие оба города. По ту сторону Бреши. И кто знает, чем они занимаются? Строят секретные планы. Не сомневаюсь, на сайтах о теории заговоров до сих пор об этом спорят. Дэвид сказал, что собирается войти в него и исчезнуть.

— Ну и ну!

— Именно, что «ну и ну». «Ну и ну» — это верно. Дурной славой обросло. Поищите в Гугле, увидите. Во всяком случае, когда мы впервые увидели Махалию, до перестройки сознания ей было очень далеко. Мне понравилось, что она такая пылкая и что, боуденистка она или нет, такая красивая и умная. Это было как шутка, понимаете? Я даже подумала, не знает ли она об этом, не шутит ли сама.

— Но больше она этим не занималась?

— Ни один учёный с репутацией не станет руководителем боудениста. Я ей строго об этом сказала, когда она поступила, но она даже засмеялась. Сказала, что всё это оставила позади. Я уже говорила, как удивилась, что она пришла ко мне. Мои работы не столь авангардны, как её.

— То есть разные Фуко и Жижеки ^[12] не по вам?

— Я их, конечно, уважаю, но...

— А нет ли какого-нибудь иного, как бы сказать, теоретического направления, которого она могла бы придерживаться?

— Да, но она мне сказала, что ей нужен доступ к реальным объектам. Я придерживаюсь школы артефактов. Мои более философски ориентированные коллеги... ну, многим из них я не доверила бы счистить грязь с амфоры.

Я рассмеялся.

— Поэтому я думаю, что это имело для неё смысл; ей правда очень хотелось научиться этой стороне дела. Я была удивлена, но и польщена. Понимаете ли вы, что эти образцы уникальны, инспектор?

— Думаю, да. Я, конечно, знаю все эти слухи.

— Вы имеете в виду их магические силы? Хотелось бы, хотелось бы. Но даже без них эти находки несравненны. Здешняя материальная культура вообще не имеет никакого смысла. Нигде в мире нет больше такого места, где можно выкапывать нечто такое, что выглядит как мешанина среза поздней античности с по-настоящему красивыми и сложными изделиями бронзового века и так далее, вплоть до предметов откровенного неолита. Стратиграфия, похоже, вылетает при этом в трубу. Эти раскопки используют как свидетельства против матрицы Харриса — ошибочно, но причину понять можно. Потому-то эти раскопки популярны у молодых археологов. И сколько бы ни твердили, что они не более того, что собой представляют, в сумасбродных исследователях это до сих пор не убивает желания на

них взглянуть. Тем не менее я могла допустить мысль, что Махалия попыталась бы пойти к Дэйву, но знала, что с ним бы ей не особенно повезло.

— Дэйв? Боуден? Он жив? Преподаёт?

— Конечно, жив. Но даже когда Махалия была всецело этим увлечена, ей не удалось бы заполучить его себе в руководители. Я готова держать пари, что она наверняка говорила с ним, когда начала прощупывать, что к чему. И я готова держать пари, что он её окоротил. Он давным-давно со всем таким покончил. Это бич его жизни. Спросите у него сами. Порыв юности, превзойти который он так никогда и не смог. Всё, что он опубликовал впоследствии, не стоит и выеденного яйца — на протяжении всей дальнейшей карьеры его имя связывалось только с Оркини. Он и сам вам это скажет, если вы у него спросите.

— Может, и спрошу. Вы с ним знакомы?

— Он ведь коллега. Археология периода до Кливажа — не столь уж обширное поле деятельности. Он тоже работает в Университете принца Уэльского, по крайней мере на полставки. Живёт здесь, в Уль-Коме.

Сама она жила по несколько месяцев в году в уль-комской квартире, в университетском районе, где Университет принца Уэльского и другие канадские институты извлекали преимущества из того факта, что США по причинам, назвать которые теперь затруднялись даже большинство их правых, бойкотировали Уль-Кому. Вместо них именно Канада с энтузиазмом устанавливала связи, научные и экономические, с уль-комскими учреждениями.

Бещель, разумеется, был другом и Канады и США, но весь совместный энтузиазм, с которым обе страны внедрялись в наши неуверенные рынки, был карликовым по сравнению с тем рвением, с которым Канада поддерживала то, что у них называлось экономикой Нового Волка. Мы же для них были, может, уличной дворняжкой или тощей крысой. Большинство паразитов являются интерстициальными. Очень трудно доказать, что робкие ящерицы, в холодную погоду прячущиеся в трещинах бещельских стен, могут жить только в Бещеле, как это часто утверждают; конечно, они умрут, если их экспортировать в Уль-Кому даже более мягко, чем детскими руками, но такую же тенденцию они имеют и в бещельской неволе. Голуби,

мыши, волки, летучие мыши живут в обоих городах, являясь заштрихованными животными. Но по традиции, о которой предпочитают помалкивать, большинство волков — слабых, костлявых тварей, давно адаптированных к городской канализации, — повсеместно, хотя и невразумительно, считаются бещельскими. Лишь тех немногих из них, что отмечены приличным размером и не слишком поганой шкурой, по такому же принципу относят к числу уль-комских. Многие граждане Бещеля избегают нарушать эту — совершенно излишнюю и измышленную — строгую границу, никогда не упоминая о волках.

Как-то раз я отпугнул парочку этих зверей, когда они рылись среди мусора во дворе моего дома. Чем-то в них швырнул. Они были необычайно шерстисты, и несколько моих соседей были так потрясены, словно я совершил брешь.

Большинство улькоманистов, как охарактеризовала себя Нэнси, жили, как и она, на два дома — в её голосе слышалась вина, когда она объясняла это, вновь и вновь отмечая, что, должно быть, из-за какой-то исторической причуды более плодородные места для археологических раскопок расположены в районах сплошной Уль-Комы или со значительно преобладающей уль-комской штриховкой. Университет принца Уэльского имел взаимные договорённости с несколькими уль-комскими академиями. Большую часть каждого года Дэвид Боуден жил в Уль-Коме, а на меньшую — возвращался в Канаду. Сейчас он находился в Уль-Коме. Аспирантов у него, сказала она, мало, да и учебная нагрузка невелика, но я всё-таки не смог дозвониться ему по тому номеру, что она мне дала.

Пошарив в Сети, нетрудно было убедиться в правдивости большей части того, что сказала мне Изабель Нэнси. Я нашёл страницу, где в числе прочих значилось название диссертации Махалии. Её имя из списка пока не исключили, равно как не отдали дань её памяти, что, я не сомневался, вскоре произойдёт. Нашёл список публикаций как Нэнси, так и Дэвида Боудена. Его список включал в себя книгу 1975 года, о которой упоминала Нэнси, две статьи примерно того же времени, ещё одну статью десятью годами позже, затем главным образом журнальные публикации, некоторые из которых впоследствии были изданы под одной обложкой.

Я нашёл fracturedcity.org, основной сайт фанатов доплурбанологии, одержимых Уль-Комой и Бещелем. Подход сайта, соединявший два города в единый объект изучения, должен был бы возмутить благовоспитанное мнение в обоих городах, но, судя по комментариям на форуме, доступ к нему был вполне обыденным, хотя и слегка незаконным делом для граждан обоих. Последовательность ссылок оттуда — у многих серверов были адреса. uq и. bz, что свидетельствовало о наглости участников, об их уверенности в снисходительности или некомпетентности наших и уль-комских цензоров, — позволила мне выйти на несколько абзацев, скопированных из книги «Между городом и городом». Там говорилось именно то, что изложила мне Нэнси.

Звонок телефона заставил меня вздрогнуть. Я осознал, что уже темно, больше семи.

— Борлу, — сказал я, откидываясь на спинку стула.

— Инспектор? Чёрт, сэр, у нас тут такое дело! Это Кещория.

Агим Кещория был одним из наших сотрудников, размещённых в отеле, чтобы присматривать за родителями Махалии. Я протёр глаза и пробежал взглядом по своей электронной почте, проверяя, не пропустил ли входящих сообщений. В трубке, помимо голоса Кещории, различался шум: явный переполох.

— Сэр, мистер Джири... самоволка, сэр! Он, чтоб его... совершил брешь.

— Что?

— Он выбрался из номера, сэр.

Позади него раздавался голос женщины: та кричала.

— Чёрт, что случилось?

— Не знаю, каким макаром он проскользнул мимо нас, сэр, просто не знаю. Но он пропал недолго.

— Откуда известно? Как вы его забрали?

Он опять выругался.

— Не мы, сэр! Брешь его забрала. Я звоню из машины, сэр, мы едем в аэропорт. Брешь, это... сопровождает нас. Где-то. Они сказали нам, что делать. Это миссис Джири, вы, наверно, слышите. Он должен улететь. Прямо сейчас.

Корви уехала и не отвечала на звонки. Я взял из гаража отряда машину без опознавательных знаков, но погнал её с истерически

завывающими сиренами, игнорируя ПДД. Ко мне применялись только бещельские правила и, следовательно, только их я имел полномочия игнорировать, но дорожное движение — это компромиссная область, где Комитет по надзору обеспечивает близкое сходство между правилами Бещеля и Уль-Комы. Хотя культуры движения не идентичны, ради пешеходов и машин, которым, не-видя, приходится ладить с большим количеством зарубежного трафика, транспорт в обоих городах движется в сопоставимых скоростях и сопоставимыми способами. Мы все учимся тактично избегать и соседских, и своих собственных транспортных средств, наделённых чрезвычайными полномочиями.

Вылетов на протяжении пары часов не было, но супруги Джири будут изолированы, а Брешь каким-то тайным способом проследит, чтобы они поднялись в самолёт, а затем и в воздух. Наше посольство в США уже будет проинформировано, равно как и представители в Уль-Коме, и в обеих наших системах их имена будут помечены фразой «в визе отказать». Как только они выедут, обратной дороги им не будет. Я пробежал через аэропорт Бещель к офису *полицай*, показал свой значок.

— Где Джири?

— В камере, сэр.

Не зная заранее, что увижу, я уже прокручивал в уме фразы типа «да вы знаете, что произошло с этими людьми, что бы там они ни сделали, они только что потеряли дочь», и так далее, но этого не потребовалось. Им предоставили еду и питьё, обращались мягко. Кещория был с ними в маленькой комнате. Он что-то бормотал на своих начатках английского, обращаясь к миссис Джири.

Она посмотрела на меня глазами, полными слёз. Её муж, как показалось мне на мгновение, спал на койке. Увидев, насколько он неподвижен, я понял, что это не просто сон.

— Инспектор, — сказал Кещория.

— Что с ним случилось?

— Он... Это Брешь, сэр. Наверно, всё будет в порядке, скоро проснётся. Не знаю. Не знаю, что за хрень они с ним сотворили.

— Вы отравили моего мужа... — сказала миссис Джири.

— Миссис Джири, пожалуйста.

Кещория встал, приблизился ко мне и понизил голос, хотя говорил уже по-бещельски:

— Мы ничего не знали об этом, сэр. Снаружи раздался небольшой шум, потом кто-то вошёл в вестибюль, где мы сидели.

Миссис Джири плакала, разговаривая со своим не приходящим в сознание мужем.

— Джири вроде как кренится в дверях и теряет сознание. Охранники отеля идут к ним, просто смотрят на эту расплывчатую картину у порога, там кто-то за спиной у Джири маячит, останавливаются и ждут. Слышу этот голос: «Вы знаете, что я представляю. Мистер Джири совершил брешь. Выдворите его». — Кещория беспомощно покачал головой. — Потом, а я до сих пор ничего толком не вижу, тот, кто это говорил, его уже нет.

— Как?..

— Инспектор, я ни хрена не знаю. Я... Я понесу за это ответственность, сэр. Должно быть, Джири прокрался мимо нас.

Я смерил его взглядом.

— А ты хотел получить пирожок? Конечно, это твоя ответственность. Что он сделал?

— Не знаю. Я и рта не раскрыл, как люди Бреши исчезли.

— Как насчёт?.. — Я кивнул на миссис Джири.

— Её не депортируют: она ничего не сделала. — Он говорил шёпотом. — Но когда я сообщил ей, что нам придётся забрать её мужа, она сказала, что поедет с ним. Не хочет оставлять его одного.

— Инспектор Борлу. — Миссис Джири старалась, чтобы голос звучал ровно. — Если вы говорите обо мне, вам следует говорить со мной. Вы видите, что сделали с моим мужем?

— Миссис Джири, мне ужасно жаль.

— Ещё бы...

— Миссис Джири, это сделал не я. И не Кещория. Никто из моих сотрудников не имеет к этому отношения. Вы понимаете?

— Брешь? Брешь, Брешь...

— Миссис Джири, ваш муж только что совершил нечто очень серьёзное. Очень серьёзное.

Она была спокойна, если не считать тяжких вздохов.

— Вы меня понимаете? Не случилась ли какая-то ошибка? Разве не ясно мы объяснили систему сдержек и противовесов между

Бещелем и Уль-Комой? Вы понимаете, что эта депортация не имеет никакого отношения к нам, что мы совершенно ничего не в силах с этим поделать и что ему, послушайте меня, ему невероятно повезло? В том, что дело ограничилось лишь этим?

Она ничего не сказала.

— В машине у меня сложилось впечатление, что ваш муж не совсем ясно представляет себе, как оно здесь устроено, так что скажите, миссис Джири, не пошло ли что-то не так? Неужели он не понял наших... советов? Как мои люди не увидели, что он уходит? Куда он направлялся?

Вид у неё был такой, словно она может расплакаться, потом она взглянула на своего лежавшего навзничь мужа, и её поза изменилась. Она выпрямилась и что-то сказала ему, чего я не расслышал. Миссис Джири посмотрела на меня.

— Он служил в ВВС, — сказала она. — Думаете, перед вами просто толстый старик? — Она прикоснулась к нему. — Вы никогда не спрашивали нас, кто мог бы это сделать, инспектор. Я не знаю, как это понимать, просто не знаю. Как сказал мой муж, вы что же, думаете, мы не знаем, кто это сделал?

Она стискивала в руках лист бумаги, сворачивала его, разворачивала, не глядя, убрала его в боковой карман сумки, вынула снова.

— Думаете, наша дочь не разговаривала с нами? Лишь-Кома, Истинные граждане, Национальный блок... Махалия боялась, инспектор. Мы ещё не выяснили, кто именно это сделал, и мы не знаем почему, но вы спрашиваете, куда он собирался? Он собирался выяснить. Я говорила ему, что ничего не получится — он не говорит на местном языке, не читает на нём, — но у него имелись адреса, которые мы нашли в Интернете, и разговорник, так что же, я должна была велеть ему не ходить? Не ходить? Я горжусь им. Эти люди ненавидели Махалию многие годы, с тех пор как она впервые сюда приехала.

— Вы распечатали адреса из Интернета?

— Сюда — я имею в виду, в Бещель. Когда она была на конференции. Затем то же самое с другими, в Уль-Коме. Скажете, нет никакой связи? Она знала, что нажила врагов, она сказала нам, что нажила их. Когда она заинтересовалась Оркини, то у неё появились

враги. Стала исследовать глубже — врагов стало больше. Все они ненавидели её за то, что она делала. За то, что знала.

— Кто её ненавидел?

— Все они.

— Что она знала?

Она покачала головой и понурилась.

— Муж собирался это расследовать.

Чтобы не попасться на глаза моим сотрудникам, он вылез через окно ванной на первом этаже. Несколько шагов по дороге могли бы быть простым нарушением правил, которые мы для него установили, но он ошибочно перешёл из области штриховки в область альтернативную, ступил во двор, существовавший только в Уль-Коме, и Бреши, которая, должно быть, наблюдала за ним всё время, пришлось его забрать. Я надеялся, что ему не причинили чрезмерных повреждений. Если же да, то я уверен, что никакой врач по возвращении домой не смог бы определить причину его травмы. Что я мог сказать?

— Мне очень жаль, что так случилось, миссис Джири. Вашему мужу не следовало пытаться уклониться от Бреши. Я... Мы с вами на одной стороне.

Она внимательно на меня посмотрела.

— Тогда отпустите нас, — шепнула она после паузы. — Давайте! Мы можем вернуться в город. У нас есть деньги. Мы... мой муж сходит с ума. Ему надо вести поиски. Он просто вернётся. Мы приедем через Венгрию, через Турцию или Армению — есть способы, которыми мы сможем сюда проникнуть, вы же знаете... Мы хотим выяснить, кто это сделал...

— Миссис Джири, за нами сейчас наблюдает Брешь. Прямо сейчас. — Я медленно поднял ладони и развёл их в стороны. — Вы и десяти метров не одолеете. Что, по-вашему, вы можете сделать? Вы не говорите ни по-бещельски, ни по-иллитански. Я... Позвольте мне, миссис Джири. Позвольте мне для вас поработать.

Когда мистера Джири погрузили в самолёт, он был по-прежнему без сознания. Миссис Джири смотрела на меня с упреком и надеждой,

и я попытался ещё раз объяснить ей, что я ничего не могу сделать, что мистер Джири сделал это сам.

Других пассажиров было немного. Я гадал, где находится Брешь. Наша компетенция закончится, как только будут закрыты двери самолёта. Миссис Джири мягко поддерживала голову мужа, когда он раскачивался на носилках, в которых мы его несли. Когда чету Джири усаживали на их места, я показал свой значок кому-то из персонала.

— Будьте с ними помягче.

— Депортированные?

— Да. Серьёзно.

Он задрал брови, но кивнул.

Я прошёл туда, где посадили Джири. Миссис Джири не сводила с меня взгляда. Я присел на корточки.

— Миссис Джири. Пожалуйста, передайте своему мужу мои извинения. Он не должен был делать того, что сделал, но я его понимаю. — Я замялся. — Знаете... если бы он знал Бещель лучше, то смог бы, наверное, избежать попадания в Уль-Кому, а тогда Брешь его бы не остановила.

Она просто смотрела.

— Позвольте, я возьму это у вас. — Я встал, взял у неё сумку и положил на полку у неё над головой. — Конечно, как только мы узнаем, что происходит, получим какие-либо наводки, вообще любую информацию, я вам сообщу.

Она так ничего и не говорила. Губы у неё шевелились: она пыталась решить, то ли умолять меня, то ли в чём-то обвинить. Я поклонился на старомодный манер и вышел из самолёта, оставив их обоих.

Вернувшись в здание аэропорта, я достал лист бумаги, который вытащил из бокового кармана сумки, и взглянул на него. Название организации «Истинные граждане», скопированное из Интернета. Той самой, которая, как, должно быть, сказала ему его дочь, её ненавидела и в которую мистер Джири направлялся со своими альтернативными расследованиями. Адрес.

11

Дом выстоял. Ураганом повалило несколько деревьев. В остальном ничего не изменилось.

Габриель находит меня, когда я прячусь в куче опавших листьев. Я чувствую, как он нависает надо мной, и открываю глаза. В руках у него термос.

– Я принес тебе горячего шоколада, – говорит он. – У тебя нос красный.

– А у тебя руки, – парирую я.

Красные, как кленовые листья. У него изо рта валит пар. На фоне окружающего нас осеннего пейзажа его глаза кажутся ярко-синими.

– На тебе жучок, – замечает он, кивком указывая на мои волосы.

Действительно, по светлой прядке моих волос ползет какая-то крылатая букашка. Легонько на нее дую. Жучок распрямляет крылья и улетает восвояси.

– Я рада, что тебя не унесло, – говорю я, надеясь, что он поймет мой намек и присядет рядом.

– Этот дом простоял здесь уже тысячу лет, – замечает он, открывая термос.

Отвинтив крышку, он наливает нее горячий шоколад. Я сажусь и принимаю из его рук обжигающий напиток. Вдыхая сладкое тепло шоколада, наблюдаю за Габриелем. Он пьет прямо из термоса. Видно, как под тонкой кожей на шее двигается кадык.

– Ничего ему не сделается.

Бросив взгляд на кирпичное здание неподалеку, понимаю, что он прав.

– Так ты выиграл пари? – спрашиваю я, потягивая шоколад.

Он такой горячий, что обжигает язык.

– Вторая категория?

– Третья.

Губы у него совсем растрескались. У меня тоже. А вот у Линдена губы гладкие и мягкие, как у ребенка. Мы с Габриелем словно невольные пленники этого опустевшего сада, что до весны погрузился в глубокий сон.

– Я не люблю его, – говорю я.

– Кого?

– Линдена. Я его не люблю. Мне даже неприятно находиться с ним в одной комнате. Просто чтобы ты знал.

Он вдруг прячет глаза и, запрокинув голову, делает из термоса последний глоток. На его верхней губе остается немного шоколада.

– Просто хотела, чтобы ты знал, – повторяю я.

– Это хорошо, – отвечает он, сопроводив свои слова кивком.

Встретившись взглядами, мы обмениваемся улыбками. И тут нас начинает разбирать смех. Сперва мы хихикаем тихонько, неуверенно, словно чего-то опасаясь, но потом принимаемся хохотать, как сумасшедшие. Смеюсь вовсю, так, что даже похрюкиваю. Прикрываю рот, но вдруг понимаю, что не испытываю из-за своей несдержанности ни капли смущения. Уж не знаю, что нас так рассмешило и был ли для нашего приступа веселья вообще хоть какой-нибудь повод, но настроение у меня становится преотличным.

Такие мгновения в моей жизни ценятся на вес золота. Я была бы счастлива просто идти рядом с Габриелем, шурша опавшими листьями. Но мы поднимаемся и направляемся к дому. Идем бездумно, машинально переставляя ноги. Мы ведь оба здесь пленники. Габриель может заговорить со мной, только если выполняет какое-либо поручение, например когда приносит мне поесть. Потом он должен вернуться на кухню. Его всегда ждет работа: пылесосить бесчисленные ковры или до блеска натирать полы. Наверное, поэтому он принес мне горячий шоколад.

Мы приближаемся к дому. Сладкое послевкусие шоколада почти пропало, зато язык местами потерял всякую чувствительность. Низкое, хмурое небо затянуто тяжелыми тучами и выглядит несколько зловеще. Опавшие листья, словно в панике, удирают из-под ног.

Едва Габриель протягивает руку, чтобы открыть входную дверь, как она распаивается. На пороге стоит Распорядитель Вон. Он улыбается. На кухне за его спиной все молча заняты своим делом: чистят, жарят, намывают. Ничего похожего на царящий здесь обычно шум и суету.

– Я попросила его принести мне горячий шоколад, – считаю нужным объяснить я.

– Да, да, солнце мое, – отвечает Распорядитель Вон со своей кроткой старческой улыбкой. – Я так и понял.

Габриель, стоящий рядом со мной, напрягается всем телом. Меня охватывает странное желание взять его за руку, дать ему понять, что мне тоже страшно, что я боюсь ничуть не меньше его, хоть и стараюсь это не показывать.

– Ну раз с этим ты закончил... Если не ошибаюсь, тебе есть чем заняться, – говорит Распорядитель Вон Габриелю.

Ему не нужно повторять дважды: Габриеля словно ветром сдувает.

Остаюсь один на один с Распорядителем.

– День сегодня просто чудесный, прохладный. Самое то для моих легких, – говорит он, выразительно похлопывая себя по груди. – Ты ведь не откажешь старику свекру в прогулке?

Вопрос, понятно, риторический. Оставив за спиной особняк, мы пересекаем розарий с декоративными прудами. Батут Дженны засыпан сухими опавшими листьями.

Несмотря на все мои старания, продолжать делать вид, что я прогуливаюсь в одиночестве, становится крайне трудно. Распорядитель берет меня под руку. В нос бьет смесь запахов твида, лосьона после бритья и подвала, от одной мысли о котором меня охватывает дрожь. Больше всего на свете мечтаю оказаться где-нибудь подальше отсюда, поэтому мысленно переносюсь на Манхэттен. Там тоже осень. С одиноких, чахлых деревьев облетает скудная листва – сказывается близость химических заводов. Но вот налетит ветер, закружит листья в причудливом танце, и тебе уже кажется, будто ты в осеннем лесу, а не на улице большого города. Удерживая перед глазами эту картинку, добираюсь до границы розария. Уф, думала, не выдержу!

Только я начинаю расслабляться, уверив себя в том, что говорить во время прогулки, по-видимому, не придется, как мы выходим к площадке для игры в мини-гольф и Распорядитель Вон решает наконец приступить к беседе.

– У нас, стариков, есть такое выражение «в ком-то души не чаять». Слышала его когда-нибудь?

– Нет, – отвечаю я.

Мне становится интересно. Страх нет.

Врушка ты хоть куда, Рейн. Справишься.

– Так вот, дорогая, Линден в тебе души не чает.

Он нежно приобнимает меня за плечи. Сердце мое в эту секунду проваливается куда-то в желудок, в горле перехватывает.

– Ты его любимица, знаешь ли.

– Мне казалось, он меня не замечает, – отвечаю я, потупясь. – Он так увлечен Сесилией.

Следует, однако, признать, что в последнее время Линден стал все чаще оказывать мне знаки внимания. В подвале, к примеру, чуть меня не поцеловал. До сих пор не могу понять, что же его во мне привлекает – мое сходство с Роуз или что-то иное.

– Сесилия ему, как и мне, очень дорога. Она так старается ему во всем угодить. Это, безусловно, подкупает.

Сесилия еще совсем ребенок. Ребенок, лишенный нормального детства. Она так отчаянно стремится стать Линдену хорошей женой, что готова ради этого на все.

– Но она слишком юна. Ей предстоит еще многому научиться. Ты ведь со мной согласна? – спрашивает он и, не дождавшись ответа, продолжает: – Та же, что постарше, Дженна... Обязанности свои исполняет добросовестно, но в ней нет ни капли твоего обаяния и женской притягательности. Ну ледышка просто. Моя бы воля, отправил бы ее на корм рыбам.

Он сопровождает свои слова красноречивым жестом.

– Но Линден и слушать меня не желает. Говорит, дай ей время, она изменится, ребенка ему родит. Ну что с ним поделать? Всегда он всех жалел.

Да уж, жалостливый, слов нет. Вот только на ее сестер жалости что-то не хватило.

– Она застенчивая очень, – защищаю я Дженну. – Любит его, просто боится ему что-нибудь не то сказать. Все твердит мне, что не может набраться смелости с ним заговорить.

Вру напропалую, лишь бы Распорядитель Вон передумал отправлять ее на корм рыбам. Не представляю, что это значит, но уверена, что ничего хорошего Дженну там не ожидает.

– А тут ты, – продолжает Вон, словно не слыша меня. – Умная. Красивая.

Мы останавливаемся. Развернув меня к себе лицом, он мягко поглаживает мой подбородок подушечкой большого пальца:

– Я вижу, как он светится, когда ты рядом.

Заливаюсь густым румянцем. Этого в моем сценарии не было.

– У него снова появилось желание жить. Даже начал поговаривать о возвращении к работе.

Почти верю в искренность его улыбки. Распорядитель Вон снова обнимает меня за плечи. Мы проходим мимо различных препятствий, ямок и ловушек для мячиков. Тут и ухмыляющиеся клоуны, и огромные рожки с мороженым, и ветряные мельницы с вращающимися крыльями, и высокий маяк, пронзающий лучом света полумрак осеннего парка.

– Много лет назад, еще до рождения Линдена, у меня был сын. Здоровье у него было богатырское. Еще одно выражение, которое сейчас почти не используют.

– Правда? – удивляюсь я.

– Ни дня не болел. Мы тогда ничего не знали о бомбе, тикающей в наших детях. Он умер, как и другие. Ты думаешь, что тебя ожидает такая же судьба.

Мы останавливаемся. Последовав его примеру, присаживаюсь на большую пластмассовую мармеладинку, прикрывающую седьмую лунку.

– Линдену не так повезло со здоровьем, но он все, что у меня есть.

Его кроткая старческая улыбка не заставляет себя долго ждать. Если бы я видела его впервые в жизни, то наверняка бы пожалела. Обнимаю его, ни на секунду не забывая, что ему никак нельзя доверять.

– В тот день, когда он родился, я приступил к поиску антидота. Тружусь давно и неустанно. Мои исследовательские группы работают посменно, свет в лаборатории не гаснет ни на секунду. Я обязательно найду антидот в ближайшие четыре года.

А если не найдет, что тогда? Стараюсь не думать о том, что после смерти Линдена и всех его жен очередным подопытным кроликом Распорядителя Вона станет ребенок Сесилии.

Он похлопывает меня по руке.

– Мой сын проживет долгую жизнь. И его жены тоже. Вас всех ожидает долгая, здоровая жизнь. Ты разгоняешь мрак, в который его погрузила смерть Роуз. Неужели ты сама этого не видишь? Ты возвращаешь его к жизни. Его снова ожидает успех, он будет брать

тебя на все эти вечеринки. И так много-много лет. Будешь жить, как принцесса.

Не знаю, зачем он мне все это говорит, но уже от одного его столь близкого присутствия меня начинает подташнивать. Он и вправду заботливый отец, переживающий за сына? Или что-то подсказало ему, что я собираюсь отсюда сбежать? Он смотрит мне прямо в глаза. Передо мной внезапно оказывается совсем другой человек, и я не вижу в нем ничего зловещего.

– Ты понимаешь, что я хочу сказать? – спрашивает он.

– Да, – отвечаю я. – Понимаю.

Когда умерли родители, наш подвал наводнили крысы. Проникая в дом по сточным трубам, они грызли проводку и таскали продукты. Для наших ловушек они оказались чересчур сообразительными, поэтому Роуэн решил их отравить. Он смешал муку, сахар, воду и пищевую соду и разлил получившуюся смесь маленькими лужицами по всей кухне. Я думала, что у него ничего не выйдет, но ошиблась. Однажды ночью, когда была моя очередь дежурить, я вдруг увидела крысу. Описав по подвалу несколько неровных кругов, она завалилась на бок. Начала хрипеть, задыхаться, ее тельце судорожно подергивалось. Агония, как мне тогда показалось, длилась несколько часов. Эксперимент Роуэна имел успех невероятный и в то же время отвратительный.

Распорядитель Вон ставит меня перед выбором. Я могу остаться в доме, где он препарирует жену и ребенка Линдена, чтобы найти противоядие, которого не существует. Через четыре года я, скорее всего, умру, зная, что все наши тела станут частью его экспериментов. Но все эти четыре года я смогу посещать роскошные вечеринки, блистая на них в качестве супруги Линдена. Плата вполне достойная. Что бы я ни решила, все равно сдохну, как та крыса, в мучительной агонии.

Слова Вона весь день не выходят у меня из головы. Он улыбается мне за ужином. Я же все думаю о той дохлой крысе.

Только к ночи у меня в ушах перестает звучать полный угрозы голос Вона. Недавно дала себе зарок – едва ложусь в постель, все мысли только о моем родном доме: как он выглядит и как я собираюсь туда вернуться; и еще о той жизни, что я вела до того, как сюда попала.

В моих мыслях нет места жителям этого особняка. Правда, мне время от времени приходится напоминать себе о том, что Линден, несмотря на все свое мягкое обхождение, мне тоже враг. Это он лишил меня брата, дома, а потом запер меня здесь.

По ночам, когда остаюсь одна, всегда думаю о брате. У него с самого раннего детства есть такая привычка: случись что, он сразу заслоняет меня собой, словно всем опасностям в этом мире надо справиться с ним, прежде чем они смогут добраться до меня. Вспоминаю, как он выглядел, когда застрелил того Сборщика и спас меня: в руке ружье, в глазах испуг при мысли о том, что чуть меня не потерял. Мы всегда были близки. Вспоминаю, как мама сказала нам взяться за руки и всегда держаться друг друга.

Подобные мысли кружат у меня в голове каждую ночь, когда никто не нарушает моего уединения и мне хоть на несколько часов удастся вырваться из картонной жизни, которую я каждый день проживаю в этом особняке, полном сестер и слуг. Не имеет значения, насколько одинокой я при этом чувствую себя, не важно, каким сильным и горьким оказывается это чувство, главное – мне удастся вспомнить, кто я есть на самом деле.

Однажды ночью, уже погружаясь в сон, я вдруг слышу, как ко мне в спальню заходит Линден и прикрывает за собой дверь. Все это происходит словно за тысячу миль от меня. Я сейчас с Роуэном, мы привязываем бечевку к воздушному змею. Легкий залиvistый смех мамы сливается со звуками фортепиано, на котором отец играет моцартовскую сонату соль мажор. Роуэн распутывает бечевку, высвобождая мои пальцы один за другим. Он спрашивает меня, жива ли я еще. Я пытаюсь рассмеяться, обратить его нелепый вопрос в шутку, но у меня ничего не выходит – слова застревают в горле. Он не поднимает на меня глаз.

Я никогда не брошу тебя искать, обещает он. Землю переверну. На все пойду, но тебя найду.

– Я прямо здесь, – говорю я.

– Тебе снится сон, – отвечает мне кто-то посторонний.

Это не мой брат. Рядом, уткнувшись мне носом в шею, лежит Линден. Музыка смолкает. Безуспешно стараюсь нащупать бечевку, оплетавшую мои пальцы. Знаю, что, если открою глаза, снова окажусь в темной камере своей роскошной тюрьмы. Возвращаться я не желаю,

вот и пытаюсь подольше продержаться в этом пограничном состоянии полудремы.

Вытянувшийся подле меня Линден беспомощно всхлипывает, содрогаясь при каждом спазме. Его горячие слезы обжигают мне шею. Ему, конечно, снилась Роуз. Линдену, как и мне, по ночам бывает отчаянно одиноко. Поцеловав мои волосы, он прижимается ко мне всем телом. Я не оказываю ни малейшего сопротивления. Мне и самой это сейчас нужно. Просто необходимо. Не открывая глаз, кладу голову ему на грудь и вслушиваюсь в сильные, мерные удары его сердца.

Да, я, Рейн Эллери, хочу снова стать самой собой. Дочерью и сестрой. Но как же иногда это бывает тяжело.

Мой тюремщик крепко прижимает меня к себе, и я засыпаю, убаюканная его ровным дыханием.

Первое, что я чувствую, открыв утром глаза, это тепло его дыхания на своем затылке. Во сне я перевернулась на бок и теперь лежу к нему спиной. Он обнимает меня сзади. Стараюсь не двигаться, чтобы его не разбудить. Мне стыдно за свою слабость прошлой ночью. В какой момент роль примерной жены, что я играю, перестает быть просто ролью? Как скоро он признается, что любит меня и хочет, чтобы я родила ему ребенка? И самое страшное: как быстро я на это соглашусь?

Нет. Этого никогда не случится.

Несмотря на все мои усилия его заглушить, в голове снова звучит голос Вона.

Будешь жить, как принцесса, много-много лет.

Почему бы и нет? Я вполне могу быть женой Линдена в доме Линдена. Или могу вырваться отсюда и постараться убежать так далеко и быстро, как только можно. Могу рискнуть жизнью ради свободы.

Три дня спустя, когда, предупреждая о приближении следующего урагана, срабатывает сигнализация, я выламываю москитную сетку из окна своей комнаты.

Исхитрюсь ухватиться за ближайшую к карнизу ветку и, повисев на ней с пару секунд, спрыгиваю напрямик в кусты. Хоть лететь и недалеко, приземление оказывается довольно болезненным. Но главное, что кости целы. Высвободившись из кустов, бегу, что есть

сил. За спиной ревет сигнализация. Ветер, ставший вдруг какого-то неуловимого серого цвета, швыряет в глаза пряди волос и опавшие листья. Мне все равно. Я продолжаю бежать. Низкие тучи наливаются свинцом. Ослепительно белые росчерки молний раскалывают потемневшее небо.

Не могу сообразить, где я. Мелкий сор и пыль, что закручивает в спирали злой ветер, застят мне глаза. Я тону в жутком гуле, который, как отчаянно бы я ни бежала, не ослабевает ни на секунду. Грязь и клочки травы мечутся в безумном танце, словно околдованные неведомой силой.

Я теряю счет времени, но слышу, как кто-то выкрикивает мое имя. Сначала один раз, потом еще несколько. Каждый крик, как ружейный выстрел. И тут я налетаю на огромный рожок с мороженым. Площадка для мини-гольфа. Ну, теперь все будет хорошо. Смогу разобраться, куда двигаться дальше.

Не представляю, как мне найти отсюда выход. Я изучила все: сады, площадку для мини-гольфа, теннисные корты, бассейн. Даже прогулялась к заброшенным конюшням, ими никто не пользуется с тех пор, как заболела Роуз. Но выхода из поместья так и не нашла.

Прижимаюсь спиной к пластиковому рожку. Мимо меня с треском проносятся ветви. Деревья раскачиваются, стонут от ветра. Ну конечно же, деревья! Залезу на дерево и сразу пойму, в каком направлении бежать дальше. Может, смогу разглядеть ограду или, на худой конец, замечу кустик, которого еще не видела. А может, потайную дверь. Ну хоть что-нибудь!

Делаю шаг вперед, но меня чудовищной силой отбрасывает обратно, вжимая в пластмассовую поверхность рожка. Не могу вздохнуть, легкие готовы взорваться. Опускаюсь на землю, стараюсь сесть против ветра, чтобы сделать вдох, но у меня ничего не выходит. От него невозможно спрятаться, он повсюду. Наверное, пришел мой час.

Разворачиваюсь навстречу ветру. Даже перед смертью мне не суждено увидеть реальный мир. Умру в окружении декораций. Бешено вращающихся лопастями ветряных мельниц. Странного блуждающего снопа света.

Свет. Сначала мне кажется, что это обман зрения, но луч никуда не исчезает, хотя и на месте тоже не задерживается. Осветив меня, он

тут же принимается очерчивать по верхушкам деревьев правильный круг. Маяк. Мое самое любимое препятствие. Он напоминает мне маяки, установленные у входа в гавань Манхэттена, чтобы указывать рыбакам дорогу домой. Ему не страшен даже такой ураган, как этот, он все равно продолжает светить, рассекая осенний сумрак своим лучом. Если уж сбежать мне не удалось, останусь здесь, хоть так окажусь перед смертью поближе к дому, вдали от этого кошмарного, жуткого места.

Идти становится совершенно невозможно. В воздухе чего только не летает, и я начинаю подозревать, что меня и в самом деле может унести. Поэтому я решаю опуститься на четвереньки и ползти по искусственному травяному покрытию площадки, стараясь вжаться в него локтями и коленками что есть мочи. Оставляю позади людей, выкрикивающих мое имя, непрекращающееся завывание сирены и резкую боль, пронзившую все мое тело. Я даже не знаю толком, что именно произошло, но чувствую, что рана кровоточит. Во рту появляется металлический привкус. Из невидимого мне пореза по ногам сочится кровь. Только бы не парализовало! Ползу, пока хватает сил. Вот и маяк.

Дотрагиваюсь до него рукой: краска вся облупилась, дерево растрескалось. Я наконец там, где хотела оказаться перед смертью, но что-то в этой удивительной аккуратной башенке говорит мне, что я еще не готова умирать. Надо двигаться дальше. Но куда? Принимаюсь шарить вокруг себя. Здесь должно быть что-нибудь, что поможет мне подняться наверх, к свету.

Нащупываю лестницу и крепко за нее хватаюсь. Она здесь явно для украшения. Хлипкая, держится только на гвоздях, вбитых в стену маяка. Но по ней все-таки можно подняться, да и тело меня пока слушается. Лезу наверх. Выше. Еще выше.

Теперь кровь бежит и по рукам. Что-то попадает мне в глаз, он начинает нестерпимо жечь. Мне снова нечем дышать. Выше. Еще выше.

Кажется, что я поднимаюсь по этой лестнице целую вечность. Всю ночь. Всю свою жизнь. Но в конце концов добираюсь все-таки до самого верха. Луч прожектора едва не ослепляет меня в своеобразном приветствии. Отворачиваюсь.

И чуть не сваливаюсь с лестницы.

Передо мной простирается ровная линия горизонта.

И там, вдалеке, за верхушками деревьев, я вижу его. Будто шепот. Словно робкое предположение. Остроконечный цветок с носового платка Габриеля, венчающий кованые ворота.

Выезд из поместья, расположенный за много миль от меня.

На другом конце вселенной.

И тут меня осеняет. Маяк пытался показать мне, что сегодня я не умру. Он освещает уготованный мне путь. Подобно Колумбу и его флотилии: «Нинье», «Пинте» и «Санта-Марии», мне предстоит путешествие на другой конец света.

Я в жизни не видела ничего прекрасней этих ворот, едва различимых вдалеке.

Начинаю было спускаться, как вдруг снизу раздается чей-то громкий окрик.

– Рейн! – Кричат так близко, что сделать вид, будто я ничегошеньки не слышала, не выйдет.

Замечаю голубые глаза, блестящие каштановые волосы и сильные руки, гораздо более крепкие, чем у Линдена. Ко мне приближается Габриель. Но не весь: в ураганном ветре части его тела, как кусочки мозаики, мелькают у меня перед глазами с головокружительной скоростью. На секунду вижу отверстый в гневном крике рот.

– Теперь точно сбегу! – ору я. – Бежим вместе!

Но он лишь со все возрастающим отчаянием повторяет мое имя. Мне кажется, он не слышит, что я ему говорю. Зачем-то раскидывает руки. Не могу разобрать, что он кричит, но тут страшная боль пронзает мой затылок, и я падаю в объятия Габриеля.

12

Воздух вокруг неподвижен. Тишина. Мне дышится легко и свободно. В нос бьет запах лекарств.

– Не надо, – то ли говорю, то ли пытаюсь сказать я.

Глаза никак не открываются. Здесь Вон. Я чувствую его присутствие кожей. Ощущаю холод скальпеля. Он будет меня резать.

По венам разливается тепло. Противный механический писк вторит каждому удару моего сердца.

Он спрашивает, могу ли я открыть глаза.

Из забытья меня вытаскивает аромат чая. Хотя я и понимаю, что ошибаюсь, все же тешу себя иллюзией, что это Роуэн. Пришел с чашечкой эрл грея, чтобы разбудить меня на работу. Вместо этого натыкаюсь на пристальный взгляд зеленых глаз Линдена. Из-за свежих порезов его губы кажутся алыми. Лицо и шея покрыты багровыми пятнами кровоподтеков. Он держит меня за руку, сжимая ее до боли.

– Слава богу, ты очнулась! – говорит он и, припав лицом к моему плечу, сотрясается от подавленных рыданий.

Меня рвет. Едва спазмы начинают стихать, как у меня темнеет в глазах, и я отключаюсь.

Проходит целая вечность. Открываю глаза. Ветер все еще воеет, как зверь в тесной клетке. Бьется в окно, хочет пробраться в комнату и выкрасть меня. Маяк... Ищу блуждающий сноп света. Ничего.

Рядом, головой на моей подушке, спит Линден. Его дыхание щекочет мне ухо. Так вот откуда взялся ветер, что завывал в моем сне. Дышит Линден с легким присвистом.

Лежу, не шевелясь, жду, когда ко мне полностью вернется сознание. Внезапно понимаю, что времени прошло совсем немного. Линден все тот же. Даже синяки на месте. У меня на пальце обручальное кольцо, и я все еще в старинном особняке, которому не страшен ни один ураган на свете.

Однако кое-что изменилось. В вену на моем предплечье воткнута игла, от которой вверх тянется тоненькая трубочка. В нее из пластикового мешочка, прикрепленного к металлической стойке, капает жидкость. Монитор исправно отсчитывает пульс. Спокойно,

методично. Пытаюсь сесть, грудную клетку пронзает острая боль. Ребра словно клавиши ксилофона, которым не повезло с молоточком. Нога продета в какую-то петлю и задрана кверху.

Почувствовав, что я зашевелилась, рядом начинает ворочаться Линден. Что-то невнятно бормочет, просыпаясь. Закрыв глаза, делаю вид, что сплю. Ни малейшего желания его сейчас видеть. Насмотрюсь еще за всю последующую жизнь.

Потому что, куда бы я ни побежала, где бы ни спряталась, каждый раз я буду просыпаться в этой комнате.

Рано или поздно мне приходится открыть глаза. Посетители не заставляют себя долго ждать. Даже работая над своими проектами, Линден не отходит от меня ни на минуту: он взбивает мне подушки или читает вслух книги, принесенные из библиотеки. «Франкенштейн» вызывает у меня горький смех. Дейдре, Дженна и Сесилия едва ли проводят в моей комнате несколько секунд, прежде чем Линден выпроваживает их, говоря, что мне необходим покой. Распорядитель Вон, мой лечащий врач и по совместительству обеспокоенный свекор, знакомит меня со списком всех частей тела, что я сломала, вывихнула или растянула.

– Крепко тебе досталось, дорогая, но ты попала в самые лучшие руки, – говорит он.

Из-за лекарств сознание путается, и вместо Распорядителя я вдруг вижу большую говорящую змею. Она сообщает мне, что как минимум две недели я не смогу наступать на левую ногу, и предупреждает, что мне еще некоторое время будет больно дышать. Не все ли равно? Захочу, проведу в этой проклятой комнате весь остаток своей жизни – знай плюй себе в потолок да поправляйся.

Время как будто остановилось. Не представляю, сколько я уже пролежала в этой постели. То проваливаюсь в дрему, то просыпаюсь. Каждый раз, когда открываю глаза, меня ждет новая сценка. Линден читает мне вслух. Сестры толпятся в дверном проеме, разглядывая меня с озабоченным видом. Смотрю на них, пока их нахмуренные лица не начинают расплываться, а глаза не чернеют. Болит каждая косточка. Тело отказывается слушаться. В голове туман.

– Не могу не признать, ураган даже близко не стоит с воздуховодом, – раздается откуда-то сверху голос Вона.

Пытаюсь открыть глаза, но через приоткрытые щелочки вижу только сумрачное пятно – его темные прилизанные волосы. По венам разливается тепло. Боль в ребрах отступает, и тело сводит судорога облегчения.

– Ты знала, что выкинула твоя мертвая сестричка? Воздуховод! Она ухитрилась спуститься по вентиляционной шахте до самого низа, прежде чем мы ее нашли. Сообразительная была девчушка. Для одиннадцати-то лет.

Роуз... С моих губ не срывается ни звука.

Шершавые, словно наждачная бумага, пальцы касаются моего лба. Веки наливаются свинцом.

– Она, прямо скажем, была ни в чем не виновата, такой уж ее воспитали, – выдыхает он мне в ухо, обжигая горячим дыханием. – Я работал с ее родителями. Уважаемые хирурги были, вообще-то говоря. Потом, чего греха таить, рассудком повредились. Мотались по штатам со своими безумными побасенками про тайный сговор. Мол, раз уж у нас антидот создать не получается, значит, должно быть где-нибудь за безбрежным океаном еще одно выжившее государство, которое может нам помочь. Кормили ее своими рассказами про погибшие страны, будто была от них хоть какая-то польза.

По венам снова разливается тепло. Немеет тело. Что он мне вкалывает? Собираюсь с силами. С огромным трудом мне все-таки удается приоткрыть веки. В глазах двоится. Сфокусировав взгляд, понимаю, что Линдена рядом нет, да и сестры больше не толкутся у двери.

– Тшш... – успокаивающе шепчет Вон и, положив большой и указательный пальцы на мои веки, закрывает мне глаза. – Все хорошо. Послушай-ка мою сказку на ночь. Боюсь, правда, конец у нее не очень счастливый. Так вот, куда они ни ехали ересь свою распространять, всегда с собой дочку брали. И знаешь, что с ними приключилось? Машина на автостоянке оказалась начинена взрывчаткой. Секунда, и девчушка осталась круглой сиротой. Мир полон опасностей, верно?

Бомба. Я о них знаю по Манхэттену. Приглушенный грохот, доносящийся издалека, говорит мне, что только что погибли люди. Это не те воспоминания, в которые мне хочется вернуться, поэтому я инстинктивно пытаюсь отодвинуться. Но куда там! Из-за всех этих лекарств тело словно деревянное.

– В этом мире есть люди, которым противоядие не нужно. Они считают, что близится конец света, человечество обречено и лучше в это не вмешиваться. Они убьют любого, кто осмелится помочь нам выжить.

Я знала! Я так и знала! Родителям постоянно угрожали из-за их лабораторных исследований. Существуют две противоборствующие стороны: приверженцы научного подхода выступают за изучение генома человека и поиски противоядия; а сторонники естественного подхода уверены, что уже слишком поздно что-либо изменить, и считают неэтичным сначала рожать детей, а потом ставить над ними эксперименты. Одним словом, «естественники» полагают, что вымирание человеческой расы – обычный природный процесс.

– Но тебе повезло, – говорит Вон. – У нас здесь тепло и безопасно. Уверен, ты не захочешь всем этим рискнуть. Ты особенная, хоть сама этого не понимаешь. Исчезнешь, и Линден этого не переживет.

Неожиданно мне становится ясно, почему Роуз отговаривала меня от побега. Совсем не затем, чтобы после ее смерти Линден не остался один. Она пыталась предупредить меня, уберечь от наказания вроде того, которому подверглась, когда ее попытка бегства провалилась. Сознание начинает путаться, и в ушах раздается шепот Роуз, а не Вона:

– Если тебе дорога жизнь, больше никаких попыток сбежать.

Глава 11

— Да? — Микаэл Хурущ пристальнее взгляделся в меня из-за двери своего обшарпанного офиса. — Инспектор, это вы? Что... Я вас слушаю?

— Господин Хурущ. Небольшое дельце.

— Пожалуйста, впустите нас, сэр, — сказала Корви.

Он открыл дверь шире, чтобы увидеть и её, вздохнул и дал нам войти.

— Чем я могу вам помочь? — Он сжимал и разжимал руки.

— Как управляетесь без своего фургона? — спросила Корви.

— Это как шило в заднице, но мне помогает один друг.

— Мило с его стороны.

— Правда же? — воскликнул Хурущ.

— Когда вы получили визу ЛКВ для своего фургона, мистер Хурущ? — спросил я.

— Я, что, что? — заволновался он. — Я не получал, у меня нет...

— Интересно, зачем вы так увиливаете, — сказал я. Его ответ подтверждал наше предположение. — Вы не настолько глупы, чтобы огульно это отрицать, потому что, эй, переезды зафиксированы на записи. Но тогда о чём мы спрашиваем? И почему бы вам просто не ответить? Что такого в этом вопросе?

— Не могли бы мы увидеть ваш пропуск, господин Хурущ?

Он несколько секунд смотрел на Корви.

— Его здесь нет. Он у меня дома. Или...

— Так увидим мы его или нет? — спросил я. — Вы лжёте. Это был последний ваш маленький шанс, любезно предоставленный нами, а вы, надо же, смахнули его со стола. Нет у вас вашего пропуска. Это виза ЛКВ, любого квалифицированного водителя, для многократного въезда в Уль-Кому и выезда из неё. Верно? И её у вас нет, потому что она была украдена. Украдена, когда угнали ваш фургон. Она, собственно, была в фургоне, когда его угнали, вместе с вашей старинной уличной картой.

— Послушайте, — сказал он, — я уже говорил вам, меня там не было и у меня нет уличной карты, у меня GPS на телефоне. Я ничего

не знаю...

— Неправда, но правда, что ваше алиби подтверждается. Поймите, никто здесь не думает, что вы совершили это убийство или хотя бы выбросили труп. Это не то, из-за чего мы расстроены.

— Нас беспокоит то, — сказала Корви, — что вы никогда не говорили нам о пропуске. Вопрос в том, кто его взял и что вы за это получили.

Краска схлынула у него с лица.

— О боже, — сказал он. Рот у него несколько раз дёрнулся, и он тяжело опустился на стул. — Господи, погодите. Я ничего ни с чем не делал. Ничего не получал...

Запись камеры видеонаблюдения я просмотрел неоднократно. В проезде фургона по охраняемому официальному маршруту через Связующий зал не было никаких заминок. Не помышляя о бреши, ускользании по заштрихованной улице или замене номеров, чтобы соответствовать какому-нибудь поддельному разрешению, водитель должен был показать пограничникам документы, которые не вызвали бы у них ни малейшего сомнения. Только один конкретный вид пропуска мог обеспечить столь быстрый и ничем не осложнённый путь.

— Оказание услуги? — спросил я. — Предложение, от которого вы не могли отказаться? Шантаж? Оставили документы в бардачке. Им же лучше, если вы ничего не знаете.

— Иначе почему бы вы не говорили нам, что потеряли свои документы? — сказала Корви.

— Один-единственный шанс, — сказал я. — Итак. Каков ответ?

— О боже, послушайте. — Хурущ тоскливо огляделся по сторонам. — Пожалуйста, выслушайте меня. Я знаю, мне надо было забрать бумаги из фургона. Обычно я так и делаю, клянусь вам, клянусь. Должно быть, забыл на этот раз, а тут фургон как раз и угнали.

— Поэтому вы ничего не говорили нам о краже? — спросил я. — Вы не сообщали нам об угоне фургона, потому что знали, что в конце концов придётся сказать и о бумагах, а поэтому вы просто надеялись, что вся ситуация сама собой рассосётся.

— О боже.

Автомобили, прибывшие из Уль-Комы, как правило, легко определить по их правам проезда, по их номерным знакам, стикерам на окнах и современному дизайну — так же, как бецельские автомобили в Уль-Коме сразу бросаются в глаза своими пропусками и устаревшими, для наших соседей, линиями обводки. Автомобильные пропуска, в частности, многократные визы ЛКВ, не являются ни дешёвыми, ни достающимися без усилий, а будучи выданы, ограждаются различными условиями и правилами. Одним из них является то, что виза для конкретного транспортного средства никогда не остаётся без присмотра в этом самом транспортном средстве. Нет смысла делать контрабанду легче, чем она есть. Однако нередко случается такой недосмотр или преступление, когда визу оставляют в бардачке или под сиденьем. Хуруц знал, что ему грозит как минимум крупный штраф и бессрочное лишение любого права на проезд в Уль-Кому.

— Кому вы дали свой фургон, Микаэл?

— Богом клянусь, инспектор, никому. Я не знаю, кто его угнал. Серьёзно, не знаю.

— Хотите сказать, это полное совпадение? Что кто-то, кому надо было забрать тело из Уль-Комы, просто случайно угнал фургон, в котором всё ещё лежали пропускные документы, дожидаясь, когда попадут ему в руки? Как удобно.

— Жизнью клянусь, инспектор, я не знаю. Может, тот, кто угнал фургон, нашёл документы и продал их кому-то ещё...

— Они нашли кого-то, кто нуждался в междугородном транспорте, в ту же ночь, как его угнали? Это самые удачливые угонщики всех времён.

Хуруц обмяк.

— Пожалуйста, — сказал он. — Пройдитесь по моим банковским счетам. Проверьте мой бумажник. Никто мне ни хрена не платил. С тех пор как фургон угнали, я ничего не могу проверить, никакого бизнеса вообще. Не знаю, что и делать...

— Я сейчас расплачусь, — сказала Корви.

Он посмотрел на неё с затравленным выражением.

— Жизнью клянусь, — сказал он.

— Мы просмотрели ваше досье, Микаэл, — сказал я. — Я не имею в виду ваше полицейское досье — его мы проверяли в прошлый

раз. Я имею в виду ваше досье у пограничников Бещеля. Через несколько месяцев после того, как впервые получили пропуск, вы подверглись случайной проверке. Несколько лет назад. Мы видели отметку «Первое предупреждение» по ряду факторов, но самым крупным нарушением пока что было то, что вы оставили документы в машине. В то время у вас был легковой автомобиль, не так ли? Вы оставили документы в бардачке. Как вам удалось в тот раз выкрутиться? Удивляюсь, что ваш пропуск не отменили там и тогда.

— Первое правонарушение, — сказал он. — Я их умолял. Один из парней, которые нашли пропуск, сказал, что поговорит со своим приятелем, чтобы отмену заменили на официальное предупреждение.

— Вы давали ему взятку?

— Конечно. Сколько-то. Не помню, сколько именно.

— Почему не помните? Я хочу сказать, в первый раз вы вот так его и получили, верно? Что же тогда беспокоиться?

Долгое молчание. Вообще-то автомобильные пропуска ЛКВ ориентированы на предприятия, в которых занято несколько больше работников, чем в чудосочном бизнесе Хуруща, но и мелкие торговцы частенько подкрепляют свои запросы несколькими долларами — бещмарки вряд ли приведут в действие бещельских посредников или оформляющих бумаги клерков в уль-комском посольстве.

— Иногда, — сказал он безнадёжно, — мне бывает нужна помощь при погрузке. Мой племянник сдал на права, пара приятелей, они могли ездить, помогали мне управиться. Точно трудно сказать.

— Инспектор?

Корви обращалась ко мне не в первый раз, осознал я.

— Инспектор?

Она глянула на Хуруща — мол, что мы делаем?

— Прошу прощения, — сказал я ей. — Просто задумался.

Я жестом пригласил её отойти в угол помещения, ткнув пальцем в Хуруща и велел ему тем самым оставаться на месте.

— Я собираюсь его привлечь, — тихо сказал я, — но что-то... Посмотрите на него. Пытаюсь кое в чём разобраться. Слушайте, мне надо, чтобы вы кое за чем сгоняли. Как можно быстрее, потому что завтра мне придётся поехать по этой чёртовой ориентировке, поэтому, думаю, ночь сегодня будет долгая. Не против? Мне нужен список всех

фургонов, угнанных в ту ночь в Бещеле, и я хочу знать, что происходило в каждом конкретном случае.

— Всех?..

— Не паникуйте. Это всего транспорта будет много, но вынесите за скобки всё, кроме фургонов примерно этого размера, и это только за одну ночь. Раздобудьте мне всё, что можно, по каждому из них. Включая все связанные с ними документы, хорошо? Как можно быстрее.

— Что вы собираетесь делать?

— Посмотрю, удастся ли мне добиться от этого слизняка правды.

Корви, применив лесть, дар убеждения и компьютерную грамотность, раздобыла информацию в течение нескольких часов. Только вуду позволяет проделать это так быстро, ускоряя официальные каналы.

Первую пару часов, пока она этим занималась, я сидел с Хурущем в камере и спрашивал его на разные лады, в нескольких формулировках: «Кто взял ваш фургон?» и «Кто взял ваш пропуск?». Он скулил и требовал адвоката, которого я пообещал ему в ближайшее время. Дважды он пытался разозлиться, но в основном просто повторял, что ничего не знает и что не сообщил об угоне фургона и краже документов, потому что боялся неприятностей, которые это ему принесёт. «Тем более что меня уже об этом предупреждали, понимаете?»

По окончании рабочего дня мы с Корви засели у меня в кабинете, чтобы разобраться со списком. Ночь, как я снова её предупредил, будет долгой.

— За что задержан Хурущ?

— На данном этапе — за неправильное хранение пропусков и недонесение о преступлении. В зависимости от того, что мы сегодня найдём, я мог бы добавить заговор с целью убийства, но у меня такое чувство...

— Не думаете ли вы, что он в чём-то замешан?

— Едва ли он криминальный гений, верно?

— Я, босс, не говорю, что он что-то планировал. Или хотя бы что-то знал. Конкретное. Но не думаете ли вы, что он знал, кто взял его

фургон? Или что с ним собираются что-то сделать?

Я помотал головой.

— Вы его не видели. — Я вытащил из кармана кассету с его допросом. — Послушайте, если время будет.

Она уселась за мой компьютер, заполняя различные электронные таблицы имеющейся у неё информацией. Преобразовала мои невнятные, смутные идеи в диаграммы и графики. «Это называется добычей данных». Последние слова она произнесла по-английски.

— Кто из нас стукач? — спросил я.

Она не ответила. Только щёлкала по клавишам, пила густой кофе, «сваренный чертовски правильно», да вполголоса честила моё программное обеспечение.

— Вот, значит, что мы имеем.

Было уже больше двух. Я смотрел из окна кабинета на бещельскую ночь. Корви разгладила бумаги, которые распечатала. За окном слышались слабые крики и затихающее бормотание позднего трафика. Я поёрзал в кресле — содовая с кофеином настойчиво просились наружу.

— Общее количество фургонов, угнанных в ту ночь, тринадцать. — Она вела по строчкам пальцем. — Три из них впоследствии оказались сожжёнными или подвергнутыми той или иной форме вандализма.

— Беспечные ездоки?

— Беспечные, да. Стало быть, десять.

— Как скоро заявили об их угоне?

— Все, кроме трёх, считая нашего обаяшку в камере, сообщили об угоне к исходу следующего дня.

— Хорошо. Теперь где тот лист, где значится... Сколько из этих фургонов имеют пропуск в Уль-Кому?

Она перетасовала страницы.

— Три.

— Звучит внушительно — три из тринадцати?

— Так среди фургонов их и будет намного больше, чем среди автомобилей в целом, из-за всего этого экспорта-импорта.

— Тем не менее. Какова статистика по городам?

— Чего, фургонов с пропусками? Не могу найти, — сказала она, пощёлкав по клавишам и поглазев на экран. — Должен быть способ

это узнать, я уверена, только не пойму, какой.

— Ладно, будет время, и это выясним. Но держу пари, что это меньше, чем три из тринадцати.

— Можно бы... Процент и впрямь высокий.

— Хорошо, попробуйте вот что. Из этих трёх с пропусками, которые угнали, у скольких владельцев имелись ранее предупреждения о нарушении правил?

Она просмотрела бумаги и подняла взгляд на меня.

— У всех троих. Чёрт. Всех троих предупреждали о неправильном хранении. Чёрт.

— Верно. Это всё-таки кажется маловероятным, да? С точки зрения статистики. Что случилось с двумя другими?

— Они были... Подождите. Принадлежат Гордже Федеру и Салье Анн Махмуд. Фургоны обнаружались на следующее утро. Брошенные.

— Что-нибудь забрали?

— Немного побиты, пропали несколько кассет, немного мелочи у Федера и iPod у Махмуд.

— Давай-ка посмотрим на время — нет способа доказать, какой из них был угнан первым, не так ли? А известно ли нам, сохранились ли у двоих других их пропуска?

— Не приходило в голову, но это мы сможем узнать завтра.

— Выясните, если можно. Но я готов поспорить, что да. Откуда угнали их фургоны?

— С Юславсьи, Бров-проща, а у Хуруща — с Машлина.

— Где их нашли?

— Фургон Ферера на... Бров-проще. Боже. Фургон Махмуд — на Машлине. Чёрт. Сразу за поворотом с Проспекстращ.

— Это примерно в четырёх улицах от конторы Хуруща.

— Чёрт. — Она откинулась на спинку стула. — Объясните, что к чему, босс.

— Из трёх фургонов с визами, что были угнаны в ту ночь, у всех есть предупреждения за то, что документы не были изъяты из бардачков.

— Угонщик знал?

— Кто-то охотился за визой. Кто-то, имеющий доступ к пограничным досье. Им нужен был автомобиль, на котором можно проехать через Связующий зал. Они точно знали, у кого есть запись о

том, что они не утруждают себя забирать документы. Посмотри на эти позиции. — Я нацарапал грубую карту Бещеля. — Фургон Федератора угнан первым, но господин Федератор молодец — он и его сотрудники усвоили урок, и теперь он забирает документы с собой. Когда наши преступники это понимают, они используют его, чтобы подъехать сюда, к месту, где паркует свой фургон Махмуд. Они быстро его вскрывают, но госпожа Махмуд теперь тоже хранит свой пропуск в офисе, так что, сделав и этот угон похожим на ограбление, они бросают её фургон возле следующего в списке и двигаются дальше.

— А следующий — это фургон Хуруца.

— И он остался верен прежней склонности и не забрал документов. Так что они получили, что им было надо, и поехали в Связующий зал, а затем в Уль-Кому.

Я умолк.

— Что же это за хрень?

— Это... выглядит хитроумным, вот что это такое. Сделано кем-то очень посвящённым. Не знаю только, во что именно. Кем-то, у кого есть доступ к досье о задержаниях.

— Что же нам-то делать? Нам какого хрена делать? — спросила она снова, после того как я слишком долго молчал.

— Не знаю.

— Надо кому-то сообщить...

— Кому? Что сообщить? У нас ничего нет.

— Вы что... — Она чуть было не сказала «шутите?», но ей хватило ума, чтобы понять мою правоту.

— Этих взаимосвязей достаточно, может быть, для нас, но это не доказательства, понимаете, этого мало, чтобы чего-то добиться. Так или иначе... что бы это ни было... кто бы ни...

— У них есть доступ к вещам, которые... — начала Корви.

— Мы должны быть осторожны, — сказал я.

Она встретилась со мной взглядом. Последовал ещё один ряд долгих мгновений, в течение которых никто из нас ничего не говорил. Мы медленно осматривали комнату. Не знаю, что мы искали, но подозреваю, что в этот миг она внезапно почувствовала, что за ней охотятся, на неё смотрят и её слушают — такой уж у неё был вид.

— Так что же нам делать? — произнесла Корви.

Мне стало не по себе от того, какая тревога прозвучала в её голосе.

— Думаю, то же, что и делали. Расследовать. — Я пожал плечами. — Нам надо распутать преступление.

— Мы не знаем, с кем безопасно об этом говорить, босс. Больше не знаем.

— Да. — Вдруг оказалось, что мне сказать нечего. — Так что, может, ни с кем и не надо говорить. Кроме меня.

— Меня убирают из этого дела. Что я могу?..

— Просто отвечать на звонки. Если возникнет что-то, что я смогу вам поручить, я позвоню.

— Куда это ведёт?

В тот миг этот вопрос ничего не означал. Он был задан просто для того, чтобы заполнить почти абсолютную тишину в офисе, перекрыть имевшиеся там шумы, звучавшие зловеще и подозрительно, — каждое тиканье и скрип пластика представлялись мгновенной обратной связью электронного уха, каждый негромкий стук в здании — перемещением внезапно проникшего в него злоумышленника.

— Чего бы я действительно хотела, — сказала она, — так это вызвать Брешь. Чтоб им всем, просто здорово было бы натравить на них Брешь. Здорово было бы, если бы это была не наша проблема.

Да. Понятие Бреши требовало отмщения кому бы то ни было, что бы это ни подразумевало.

— Она что-то обнаружила. Махалия.

Мысль о Бреши всегда представлялась правильной. Но я вдруг вспомнил лицо миссис Джири. Брешь вела наблюдение между городами. Никто из нас не знал того, что знала она.

— Да. Может быть.

— Нет?

— Конечно, просто... мы не можем. Так что... придётся нам сосредоточиться на этом самим.

— Нам? Нам двоим, босс? Никто из нас не знает, что за хрень происходит вокруг.

К концу последней фразы Корви перешла на шёпот. Брешь была за пределами нашего контроля или кругозора. Какой бы ситуация ни была, что бы ни случилось с Махалией Джири, расследовали это

только мы вдвоём, поскольку могли доверять лишь друг другу, и скоро она останется одна, и я тоже буду один, к тому же в чужом городе.

Часть вторая
УЛЬ-КОМА

15

Сесилия доигрывает пьесу, и голограмма сворачивается, прячась обратно в клавиатуру. Девушка вытягивает над головой руки, похрустывая суставами пальцев.

– Прекрасное исполнение, дорогая, – говорит Линден.

Он, расположившись на диване, одной рукой обнимает меня, другой небрежно поглаживает по бедру Дженну, уютно устроившуюся с краю.

– Прямо маленький виртуоз. Хоть сейчас на сцену! – соглашается Дженна, накручивая на палец один из темных завитков Линдена.

– Ну, может, на сцену – это чересчур, – возражает Сесилия и накрывает клавиатуру защитным чехлом.

– И правда, – подхватываю я. – Концертные залы все какие-то неприветливые. Ты вроде рассказывала мне, что придумала эту мелодию, когда гуляла по розарию?

– Вообще-то это был лабиринт из живой изгороди, – поправляет меня Дженна.

– Вы обе ошибаетесь, – встречает Сесилия, забираясь к Линдену на колени. – Я сочинила ее в апельсиновой роще.

– Сама сочинила? – удивляется Линден.

Дженна все еще играет прядкой его волос, и он машинально склоняется к ней.

– Да. У меня это само собой получается: просто слышу в голове мелодию и стараюсь ее запомнить. Только вот...

Осекшись на полуслове, она отводит в сторону взгляд и тяжело вздыхает.

– Что такое, дорогая? – спрашивает Линден.

– Да вот, за последнее время ничегошеньки нового мне в голову не пришло, – сетует Сесилия. – Давно не была на свежем воздухе.

– Никто из нас не был, – говорю я. – Не только ты сидишь взаперти. Ураганы – штука опасная. Ты же сама видела, как крепко мне досталось. Сколько времени прошло, а я едва начала поправляться.

– Но за последние несколько недель не было ни одного урагана, – возражает мне Дженна. – Погода стоит замечательная. Ты как думаешь? – обращается она к Линдену.

Лицо последнего залито густым румянцем: быть объектом внимания сразу трех жен – то еще испытание.

– Н-н-наверное.

– Но Распорядитель Вон всего лишь хочет уберечь нас от опасности, – объясняю я. – Поэтому отныне все прогулки только в его сопровождении.

– Он вас повсюду сопровождает? – переспрашивает Линден.

– Не скажу, что мы от этого в восторге, – признается Дженна. – Мы, конечно, обожаем нашего свекра. Ты и сам знаешь. Но иногда девушкам просто необходимо побыть в одиночестве.

– Чтобы заняться творчеством, – разъясняет Сесилия.

– И поразмышлять, – добавляю я.

– И посекретничать, – продолжает список Дженна. – Нам с Рейн ни в теннис не сыграть, ни на батуте не попрыгать. Виртуальные игры – это, конечно, здорово, но мы же совсем не двигаемся.

– Не собиралась затрагивать эту тему, – не отстаёт Сесилия, – но они обе явно прибавили в весе.

– Кто бы говорил, – сощурившись, парирует Дженна.

Щеки Линдена к тому времени уже розоватого оттенка, поэтому, когда Сесилия, обхватив ладонями его лицо и нежно поцеловав, интересуется, не стала ли она из-за беременности менее привлекательной, ему окончательно изменяет выдержка.

– Т-ты прекрасна, – заверяет ее он. – Вы все просто красавицы. Если думаете, что свежий воздух пойдет вам на пользу, я поговорю с отцом. Я и не предполагал, что вы здесь так – хм – задыхаетесь.

– Правда? – восклицает Сесилия.

– В самом деле? – уточняю я, томно прижимаясь к нему.

– Какой же ты милый!

Отвесив комплимент, Дженна целует мужа в макушку.

Осторожно, но решительно он ссаживает Сесилию с колен и встает с нагретого места между мной и Дженной.

– Я поговорю с ним сегодня вечером, когда он вернется из больницы.

Мы трое замираем, выжидая, пока за ним не закроются двери лифта. Еще секунда, и мы валимся на диван, надрывая животы от хохота.

– Отлично сработано, – подводит итог Дженна.

– Даже лучше, чем планировали, – соглашаюсь я.
– Я справилась? – переживает Сесилия.
– Забудь о музыке, – отвечает Дженна, ероша ей волосы. – Ты прирожденная актриса!

Мы обнимаемся в знак нашей маленькой победы. Меня захватывает дух настоящего сестринства. Никогда не почувствую себя замужем в большей степени, чем сейчас.

В тот вечер, когда мы собираемся на выставку, у Сесилии начинаются схватки.

– Это так называемые предварительные схватки, – заверяет ее Распорядитель Вон. – Ложные.

Но вот боли у нее нешуточные. Она стоит на коленях у кровати, вцепившись в матрас. В глазах застыл неподдельный испуг. Нет, она не притворяется.

– Нам лучше остаться дома, – обращаюсь я к Линдену.

Я уже больше недели на ногах. Ровно столько времени потребовалось Дейдре, чтобы придумать и сшить восхитительное красное платье, которое сейчас на мне. Я не просто так выдержала часовую пытку кремами, воском и пилочками для ногтей, с завидным энтузиазмом проведенную группой немолодых женщин. У меня были большие планы на сегодняшний вечер. Мы с Линденом стоим на пороге комнаты Сесилии. Твердая линия плотно сжатых губ выдает его беспокойство.

Распорядитель Вон и Эль помогают Сесилии забраться на кровать.

– Идите, – настаивает Вон. – Ей еще два месяца до родов.

Я ему не доверяю. Представляю, как заходящуюся в крике Сесилию везут на каталке по бесконечным коридорам подвала, пока она рождает мертвого ребенка. Рядом Вон. Эта беспощадная тварь готовится препарировать маленькое тельце в поисках противоядия. В глазах у чудовища, вскрывающего собственного внука, нет ничего человеческого.

Девушка всхлипывает, и Эль промокает ей лицо влажной салфеткой. Сесилия открывает рот и, как мне кажется, старается произнести «Останьтесь!», но Вон хватает ее за руку и говорит:

– Знаешь, голубушка, если сегодня вечером твоему супругу удастся заручиться поддержкой новых клиентов, один из его эскизов вскоре превратится в новый дом или, может, магазин. Неужели тебе не хотелось бы посмотреть своими глазами на то, что у него получится? Ну разве стоит упускать такую возможность?

Она молчит в нерешительности. Между ней и Воном есть какая-то странная связь, природу которой я никак не могу понять. Словно она его любимица, или он заменил ей отца, которого у нее никогда не было. Так или иначе, она всегда его во всем слушается.

– Конечно, поезжайте на выставку, – наконец определяется она. – Со мной все будет в порядке. В конце концов, это моя работа. Все мы чем-то жертвуем.

Странно, но звучит это довольно искренне.

– Умничка! – хвалит ее Вон.

Не хочу оставлять ее наедине с Распорядителем. Жуть как не хочу. Но когда мне еще представится случай доказать Линдену, что из меня получится идеальная первая жена и что лучшей пары для посещения светских мероприятий ему не найти?

Пока Линден прощается с Сесилией, обещая ей, что скоро вернется, я отправляюсь в библиотеку к Дженне. Прошу ее присмотреть за Сесилией.

– Боюсь оставлять ее с Распорядителем Воном, – объясняю ей свои опасения.

– Я тоже, – разделяет мои страхи Дженна. – Они постоянно секретничают. Не знаю, что он ей такое плетет, но мне не по себе от их шушуканья.

– Не хочу, чтобы она была с ним наедине.

– Ясно, – соглашается она. – Что ж тут непонятного?

Она на шаг впереди меня: уже позаимствовала из гостиной шахматную доску и собирается попросить Сесилию обучить ее игре в шахматы.

– Ты уж там повеселись, ладно? – напутствует она меня. – Передавай вольной жизни привет.

– Увижу ее, передам, – обещаю я.

Линден – подумать только! – подводит меня к тому же самому лимузину, который когда-то привез меня сюда. Распахнув дверь

автомобиля, он недоуменно смотрит на меня, не понимая, почему я медлю.

– Мы можем открыть окна? – прошу я.

– Но сейчас идет снег, – удивляется он.

Мне всегда казалось, что климат во Флориде умеренный, однако, как выяснилось, погода здесь щедра на сюрпризы.

– Холодный воздух – самое то для наших легких.

Я цитирую Вона, потому это вполне может оказаться далеким от правды, но Линден только пожимает плечами.

– Ну раз ты этого хочешь, – уступает он.

Залезаю в лимузин через заднюю дверь. Кожаными сиденьям с подогревом и бутылке шампанского в наполненной льдом ведерке не под силу усыпить мою бдительность – я все жду какого-нибудь подвоха. Опустив окно, глубоко вдыхаю морозный воздух. Без возражений принимаю пальто, которое Линден накидывает мне на плечи. Машина еще стоит на месте, и я пока не чувствую себя в безопасности. Зная Вона, не удивлюсь, если он решил усыпить меня, чтобы я не смогла рассмотреть дорогу, ведущую к воротам.

В крышу лимузина врезан люк из темного, непрозрачного стекла, скрывающего от меня ночное небо.

– Он открывается? – интересуюсь я.

Линден смеется и принимается растирать мне руки.

– Ты что, решила превратиться в сосульку? Конечно, открывается.

Я стою в открытом люке лимузина. Внезапно машина трогается, и я едва не теряю равновесие. Линден хватается за талию, чтобы я не упала. Пусть себе обнимает. Главное, что мне открыли люк. Кладу руки на крышу машины. Мои волосы припорошивает снег. Кажется, стоит только снежинкам попасть в свет автомобильных фар, как они тут же тают. Мимо проплывают деревья, восстановленная площадка для мини-гольфа, апельсиновая роща, батут Дженны. Лимузин едет дальше, и все то, что на протяжении последних месяцев составляло мой мир, постепенно уменьшаясь в размерах, прощается со мной. До свидания и хорошего вечера! На моих губах играет улыбка. Я не отрываю взгляд от дороги.

Какое-то время вокруг не видно ничего, кроме деревьев. Так далеко от особняка я еще не забиралась. Даже не знала, что в этой стороне есть дорога. Едем уже целую вечность. Принимаюсь

рассматривать звезды, тут и там проглядывающие из-за верхушек деревьев, и луну в три четверти, что спешит за нами.

Подъезжаем к выезду из имения. Ворота открываются, чтобы нас пропустить, и венчающий их цветок с заостренными лепестками раскалывается надвое. Вот так просто. За оградой нас опять встречает лесопарк. Не успеваю я и глазом моргнуть, а мы уже в городе. Яркие огни и размытые лица смеющихся и занятых разговором людей. Судя по окружающему меня материальному благополучию, деньги у местных водятся, с моим районом не сравнить; и финансовый комфорт подарил им иллюзию времени. Может, надеются на создание антидота, который обеспечит им долгую жизнь, а может, им просто нравится возвращаться вечером в уютные дома. Вокруг ни намек на отчаяние. Нет детей-сирот, просящих милостыню. Зато я замечаю женщину в розовом платье, согнувшуюся пополам от смеха перед зданием кинотеатра. Над его входом висит огромный сверкающий щит с названиями фильмов. В воздухе стоит запах гамбургеров и картошки фри. К нему примешивается терпкий дух свежеуложенного асфальта и несильная, но ощутимая вонь сливной канавы.

Не могу оправиться от потрясения. Оказаться здесь сродни высадке на Марсе, а еще – возвращению домой.

Проезжаем мимо гавани. Она совсем не похожа на свою родственницу в Манхэттене: к темным водам спускается песчаный пляж, привязанные к пирсам на ночь лодки лениво покачиваются на волнах.

Линден тянет меня вниз, в салон, говорит, что так и до пневмонии недалеко. Сначала не обращаю на него внимания, а затем понимаю – заболела сегодня, и он больше никогда не выпустит меня из дома. То, что я все-таки отправилась в эту поездку, и так кажется мне неслыханной удачей, если вспомнить, как он переживал, пока я приходила в себя после переломов. Вон не сразу убедил его, что сейчас я в полном порядке, здоровье у меня отменное, прямо богатырское (как у его покойного сына, отметила я). Только после всех этих заверений Линден решил взять меня на сегодняшнюю выставку.

Снова усаживаюсь на обогреваемое сиденье и наблюдаю за тем, как Линден закрывает окна. За тонированными стеклами лимузина мелькает город. Все пока складывается неплохо. Линден наливает мне бокал шампанского. Мы чокаемся. Я уже пробовала алкоголь до этого.

Пару лет назад в доме начала подтекать крыша. Мы с Роуэном решили заделать протечку. В итоге я упала с крыши и вывихнула себе плечо. Роуэн вручил мне пыльную бутылку водки, которую нашел в подвале. Она должна была помочь мне справиться с болью, пока он вправляет плечо.

Но шампанское – совсем другое дело. Водка обожгла мне желудок, а этот легкий игристый напиток его согревает.

Я не отстраняюсь, когда Линден обнимает меня за плечи. Веду себя, как и полагается первой жене. Его тело, сперва натянутое как струна, потихоньку расслабляется. Потом он берет в руки упругий локон моих волос – целый арсенал парикмахерских средств позаботился о том, чтобы мои кудри не потеряли за вечер форму, – и накручивает себе на палец. Интересно, какую прическу делала на выход Роуз.

Мы допиваем шампанское. Забирая из моих рук пустой бокал, Линден сообщает мне, что на выставке нам предложат еще. Говорит, что мы услышим миллиарды тостов и официанты будут разносить гостям напитки на подносах.

– В конце вечера Роуз только делала вид, что пьет. По-моему, официанты специально подносили ей пустые бокалы, чтобы подкрепить обман.

Он отводит глаза в сторону, словно сожалея о сказанном, и принимается рассматривать машины за окном.

Кладу руку ему на колено.

– Здорово, – ободряюще говорю я. – А что еще она делала?

Поджав губы, он бросает на меня быстрый взгляд.

– Она смеялась над всеми шутками и обязательно смотрела в глаза тому, с кем беседовала. И еще все время улыбалась. Когда вечер подходил к концу и мы оставались наедине, она говорила, что у нее от этих бесконечных улыбок сводит скулы.

Улыбайся. Делай вид, что тебе интересно. Притворяйся, что пьешь. И «сияй, как звезда», добавляю я еще один пункт к списку. Думаю, этого же принципа придерживалась и Роуз. Чем ближе конечная цель нашей поездки, тем явственнее мне кажется, что я попала в мир покойной жены Линдена, где играю теперь ее роль. Сбывается пророчество, что она дала мне в день нашей первой встречи. А я так не хотела в него верить! Но в эту минуту, убаюканная

теплом сиденья и запахом лосьона после бритья, исходящим от Линдена, я вовсе не уверена, что сама идея была так уж плоха. В конечном счете, это же не навсегда.

Мне требуется несколько секунд, чтобы напомнить себе, что за окном бурлит чужой город, а среди прохожих не найдется ни одного знакомого лица. И брата моего здесь нет. Он где-то далеко, совсем один, ждет меня. Рядом никого, и некому дежурить, пока он спит. При этой мысли меня накрывает ледяная волна тревоги, зародившаяся где-то в районе желудка. Шампанское грозит отправиться в обратное путешествие по пищеводу, но я усилием воли заставляю себя успокоиться, пока меня не стошнило. Единственная возможность к нему вернуться – правильно разыграть свои карты, неважно, сколько может продлиться вся партия.

Подъезжаем к высокому белому зданию, над двустворчатыми дверями которого висит большой бархатный бант. Выйдя из лимузина, видим, что уличные фонари и фасады магазинов украшены такими же бантами. Мужчина в костюме Санта-Клауса звонит в колокольчик, и прохожие бросают деньги в стоящее у его ног красное ведерко.

– Рановато они что-то в этом году к зимнему солнцестоянию готовятся, – небрежно роняет Линден.

Я не отмечала праздник солнцестояния с тех пор, как мне исполнилось двенадцать. Роуэн считал покупку подарков и праздничное оформление дома пустой тратой времени и денег. Когда мы были совсем маленькими, родители украшали дом красными бантами и снеговиками, вырезанными из картона. Весь декабрь на кухне царил восхитительный аромат сладкой выпечки. Отец играл с листа. Перед ним стоял открытый нотный сборник, озаглавленный «Классические рождественские песни». Книге было около ста лет, хотя Рождеством главный зимний праздник перестали называть задолго до того, как она вышла в свет. В день зимнего солнцестояния, самый короткий в году, родители дарили нам подарки, сделанные, как правило, своими руками. Мама потрясающе шила, а отец мастерски работал по дереву.

Когда родителей не стало, умерла и заведенная ими традиция. По вине нью-йоркских попрошайек зимние месяцы оказывались для нас с братом самым трудным временем в году. К наступлению холодов мы обычно наглухо заколачивали окна, чтобы сиротам, ищущим укрытие

от стужи, было не пробраться в дом. Зимы у нас и вправду лютые: морозы стояли трескучие, а снега за ночь выпадало по пояс. Иногда нам приходилось вставать ни свет ни заря и идти расчищать дорожку, ведущую к дому, чтобы, выбравшись из снежного плена, успеть на работу. Мы подтаскивали раскладушку к печке так близко, как только было можно, но даже в этом относительном тепле воздух, который мы выдыхали, превращался в белый пар.

– Не пугайся, если они все захотят поцеловать твою руку, – шепчет мне на ухо Линден, беря меня под руку, и мы поднимаемся по лестнице.

После того как Линден назвал эти выставки скучными и неинтересными, мои ожидания более чем скромны. Но внутри нас встречает целая толпа разряженных людей. В воздухе висят дома-голограммы. Вращаясь, они поворачиваются к зрителям то одним, то другим боком. Благодаря их настезь распахнутым окнам осмотр всех комнат занимает считанные секунды. Рядом с каждой из голограмм стоит архитектор, готовый рассказать о своем проекте любому желающему. На стены и потолок выставочного зала проецируется изображение голубого неба с плывущими по нему белыми облаками. Под ногами раскинулся великолепный травяной ковер с частыми вкраплениями полевых цветов. Траву ни за что не отличить от настоящей, она даже слегка колыхается от ветра. Не могу удержаться и, наклонившись, касаюсь рукой пола. Пальцы натываются на холодную плитку, хотя со стороны кажется, будто я набрала полную пригоршню земли. Выпрямившись, занимаю место рядом с Линденом.

– Организаторы вечно пытаются воссоздать иллюзию места, куда бы могли вписаться представляемые проекты, – хмыкнув, говорит он. – Сегодня у них неплохо получилось. Гораздо лучше, чем на последней выставке, где я был, там ты оказывался посреди пустыни. В итоге всех присутствующих одолела жажда, вот и все. В другой раз они использовали изображение пустого тротуара. Это было задумано для привлечения корпоративных клиентов, но получилось все ужасно тоскливо, прямо постапокалиптический пейзаж какой-то.

Столик с десертами вызывает в памяти городской ландшафт. Кто-то уже разрезал торт, похожий на церковь с двумя куполами. Подрагивающее желе напоминает плавательный бассейн с шоколадным дном. Рядом шоколадный же фонтан. От лужайки

сахарных цветов почти ничего не осталось. Наверное, так же выглядел бы Изумрудный город после нападения на редкость прожорливого чудовища.

Мы успеваем сделать всего несколько шагов, прежде чем кто-то хватает меня за руку и прикладывается к ней губами. От испуга у меня волосы встают дыбом. Ослепительно улыбаюсь.

– И кто же у нас эта юная красавица? – интересуется поцеловавший мне руку мужчина.

Мужчиной его можно назвать лишь с большой натяжкой – на вид он еще моложе меня. Однако это не мешает ему носить костюм, цена которого превосходит месячный счет за электричество, потребленное всеми нашими домочадцами.

Пока Линден с гордостью представляет меня как свою жену, улыбка ни на секунду не сходит с моего лица. Правда, я залпом осушаю поднесенный мне бокал вина, а потом схожим образом расправляюсь и со следующим. Выдерживать череду поцелуев и приветствий становится значительно легче. Мы не единственная пара сегодня. Остальные жены выглядят довольно счастливыми. Они восторгаются моими браслетами, интересуются, как долго мне укладывали волосы, и жалуются на своих слуг – те совершенно не умеют обращаться с «молниями», жемчугом и прочее и прочее. Спустя какое-то время все эти разговоры сливаются для меня в сплошной ровный гул, а я все продолжаю кивать, улыбаться и потягивать вино. Одна из жен беременна. Она устраивает грандиозную сцену, когда официант предлагает ей бокал вина. Ко мне обращаются «заинька» и «лапушка» и спрашивают, когда же я собираюсь завести ребенка. Я отвечаю, что «мы работаем над этим».

Ни одна из них словно не замечает охранников у дверей, которые, скорее всего, не колеблясь, положат нас лицом на пол, если мы попытаемся покинуть выставку без своих мужей.

Однако у вечера есть и светлая сторона: я просто очарована вращающимися образами домов. Линден установил свою голограмму, и я, как замороженная, любуюсь его эскизом – теперь объемным и расцвеченным. Это новый проект, но для его создания Линден много позаимствовал из своих прежних рисунков. В воздухе парит макет дома в викторианском стиле. По его стенам, прямо на глазах вырастая, стелется раскидистый плющ. Оплетя здание полностью, плющ

съеживается до начального размера и снова начинает расти. Внутри можно различить очертания людей, но стоит дому повернуться ко мне открытым окном, как все его жители дружно отходят в глубину комнаты, чтобы я могла получше рассмотреть дощатый пол и колышущиеся от сквозняка занавески. Еще чуть-чуть, и я почувствую запах ароматической смеси из сухих лепестков, которую так любила Роуз. Одна из спален заставлена лилиями. Книжные полки в библиотеке ломятся от географических атласов, на столике в ее центре стоит шахматная доска с неоконченной партией.

От увиденного у меня голова идет кругом. Прижимаюсь к Линдену. Он крепко меня держит, нежно целует в висок. После сотни объятий и поцелуев, которые я получила за сегодняшний вечер от совершенно незнакомых мне людей, осознание того, что меня касаются только его руки, дарует мне приятное чувство облегчения.

– О чем задумалась? – спрашивает он.

– Только дурак откажется жить в таком доме! – отвечаю я.

Обменявшись улыбками, мы одновременно делаем по глотку вина.

К концу вечера, наверное, благодаря стоящему во рту привкусу алкоголя и сахарной глазури мне начинает казаться, что воздух вокруг напоен сладким благоуханием. Тугие локоны, несмотря на стекающие по шее ручейки пота, прекрасно держат форму. Машинально улыбаюсь. Смеюсь, словно в забытьи. Незнакомцы засыпают меня комплиментами, наперебой расхваливая необычный цвет моих глаз. В ответ я похлопываю их по плечам, присовокупив неизменное «Ах, довольно». Половина интересуется, настоящий ли это цвет, на что я отвечаю:

– Конечно. Какой же еще?

– От кого тебе достались такие необыкновенные глаза? – спрашивает меня кто-то.

– От родителей, – говорю я.

Линден выглядит удивленным, как будто ему никогда не приходило в голову, что у меня были родители и, уж тем более, что я была с ними знакома.

– Н-да, ты, конечно, редкая красотка, – не унимается мужчина. Он слишком пьян, чтобы заметить встревоженное выражение,

появившееся на лице Линдена. – Глаз с нее не спускай. Не знаю, где ты ее откопал, но могу поспорить, другой такой нет.

– Да, знаю... – приглушенным голосом отвечает растерявшийся Линден.

Похоже, он и вправду в некотором замешательстве.

– Пойдем, милый, – говорю я, едва подыскав ласковое обращение, не освоенное еще Воном или Сесилией. Тяну мужа за рукав. – Хочу взглянуть на вон тот дом.

Улыбнувшись глупо хихикающему в хмельном дурмане собеседнику, прошу нас извинить.

Мы неторопливо прохаживаемся по залу. Не скупимся на комплименты архитекторам. С одним из них Линден начинает разговор о возможности сотрудничества, и я отхожу в сторону. Он возвращается через несколько минут. Я пока налегаю на клубнику, наслаждаясь передышкой от исполнения светских обязанностей.

– Готова? – спрашивает он.

Я беру его под руку, и мы незаметно покидаем выставку.

Оказавшись на улице, сразу замечаю, что почти весь снег растаял. До меня доходит, что солнечный полдень, стоящий в выставочном зале, был лишь иллюзией. Порыв холодного ветра чуть не сбивает с ног. Мы направляемся к лимузину, а в моей голове пульсирует мысль: сейчас я могу убежать. Охранники остались внутри здания. А с одним Линденом я бы справилась без труда. Он довольно щеделушен. Оттолкну его хорошенько, и путь свободен. Делов-то. Я бы наверняка справилась. И мне бы не пришлось возвращаться за эти ненавистные кованые ворота.

Но Линден открывает дверь лимузина, и я забираюсь в теплый и светлый салон автомобиля. Он отвезет нас домой. Надо же, домой. Меня охватывает странное, но не слишком уж неприятное чувство. Напряженные плечи устало опускаются. Принимаюсь высвобождать ноющие ноги из черных туфель на высоченных каблуках, но задача оказывается мне не по силам. В этот момент лимузин трогается с места, и я начинаю заваливаться вперед, но Линден успевает вовремя меня подхватить. Меня почему-то разбирает смех.

Он снимает с меня туфли и получает в награду удовлетворенный вздох.

– Ну, как я справилась?

– Ты была великолепна, – отвечает он.

Щеки и нос его заметно порозовели. Он медленно проводит пальцем по моей щеке.

Улыбаюсь ему. Это первая искренняя улыбка за сегодняшний вечер.

В особняк мы приезжаем уже ночью. На кухне и в коридорах ни души. Линден идет проведать Сесилию, в ее комнате все еще горит свет. Его, поди, дожидается. Любопытно, заметит ли она, что он слегка нетрезв? Тут, наверное, я виновата: подала дурной пример. Хотелось бы узнать, как было заведено у Роуз: она забирала у него бокал, говоря, что он позволил себе лишнего? Как же она все это выдерживала, на трезвую-то голову?

Отправляюсь в свою спальню. Стащив с себя мокрое от пота красное платье, переодеваюсь в сорочку. Затем собираю волосы в небрежный хвост, отметив, что даже спустя столько времени локоны ничуть не потеряли свою упругость, и распахиваю окно. Холодный воздух обжигает легкие. Оставив окно открытым, залезаю в кровать. Медленно погружаюсь в сон. Перед глазами, будто в калейдоскопе, мелькают вращающиеся дома, огромные животы беременных женщин и летящие ко мне по воздуху подносы с бокалами вина.

Где-то посреди ночи в комнате становится ощутимо теплее. Раздается тихий скрип закрываемого окна, за которым следуют осторожные шаги, скрадываемые густым ворсом ковра.

– Ты спишь, милая? – доносится до меня голос Линдена.

Он запомнил, как я обратилась к нему на выставке. Милая. Звучит неплохо. Ласково. Пусть останется.

– Угу, – отзываюсь я.

В плывущей темноте комнаты мне мерещатся блестящие рыбы тельца и неудержимо разрастающийся плющ.

Он вроде бы спрашивает, можно ли ему лечь рядом. Я как будто бормочу что-то утвердительно, и вот уже матрас слегка прогибается под его весом. Я словно планета, купающаяся в жарких лучах солнца. От него пахнет вином и праздником. Он поддвигается ближе, и моя голова оказывается рядом с его.

Мы лежим в темном, теплом коконе тишины. Следую за причудливыми завитками плюща в волшебное сонное царство.

– Остайся, пожалуйста, – вдруг говорит Линден.

– Мм? – мычу я в ответ.

Он осыпает мою шею легкими поцелуями, согревая ее своим дыханием.

– Пожалуйста, не убегай от меня.

Я на полпути между бодрствованием и сном. Он аккуратно берет меня за подбородок и поворачивает лицом к себе. Открываю глаза. Взгляд его неподвижен, словно стеклянный. На мою щеку падает маленькая капелька. Он сказал что-то буквально секунду назад, что-то очень важное, но я так устала, что не могу ничего вспомнить. В голове лишь звенящая пустота. Он все ждет моего ответа.

– Что такое? Что случилось? – спрашиваю я.

И тут он меня целует. Мягко. Нежно. Осторожно посасывая мою нижнюю губу. Его вкус наполняет мой рот. А это довольно приятно. На пару мгновений. Все сегодня вечером кажется довольно приятным. Благодаря тонкой алкогольно-виртуальной завесе. Из моего горла вырывается глухой, булькающий хрип, похожий на гуканье младенца. Он отстраняется и вопросительно на меня смотрит.

– Линден... – начинаю я, не открывая глаз.

– Да, да, я здесь, – бормочет он и тянется меня поцеловать.

Уклоняюсь от поцелуя. Упершись руками в плечи Линдена, хочу его оттолкнуть, но вдруг замечаю боль, тенью промелькнувшую в глазах мужа. Не меня он целовал, а свою покойную жену. Это о ней он только что грезил наяву.

– Я не Роуз, – говорю я. – Линден, ее больше нет, она умерла.

– Знаю, – слышу в ответ.

Линден больше не предпринимает попыток меня поцеловать, и я отпускаю его плечи. Он ложится рядом.

– Просто иногда ты...

– Но я – не она, – настаиваю я. – И мы оба выпили чуть больше, чем надо.

– Я понимаю, что ты не она, – объясняет он. – Но я совсем ничего не знаю о тебе, твоей прежней жизни.

– Разве не ты заказал тот фургон с девушками? – уточняю я.

– Это отец постарался, – отвечает он. – Почему ты решила стать невестой?

Его слова комом встают у меня в горле. Почему я решила стать невестой? В памяти всплывает то, каким удивленным он выглядел

сегодня на выставке, когда меня спросили, откуда у меня такие глаза.

Он действительно ни о чем не догадывается.

Зато я знакома с тем, кто знает обо всем. Вон. Что он наплел своему сыну? Что есть специальные школы для желающих удачно выйти замуж, где девушек с детства учат угождать мужчинам? Или что он спас нас от прозябания в сиротском приюте? Последнее, если взять Сесилию, может быть недалеко от истины, но даже она совершенно не готова к той жизни, что ей придется вести после рождения ребенка.

Я могла бы рассказать ему обо всем прямо сейчас. Могла бы сообщить, что сестер Дженны расстреляли в том фургоне, что последнее, чего я хотела в этой жизни, так это выйти замуж. Но разве он мне поверит?

А если даже и поверит, отпустит ли?

– Что, по-твоему, случилось с девушками, которых ты отверг? – интересуюсь я. – С теми, другими.

– Наверное, вернулись обратно, кто в приют, кто к себе домой.

Потрясенная услышанным, лежу неподвижно, уставившись в потолок. Меня слегка подташнивает. Линден кладет мне на плечо руку.

– Что такое? Тебе нехорошо?

Мотаю головой.

Власти у Вона на порядок больше, чем я думала. Он держит сына взаперти, в полной изоляции от внешних влияний, создав для него в стенах этого особняка собственный иллюзорный мир. Отец складировает в подвале мертвые тела, пока сын развевает подсунутый ему пепел. Еще бы я не хотела отсюда сбежать. Любой, кто познал свободу, захочет к ней вернуться. Но Линден никогда не был свободным. Он даже не знает, что это такое, поэтому и стремление к свободе ему неизвестно.

Габриель и тот столько лет провел на положении заключенного, что начал забывать, как же хорошо там, снаружи.

Там же хорошо, ведь так? Лежу тихо, сравниваю про себя нью-йоркскую гавань с полноводным океаном плавательного бассейна, Центральный парк с бескрайними полями для гольфа и теннисными кортами, маяк на Манхэттене с его уменьшенной копией у девятой лунки, окруженной гигантскими леденцами. Потом ищу сходство между родным братом Роуэном и названными сестрами Дженной и Сесилией. В моем замутненном от выпитого сознании будто бы

проясняется смысл брошенных мне Gabrielem слов – «что такого особенного может предложить тебе внешний мир, чего ты не могла бы получить здесь?».

Но это лишь секундная слабость.

Легонько, сомкнутыми губами целую Линдена.

– Милый, я тут подумала, – начинаю я. – Не очень-то из меня хорошая первая жена вышла, да? Постараюсь исправиться.

– Значит, ты не пыталась от меня убежать тогда, под прикрытием урагана?

– Не говори глупостей, – увещаю его я. – Разумеется, нет.

Он со счастливым вздохом обнимает меня за талию и засыпает.

Свобода, Габриель. Здесь ты ее никогда не получишь.

16

Весь следующий день пытаюсь увидаться с Габриелем, но все безуспешно. Проснувшись поздно, после двенадцати, обнаруживаю, что на прикроватном столике меня уже ждет поднос с завтраком. Но ни Джун Бинз, ни каких-либо других свидетельств посещения Габриеля мне найти не удастся. Прошу прислать кого-нибудь из слуг, чтобы я могла воспользоваться лифтом. Но вместо Габриеля моим сопровождающим оказывается совсем другой человек.

Распорядитель Вон.

– Добрый день, дорогая, – приветствует он меня, улыбаясь. – Немного растрепана, но, как всегда, очаровательна. Поздно легла вчера?

Выдавливаю из себя самую что ни на есть обворожительную улыбку. Роуз была права, скулы действительно сводит. Называется, убедил Линден своего папеньку предоставить нам побольше свободы. Что бы мой муж о себе ни думал, последнее слово в этом доме всегда остается за Воном.

– Все прошло замечательно, – отвечаю я. – Мне совершенно непонятно, почему Линден называет эти выставки скучными.

Я захожу в лифт и встаю позади Распорядителя. Двери закрываются, и у меня перехватывает дыхание. От него пахнет подвалом. Кого это он вскрывал сегодня с утра пораньше?

– Куда планируешь отправиться? – интересуется он.

Я надела пальто. Хотя от выпавшего вчера снега не осталось и следа, мне помнится, как холодно было прошлым вечером. Воспаление легких никак не вписывается в мои планы.

– Да вот, не хотела провести такой чудесный день в четырех стенах.

– Ты уже видела, как починили площадку для мини-гольфа? – спрашивает Вон, нажимая на кнопку первого этажа. – Обязательно посмотри. Ремонтники проделали изумительную работу.

В его устах такие слова, как «изумительный», звучат предостережением. Но я улыбаюсь, несмотря ни на что. Я само очарование. Мне неведом страх. Я первая жена Линдена Эшби. Это ко мне он приходит среди ночи, меня просит сопровождать его на вечеринках. И я души не чаю в своем свекре.

– Еще не видела, – признаюсь я. – Пока только прихожу в себя после несчастного случая и, боюсь, не в курсе недавних событий.

– Ну, ладно.

Вон собственническим жестом берет меня под руку. Мне неприятно. У Линдена это выходит совсем иначе.

– Тогда, может, помашем клюшками?

– Я не сильна в гольфе, – уклончиво отвечаю я, с притворной скромностью потупив глаза.

– Такая умничка, как ты? Ни за что не поверю.

Похоже, на сей раз он говорит правду.

Вон ведет счет на протяжении всей игры. Он высоко отзывается о моем замахе, стоит мне загнать мяч в лунку с одной попытки, и терпеливо меня инструктирует, если удар выходит неуклюжим. Мне неприятно, когда он кладет свои шершавые руки поверх моих, корректируя их положение на клюшке. Противно ощущать его горячее дыхание на своей шее.

И мне совсем не по душе, что он становится рядом, когда мы подходим к маяку – последней лунке на площадке, который все еще освещает мне путь к свободе. Пока Вон разоряется о замечательном новом травяном покрытии, пытаюсь определить, в какой стороне среди всех этих деревьев расположена дорога, ведущая к кованым воротам. Уверена, что лимузин проезжал где-то недалеко отсюда.

Моя очередь наносить удар.

– Так расскажи мне, что ты думаешь о нашем городе после вчерашней поездки, – просит меня Вон.

– Я в восторге от всех проектов. Столько талантливых...

– Дорогая, я не о проектах спрашиваю. – Чересчур близко он ко мне стоит. – Меня интересует сам город. Какое у тебя сложилось о нем первое впечатление?

– Я ничего не успела рассмотреть, – отвечаю я немного сухо. К чему он клонит?

– Еще успеется, – уверяет он со своей кроткой старческой улыбкой и легонько стучит мне по носу пальцем. – Линден уже всю рассуждает о предстоящих мероприятиях. Дорогая, у тебя все получается.

Согревая руки дыханием, наблюдаю, как он точным ударом загоняет мяч в лунку.

– И что, собственно, у меня получилось?

– Вернуть моего сына к жизни.

Обняв меня за плечи, Вон прикладывает губами к моему виску. В это же самое место меня прошлым вечером поцеловал Линден. Но в то время как поцелуй Линдена дарил тепло, а в его объятиях я находила покой, от прикосновения Вона у меня по спине бегут мурашки. Между отцом и сыном есть поразительное сходство, вместе с тем мне сложно представить двух более непохожих друг на друга людей.

Однако я хорошая жена и добропорядочная невестка, поэтому незамедлительно покрываюсь румянцем.

– Я просто хочу, чтобы он был счастлив, – говорю я.

– Вот и правильно, – одобрительно отвечает Вон. – Сделаешь его счастливым, и он положит весь мир к твоим ногам.

Ключевая фраза «к ногам». Особняк можно будет не покидать.

Вон выигрывает, правда, совсем с небольшим перевесом. Я ему ничуть не поддавалась. Это честно заработанная победа.

– У тебя неплохо получается, хоть ты в себе и сомневаешься, – посмеиваясь, комментирует он мои способности, пока мы возвращаемся к дому. – Недостаточно сильна, чтобы меня обыграть. Но соперник достойный.

Ищу глазами дорогу, по которой меня вчера вез лимузин, но все без толку.

Ясно осознав, что прогулки, по крайней мере на сегодня, возможны только в сопровождении Вона, отправляюсь на поиски Дженны. Нахожу ее в библиотеке, свернувшуюся калачиком в кресле. На мягкой обложке любовного романа, который она увлеченно читает, изображена полуголая пара – мужчина спасает тонущую женщину.

– Габриеля не видела, – сообщает она, едва меня заведет.

– Не думаешь, что это как-то подозрительно? – интересуюсь я, пододвигая себе стул.

Поджав губы, сочувственно кивает, смотря на меня поверх книги. Дженна не из тех, кто приукрашивает действительность.

– Вы уже пообедали?

– Нет...

– Ну тогда, может, он зайдет попозже.

Обычно подносы с едой к нам на этаж носит Габриель. Помощь ему нужна только в тех случаях, когда Сесилия закатывает очередную истерику, требуя особого к себе отношения.

Но Габриель так и не появляется. Обед приносит незнакомый нам слуга из первого поколения. Он даже не догадывается поискать нас в библиотеке, и ему приходится спросить о нашем местонахождении Сесилию. Настроение у разбуженной девушки преотвратное. Ругательства, сыплющиеся в адрес бедняги, слышны с другого конца коридора.

– Ты уймешься или нет? – спрашиваю я с порога разбушевавшуюся Сесилию. Дженна молча стоит рядом.

Слуга здорово перетрусил. Ну и страху нагнала на него эта беременная фурия! Но стоит мне на нее взглянуть, невольно замечаю мешки под глазами и отекающие лодыжки синюшного цвета, которые покоятся на двух подушках.

– Будешь так нервничать, повредишь ребенку.

– Не меня надо отчитывать, – раздраженно ворчит она и указывает на слугу, – а этого разгильдяя...

– Сесилия... – начинаю я.

– Да нет, она права, – перебивает меня Дженна и, сняв крышку с одной из тарелок, морщится с видимым отвращением. – Гадость редкая. Этим только свиней кормить.

Я смотрю на нее в совершеннейшем изумлении, она же отвечает мне долгим взглядом.

– Думаю, тебе следует спуститься на кухню и пожаловаться.

Ах, вот оно что!

– Приношу свои извинения, леди Дженна, – встревает слуга.

– Не стоит извиняться, – говорю я. – Это не твое упущение. За наше питание отвечает старшая на кухне, и она прекрасно знает, что мы терпеть не можем картофельное пюре, – снимаю еще одну крышку и, сморщив нос, продолжаю: —И свинину. Дженна от одного ее запаха покрывается красными пятнами. Пойду-ка я на кухню и сама все улажу.

– Да, конечно, – подхватывает слуга.

Мне кажется, его слегка трясет, пока он идет к лифту, толкая перед собой тележку, груженную подносами с нашим обедом. Не отстаю от него ни на шаг.

– Не обижайся на них, – ободряюще улыбаюсь я, как только за нами закрываются двери лифта. – Дело не в тебе. Честно.

Отвлечшись на мгновение от разглядывания своих туфель, он улыбается мне в ответ.

– Мне сказали, ты из них самая хорошая.

На кухне царит привычное оживление – верный знак того, что Вона нет поблизости. Останавливаемся в дверях.

– Извините, – подает голос сопровождающий меня слуга. – Здесь леди Рейн, чтобы выразить свое недовольство сегодняшним обедом.

Все оборачиваются в нашу сторону. Старшая повариха реагирует мгновенно.

– Эта никогда не жалуется, – фыркает она.

Пока я благодарю за помощь слугу, который меня сюда привел, тележку быстро разгружают. Жалко смотреть на то, как в мусорный бак отправляются вполне съедобные блюда, но у меня есть дела поважнее, чем переживать об этом. Пробираюсь мимо дымящихся кастрюль и занятых разговорами слуг к кухонному столу, у которого, склонившись над огромным кипящим котлом, стоит старшая повариха. Она единственная, кто во всей этой суматохе сможет мне помочь.

– Что случилось с Габриелем?

– Тебе не следует приходить сюда и расспрашивать о нем, – говорит она. – Ему и без того хватит неприятностей. Распорядитель Вон со дня твоего провального побега с парня глаз не спускает.

От этих слов у меня холодеет спина.

– С ним все в порядке?

– Я его не видела, – она смотрит на меня с выражением грусти на лице, – с того самого утра, когда Распорядитель Вон вызвал его к себе в подвал.

17

До самого вечера мучаюсь сухой рвотой. Дженна придерживает мне волосы, пока я, склонившись над унитазом, корчусь от рвотных спазмов. Тошнота не отступает.

– Может, выпила вчера лишнего, – мягко предполагает она.

Но дело не в этом. Уверена, что не в этом. Отодвигаюсь от унитаза и сажусь прямо на пол, сложив безвольные руки на коленях. Глаза наполняются слезами, но я не даю им воли. Не доставлю Вону такого удовольствия.

– Нам нужно поговорить, – объявляю я.

Рассказываю обо всем без утайки: о теле Роуз в подвале, о поцелуе Габриеля, о полном неведении Линдена относительно истории нашего здесь появления и о неограниченной власти Вона над нашими жизнями. Упоминаю даже о мертворожденном ребенке Линдена и Роуз.

Дженна опускается рядом на колени и обтирает мне лоб и шею куском влажной ткани. Ощущение настолько приятное, что я, позабыв обо всем, кладу голову ей на плечо и закрываю глаза.

– Это не дом, а оживший ночной кошмар, – объясняю я. – Только я думаю, что все не так уж плохо, обязательно происходит что-нибудь ужасное. Как будто мне снится ужасный сон и я никак не могу проснуться. Распорядитель Вон – просто чудовище.

– Сомневаюсь, что Распорядитель Вон мог убить собственного внука или внучку, – возражает Дженна. – Если то, что ты рассказала, правда и он использует тело Роуз, чтобы найти противоядие, то какой ему смысл избавляться от ребенка Линдена?

Я не нарушаю данное Дейдре обещание и умалчиваю о том, что младенец, якобы родившийся мертвым, был вполне живым. Но ее слова не идут у меня из головы. Так хочется верить, что Дженна права. Зачем Вону убивать собственную плоть и кровь? У него самого были только сыновья, но, даже если предположить, что девочки ему не по душе, от внучки все равно была бы польза: она могла бы выносить следующее поколение Эшби. Девушкам из богатых семей иногда позволяется самим выбирать себе мужей, и в новых семьях они часто оказываются в более выигрышном положении, чем их «сестры по

браку». В характере Вона все пускать в дело, людей или их мертвые тела, неважно, расточительства он не приемлет.

Но я все-таки уверена, что Дейдре и Роуз не ошиблись: они действительно слышали детский плач. И меня ни на секунду не удивляет, что Линдена в тот момент не было дома. От этих размышлений к горлу опять подкатывает тошнота. До меня словно издалека доносится голос Дженны. Она спрашивает, все ли со мной в порядке, потому что я вдруг побелела как простыня.

– Если что-нибудь случится с Сесилией или ее ребенком, я этого не переживу, – говорю я.

– Все обойдется, – ободряюще похлопывает меня по руке Дженна.

Сидим в тишине. Думаю обо всех мучениях, которые могут ожидать Габриеля в подвале. Представляю его избитым, всего в синяках, валяющегося там без сознания. Гоню от себя страх за его жизнь. Вспоминаю, что наш поцелуй прервал какой-то подозрительный шум в коридоре. Угораздило же нас оставить дверь в комнату открытой! На моем туалетном столике все еще лежит атлас, который Габриель стащил из библиотеки. Я одна виновница всех его несчастий. Все это только из-за меня! Пока я здесь не появилась, он пребывал в счастливом забытии и даже не задумывался о мире за пределами этого имения. Такой жизни не позавидуешь, но она все же лучше, чем смерть. И уж конечно, не идет ни в какое сравнение с глухим подвалом Вона, обителью всех мыслимых ужасов.

На ум приходит книга, которую мне читал Линден, пока я выздоравливала. Это был «Франкенштейн», роман о безумце, создавшем человека из частей умерших людей. Перед глазами мелькает холодная рука Роуз с розовыми наманикюренными ногтями, голубые глаза Габриеля, крошечное сердечко мертвого младенца, и внезапно – я даже не успеваю ничего сообразить – меня сотрясает приступ рвоты. Дженна отводит от моего лица волосы. Мир крутится с головокружительной скоростью. Но это лишь очередная иллюзия Вона.

На пороге объявляется Сесилия, бледная, с затуманенными глазами.

– Что такое? – спрашивает она. – Тебе плохо?

– С ней все будет в порядке, – отвечает Дженна, откидывая мне волосы за спину. – Выпила лишнего.

Причина вовсе не в этом, но я решаю промолчать. Спускаю в унитазе воду. Сесилия дает мне стаканчик с водой прополоскать рот и с протяжным стоном садится на край ванны.

– Похоже, вечеринка была что надо, – замечает она.

– Да какая там вечеринка, – прополоскав рот, сплевываю. – Так, группка архитекторов решила продемонстрировать свои проекты всем желающим.

– Требую детального отчета, – настаивает Сесилия со внезапно вспыхнувшим интересом.

– Мне и сказать-то нечего, – пытаюсь я уйти от ответа.

Ни к чему ей знать об удивительных голограммах, восхитительных десертах и шумном, полном людей городе, где я подумывала о побеге. Ей лучше даже не подозревать о тех вещах, которых она лишена.

– Вы двое мне больше ни о чем не рассказываете. – Похоже, она опять распаляется. С наступлением каждого триместра ей все труднее сдерживать свои эмоции. – Это нечестно. Я же целыми днями торчу в своей комнате.

– Там и вправду была скучотища, – упорствую я. – Архитекторы почти все из первого поколения. Показывали мне свои эскизы, а я делала вид, что мне это все очень интересно. Один даже выступил с длиннющей лекцией о значении торговых центров. Мы час просидели на жутко неудобных раскладных стульях, выслушивая эту мутотень. От нечего делать пришлось выпить.

Сесилия бросает на меня полный сомнений взгляд, но уже через секунду настроение у нее улучшается – она все-таки решает, что я ее не обманываю.

– Ну да ладно. Тогда как насчет одной из твоих историй? Может, о тех двойняшках, с которыми ты была знакома?

Дженна удивленно вскидывает бровь. Я никогда не рассказывала ей о своем брате, но интуиция у нее развита на порядок лучше, чем у Сесилии, не удивлюсь, если она уже обо всем догадалась.

В моей истории двойняшки шли из школы домой, когда раздался оглушительный взрыв. Он был такой силы, что под их ногами задрожала земля. На воздух взлетел центр генетических исследований. Его взорвали те, из первого поколения, в знак протеста против экспериментов, направленных на изучение способов продления жизни

собственных потомков. На улицах раздавались выкрики «Хватит!» и «Человеческий род спасти нельзя!». В результате взрыва погибли десятки ученых, инженеров и лаборантов.

В тот день двойняшки потеряли обоих родителей.

Просыпаюсь от бряцающего звука – кто-то опускает поднос на столик у кровати. Под боком, свернувшись калачиком, спит Сесилия. Она тихонько похрапывает – еще один подарок третьего триместра. Быстро оборачиваюсь к столику. Передо мной новый слуга, тот самый, которого сегодня утром до смерти перепугала Сесилия. Мое разочарование, должно быть, видно невооруженным глазом, потому что перед тем, как направиться к двери, он делает слабую попытку улыбнуться.

– Спасибо, – благодарю я его с убитым видом.

– Посмотри в салфетке, – роняет он и покидает комнату.

Медленно, стараясь не потревожить Сесилию, приподнимаюсь и сажусь на кровати. Пробормотав что-то невнятное в озерцо слюней на подушке, девушка вздыхает.

Снимаю полотняную салфетку с серебряного подноса, разворачиваю. Мне на ладонь падает синий леденец.

В течение двух следующих дней Габриель так и не объявляется.

За окном лежит снег. Я составляю компанию разобитой Сесилии: ее не пустили на улицу, где она могла бы лепить снеговиков. В приюте, когда выпадал снег, прогулки тоже были запрещены. Дети на холоде легко заболевают, а персонал с эпидемией не справился бы.

Дуется она недолго и вскоре забывается сном. Быстрее бы она уже родила. Мой страх за ребенка и его будущее перевешивают опасения о ее теперешнем самочувствии. Она без конца плачет, ее мучает одышка и жуткие отеки.

Пока Сесилия спит, я сижу на подоконнике в ее комнате и листаю атлас, который мне принес Габриель. Выясняется, что, если меня называли в честь реки в Европе, то имя моего брата носит невысокое дерево с красными ягодами

, которое произрастало в Азии, в Гималаях. Не знаю, есть ли у наших имен двойной смысл, и если да, то что именно они означают. Но очередная головоломка – это последнее, что мне сейчас нужно, поэтому я просто наблюдаю за падающим снегом. Из окон Сесилии открывается чудесный вид, в основном на деревья. Легко представить, что это вовсе не парк, а обычный лес где-нибудь далеко отсюда, в реальном мире.

Но вот в поле моего зрения появляется черный лимузин, едущий по заснеженной дороге, он грубо напоминает мне о том, где я нахожусь в действительности. Обогнув кусты, машина направляется прямо в заросли.

Прямо в заросли! И ни во что не врезается. Лимузин проезжает их насквозь, как если бы их там не было.

И тут меня озаряет. Там в самом деле ничего нет. Вот почему я не смогла отыскать дорогу к воротам ни из многочисленных садов, ни из апельсиновой рощи. Дорога скрыта от любопытных глаз при помощи хитрого зрительного обмана, иллюзии вроде тех домов-голограмм с выставки. Ну конечно же. Все очень просто. Почему я раньше до этого не додумалась? В том, что я разгадываю эту головоломку сейчас, когда не могу выйти из дома без сопровождения Вона, присутствует злая ирония.

Весь остаток дня пытаюсь сообразить, как бы мне выбраться на улицу и получше рассмотреть голограмму деревьев, но все мои мысли упорно возвращаются к Габриелю. Даже если мне удастся разыскать дорогу, без него о побеге не может быть и речи. Хотя он с самого начала был не в восторге от моей задумки, я дала ему слово, что без него не убегу. Если он попал в неприятности по моей вине, то вполне может передумать и бросить всю нашу затею на полпути.

Мне просто необходимо убедиться, что он в порядке. Я не могу даже думать о побеге, пока ничего не знаю о Габриеле.

Подают ужин, но мне кусок в горло не лезет. Сажу за столом в библиотеке и, опустив руки в карманы, верчу в пальцах леденец. Чтобы как-то меня отвлечь, Дженна рассказывает мне о любопытных вещах, вычитанных в библиотечных книгах. Понимаю, она старается исключительно ради меня, обычно ее за уши не оттащить от любовных романов, но я просто не в состоянии сосредоточиться на ее словах.

Поддавшись на уговоры Дженны, пробую домашний шоколадный пудинг. Все равно что клейстер жуешь.

В ту ночь я никак не могу уснуть. Дейдре набирает мне ванну и добавляет в воду жидкое мыло с экстрактом ромашки. Оно пузырится, превращаясь в зеленоватую пену. Ароматная мыльная вода обычно производит на мою кожу массажный эффект, но сегодня расслабления так и не наступает. Пока я отмокаю в ванне, Дейдре заплетает мне волосы и рассуждает о том, какие чудесные многоярусные юбки она сошьет мне на лето из тех отрезков ткани, которые заказала из Лос-Анджелеса. От мысли, что эти юбки я буду носить здесь следующим летом, мне становится еще хуже. Видя крепнущее во мне равнодушие, она предпринимает все более отчаянные попытки поддержать разговор. Ей никак не понять, отчего могу грустить я, балованная жена отличающегося мягким нравом Коменданта, который готов бросить к моим ногам весь мир. Неисправимая маленькая оптимистка, она постоянно интересуется, все ли у меня хорошо, не нужно ли чего, в общем, делает все, чтобы как-то расцветить мою жизнь. Мне вдруг приходит в голову, что она никогда не рассказывает о себе.

– Дейдре? – Она добавляет в ванну еще мыла и доликает немного горячей воды. – Ты упомянула, что твой отец был художником. Какие картины он писал?

Ее рука, лежащая на кране, на мгновение замирает.

– В основном портреты, – отвечает она.

– Скучаешь по нему?

Сразу видно, что с отцом у нее связано много переживаний, но присутствующей в ней силой и внутренним спокойствием девушка напоминает мне Роуз. Знаю, плакать она не будет.

– Каждый день, – признается она.

Дейдре складывает ладони то ли в молитвенном жесте, то ли в замедленном хлопке.

– Но теперь это мой дом, и я могу заниматься здесь любимым делом. Мне очень повезло.

– Если бы ты могла сбежать, куда бы направилась?

– Сбежать? – недоумевает она, перебирая в шкафчике бутылочки с ароматическими маслами. – И зачем мне сбежать?

– Я просто так спрашиваю. Если бы ты могла выбрать любое место в стране, куда бы ты поехала?

Легко рассмеявшись, она добавляет в воду капельку ванильного масла. Искрясь и переливаясь, пузырится шапка мыльной пены.

– Но мне и здесь хорошо, – начинает она. – Правда, была у отца одна картина. Пляж. На песке он нарисовал морских звезд. Я никогда не держала в руках настоящую морскую звезду. Было бы здорово отправиться на тот пляж или, может, какой-нибудь похожий.

Погрузившись в воспоминания, она не сводит невидящего взгляда с покрытой кафелем стены. Очнувшись от забытья, спрашивает:

– Как вода? Готова вылезать?

– Ага.

Накидываю ночную рубашку. Дейдре, набрав в ладони немного лосьона для тела, разминает мне мышцы стопы и голени. Признаться, массаж и впрямь снимает некоторое напряжение. Девушка зажигает свечи, уверяя, что их благовоние поможет мне заснуть. Они вроде бы должны издавать запах лаванды и еще чего-то под названием сандаловое дерево, но, едва я погружаюсь в полудрему, как их аромат уносит меня на залитый солнцем пляж, изображенный на еще не просохшем холсте.

Следующим утром просыпаюсь до рассвета. Мне приснилось, что в мою комнату зашел Габриель. В руках у него поднос, на котором лежит атлас. Этот как будто не очень страшный сон оставляет за собой тяжелый след. Меня буквально пронизывает острое чувство одиночества.

Выхожу в тускло освещенный коридор. Почти все ароматические палочки перестали тлеть, и в воздухе стоит слабый запах горелых духов. Дженна с Сесилией еще наверняка спят. Ну уж Сесилия точно. С наступлением третьего триместра раньше полудня она не встает. Уверена, хотя бы одна из них пустит меня к себе в кровать. Может, хоть так мне удастся снова заснуть.

Стучу в дверь Дженны. Из комнаты доносится еле слышное хихиканье, потом шуршание.

– Кто там? – спрашивает женский глосс.

– Это я.

Снова приглушенный смех.

– Заходи.

Открываю дверь. Спальня освещена теплым пламенем свечей. Дженна, сидя на кровати, пытается расчесать пальцами спутанные

волосы. Рядом с ней Линден. Его бледный торс обнажен. Он с покрасневшимся лицом завязывает тесемку на пижамных штанах. Потом наспех набрасывает на плечи рубашку и, так и не застегнувшись, поднимается и идет к двери.

– Доброе утро, милая, – здоровается он, даже не смотря на меня.

В этой ситуации нет ничего странного. Все совершенно нормально. Дженна – его жена, он – ее муж. Пора бы уже к этому привыкнуть. Я бы рано или поздно все равно хоть краешком глаза увидела, что происходит за закрытыми дверями этой комнаты. Щеки помимо моей воли заливают болезненный румянец, Линден тоже выглядит смущенным.

– Доброе, – удается мне произнести без запинки.

– Время раннее. Поспи еще, – говорит он и, быстро поцеловав меня в губы, выскакивает за дверь.

Поворачиваюсь к Дженне. Она обходит комнату, задувая свечи. На ее блестящей от пота коже мерцают всполохи пламени, виски влажные, пуговицы на сорочке застегнуты неправильно. Я никогда не видела ее такой – прекрасной и неукротимой. Должно быть, этот образ она приберегает только для Линдена. Стараюсь побороть в себе приступ ревности. Какая нелепица! У меня нет причин ревновать. Если уж на то пошло, она оказывает мне услугу, отвлекая на себя внимание мужа.

– Тоже думаешь, что запах от них просто ужасный? Воняют, как плохо выделанная кожа. Комендант Линден решил, что они создают нужное настроение.

– Долго он здесь пробыл? – уточняю я ровным голосом.

– Ух, всю ночь, – отвечает она и заваливается обратно на кровать. – Боялась, что никогда не уйдет. Он считает, что если мы все это сделаем кучей разных способов, я обязательно забеременею.

Изо всех сил стараюсь не покраснеть. На полу лежит раскрытая «Камасутра», любимое чтиво Сесилии.

– А ты этого хочешь? – спрашиваю я.

– Раздуться как шарик? Еще чего, – фыркает она. – Но что я могу поделать? Кстати, я и сама не знаю, почему он еще не сделал мне ребенка. Наверное, просто везет, – жестом она приглашает меня сесть рядом. – Так что у тебя стряслось?

В лишенной пламени свечей комнате почти крошечная темнота. Я даже не могу разглядеть выражение лица Дженны. Неужели я и вправду пришла сюда, чтобы лечь спать? Сейчас это кажется маловероятным.

– Я переживаю за Габриеля, – признаюсь я, сидя на краю кровати. На том самом месте, где Линден пару минут назад затягивал на себе пижамные штаны.

Никак не могу заставить себя забраться под одеяло.

Дженна садится и обнимает меня за плечи.

– С ним все будет хорошо, – обещает она.

Со скорбным видом изучаю собственные колени.

– Ну ладно, хватит, поднимайся, – командует она и, рывком поставив меня на ноги, встает следом. – Я знаю, что тебе поможет.

Спустя несколько минут мы уже лежим на диване в гостиной, свернувшись калачиком под одеялом, уплетаем за обе щеки ванильное мороженое, которое Дженна заказала с кухни, и смотрим утренний повтор вчерашнего эпизода какого-то сериала. Мыльные оперы – это вторая после любовных романов слабость Дженны. Все роли здесь играют загримированные под взрослых подростки. Дженна рассказывает мне, что актерский состав постоянно меняется. Это и понятно: сериал снимают уже более десяти лет, и первые исполнители ролей к этому времени уже мертвы. Свои роли сохранили только актеры из первого поколения. Она объясняет, кто из героев впал в кому, а кто, сам того не ведая, вышел замуж за близнеца-злодея. Мы растворяемся в тусклом сиянии телевизионного экрана, и мое напряжение понемногу ослабевает.

– Чего вы так шумите?

В дверях, протирая заспанные глаза, стоит Сесилия. Ее тугий живот, кажется, вот-вот лопнет, словно воздушный шарик. Она не застегнула несколько последних пуговиц на ночной рубашке, и нам хорошо видно, как сильно, до блеска, натянута кожа у ее пупка.

– Чем это вы тут занимаетесь ни свет ни заря?

– Сериал называется «Мир, который сошел с ума», – объясняет Дженна и пододвигается, чтобы освободить для Сесилии место на диване. Та втискивается между нами и завладевает ложкой, которую я воткнула в горку мороженого. – Видишь этого парня, Мэтта? Он влюблен вон в ту медсестру, поэтому нарочно сломал себе руку. Но

сейчас она ему скажет, что рентгеновский снимок показал у него наличие опухоли.

– Что такое опухоль? – Облизав ложку, Сесилия снова запускает ее в ведерко с мороженым.

– Это такое образование в теле. Сама болезнь называется «рак», – отвечает Дженна. – Действие происходит в двадцатом веке.

– Они будут заниматься сексом на этом операционном столе? – недоверчиво спрашивает Сесилия.

– Фу, какая гадость! – не выдерживаю я.

– По-моему это даже мило, – восклицает Дженна.

– А по-моему, опасно, – Сесилия в возмущении размахивает ложкой. – Там рядом лоток с иглами. Вон, совсем близко.

– Ему только что вынесли смертный приговор, – парирует Дженна. – Самый выигрышный момент, чтобы подкатить к любви всей своей жизни.

Пара на экране и в самом деле начинает заниматься сексом на операционном столе. Снято все довольно целомудренно: видны в основном только лица актеров, на общих планах их тела прикрыты различными деталями интерьера, но я все равно отворачиваюсь. Опускаю ложку в ведерко с мороженым и теперь жду, когда закончится романтическая музыка.

– Гляньте-ка на эту недотрогу, – говорит Сесилия, заметив мою реакцию.

– Совсем нет, – защищаюсь я.

– Ты так и не переспала с Линденом. Чего ждешь, нашей золотой годовщины?

Сесилия – единственная, кто верит в то, что Вон найдет волшебный антидот и мы сможем дожить до старости.

– Происходящее в моей спальне тебя совершенно не касается.

– Это всего лишь секс, – не сдается Сесилия. – Делов-то. Мы с Линденом занимаемся им каждый день. Иногда даже по два раза.

– Да ладно, – вмешивается Дженна. – Не придумывай. Он так боится выкидыша, что к тебе с такими мыслями даже близко не подходит.

– Ну так будем заниматься, – вскидывается Сесилия. – Когда-нибудь эта дурацкая беременность все-таки окончится. Даже не надейтесь, что я одна буду рожать ему всех детей. – Она указывает

ложкой сначала на Дженну, потом на меня. – Следующий ребенок с одной из вас. Тебе, Дженна, уж точно не отвертеться. Я заметила, как часто вы запираетесь вдвоем.

Сесилия, возможно, и не отличается особой наблюдательностью, но зато как будто всегда знает, что происходит в наших спальнях – или, в моем случае, чего там не происходит.

Дженна, заметно смутившись, отправляет в рот ложку мороженого.

– Мы стараемся. Но у нас почему-то ничего не выходит.

– Плохо стараетесь.

– Может, не будем об этом?

Они продолжают спорить, и я перевожу взгляд на экран. Там разворачивается ничем не примечательная сцена: двое о чем-то беседуют. Я не хочу принимать участие в этом споре. Я больше сестра Дженне и Сесилии, чем жена Линдена, и я просто не могу заставить себя думать о нем как о любовнике. Ни о ком не могу так думать.

В голове снова возникает образ Габриеля. Вспоминаю наш поцелуй после урагана, тепло, окутавшее мое тело и приглушившее боль. Если нам когда-нибудь удастся сбежать из этого дома, перерастет ли наша связь во что-либо большее? Не знаю, но притягательность идеи совместного побега как раз и заключается в том, что у меня появится возможность самой определить будущее наших отношений.

Между ног прокатывается жаркая волна. Мороженое во рту становится невыносимо сладким. Без всякой видимой причины у меня из груди вырывается вздох.

18

– Вы с Дженной как, ладите? – интересуется у меня Линден.

Мы с ним прогуливаемся рука об руку по сонному зимнему царству, в которое превратилась апельсиновая роща. Все вокруг белым-бело. Идем по узкой тропинке, проложенной в высоченных, с меня ростом, сугробах. Я не подозревала, что зима здесь, на юге, может быть настолько суровой.

– Она мне как сестра, – киваю я.

Слова вырываются изо рта облачками пара. Взглянув на наши сомкнутые руки, Линден подносит мою, в толстой вязаной перчатке, к губам и запечатлевает на ней поцелуй. Прибавляем шаг.

– Она с тобой не очень-то разговорчива, так ведь? – уточняю я.

За те десять месяцев, что мы здесь пробыли, негодование Дженны, вызванное нашим пленением и убийством ее сестер, ничуть не ослабло. Я ее не виню. Даже если Сесилия и заметила некое напряжение в отношениях нашего мужа и сестры, она, скорее всего, просто порадовалась, что одной соперницей стало меньше. Стоит Дженне захотеть, она вполне могла бы побороться со мной за положение первой жены. Она обладает красотой и изяществом, у нее доброе сердце, и она умеет хранить верность, правда, только по отношению к тем, кто не причастен к расстрелу ее семьи.

– Да, за ней такое водится, – отвечает он. – Но вот вчера вечером она пригласила меня к себе в комнату, и мы, ну, знаешь, провели вместе какое-то время, – он слегка краснеет. – И разговорились.

– Неужели? – удивленно сдвигаю брови. – О чем?

– О тебе. Она беспокоится за тебя. Скоро родится ребенок, да и вообще.

– Линден, но это даже не мой ребенок.

– Не твой, – соглашается он, – но Дженна рассказала, что отец держит вас в последнее время на коротком поводке и что тебе в этой ситуации особенно тяжело. Ты заботишься о Сесилии, хоть она сейчас совсем не подарок, и у тебя редко получается побыть с собой наедине.

– Три жены, скитающиеся целыми днями по запертому этажу, не оставляют друг другу возможности уединиться, – соглашаюсь я несколько растерянно. Что за игру затеяла Дженна?

Линден улыбается мне совсем по-мальчишески. Он сейчас точь-в-точь подросток с фотографии Роуз: его нос и губы покраснелись, непослушные темные локоны выбились из-под вязаной шапки.

– Я решил, что с этим надо что-то делать, – заявляет он. – Поговорил с отцом, и... Вот! – Мы останавливаемся. Линден опускает руку в карман своего шерстяного пальто и достает оттуда небольшую коробочку, завернутую в яркую бумагу. – До праздника зимнего солнцестояния еще целая неделя, но я подумал, что ты заслужила получить свой подарок пораньше.

Снимаю перчатки, чтобы развязать ленточку. Стараюсь управиться поскорее – на морозе пальцы быстро немеют. Под оберточной бумагой обнаруживается маленькая картонка. Снимаю с нее крышку, ожидая увидеть что-нибудь непрактичное, вроде золота или бриллиантов, но меня ждет сюрприз. В коробочке лежит пластиковая карта на серебряной цепочке. Точно такие же носят на шее все слуги.

Магнитная карта-ключ от лифтов.

Это наконец происходит. Я становлюсь первой женой! И получаю определенную степень доверия, которая вытекает из моего нового положения. Невольно вскрикиваю от радости и тут же зажимаю себе рукой рот. Глаза блестят от с трудом сдерживаемого восторга. Мне только что подарили свободу. Упакованную в картонную коробочку.

– Линден!

– Ну, на все этажи с ней не попасть. Но ты сможешь спуститься вниз, когда тебе захочется прогуляться, и... – Я бросаюсь в его объятия, и он тут же умолкает, зарывшись лицом в мои волосы.

– Спасибо, – благодарю я его за подарок, ценности которого ему никогда не понять.

– Он тебе точно понравился? – шепчет он немного растерянно.

– Конечно, – искренне отвечаю я и отстраняюсь.

Снова его мальчишеская улыбка. В это мгновение он ни капли не похож на Распорядителя Вона. С этими яркими, покрасневшими губами Линден представляется идеальной моделью для отца Дейдре. Сейчас он видится мне таким трогательным, милым, неиспорченным. Он берет мое лицо в ладони и целует меня во второй раз за все десять месяцев нашего брака. Этот поцелуй я не прерываю.

Поднявшись к себе на этаж, несусь по коридору, выкрикивая имя Дженны. На шее болтается цепочка с магнитной картой. Едва уловимый вкус поцелуя Линдена перебивается тяжелым ароматом ладана, царящим в коридоре. Этот знакомый запах заставляет меня почувствовать себя путешественником, вернувшимся домой из дальних космических странствий.

Дженны нигде нет, а Сесилия спит. Ее храп слышен даже через закрытую дверь. Вызываю Дейдре. Она говорит, что Эдер тоже не знает, где его хозяйка, но мне не стоит волноваться, далеко уйти она не могла. Действительно, не могла. Поэтому я решаю дождаться ее в библиотеке, листая книги в поиске новых сведений о реке Рейн и ягодах рябины. Все мои усилия оказываются бесплодными, и я погружаюсь в изучение жизненного цикла колибри. От этого занятия меня отрывает приглашение Линдена спуститься к ужину.

Сесилия, отяжелевшая и неповоротливая на восьмом месяце беременности, приваливается ко мне, жалуясь на боли в спине. Слуга предлагает отнести обед ей в комнату.

– Не говори глупостей, – отчитывает она его. – Я буду ужинать с мужем, как и все остальные.

Заходим в обеденный зал. Вон и Дженна уже сидят за столом. В ее лице ни кровинки, глаза опущены, даже когда мы Сесилией занимаем за столом места по старшинству. В прошлом месяце Дженне исполнилось девятнадцать. Об этом не знает никто, кроме меня. Жить ей осталось не больше года. Я предложила ей бежать со мной, как только я придумаю стоящий план, но она отказалась. Ей все равно, будет ли Вон ставить над ее телом свои эксперименты. К тому времени она уже будет далеко отсюда, за пределами далеко, вместе со своей семьей.

Сейчас, сидя рядом с ней, я гадаю, чей прах получит Линден после ее смерти. Я уже дала себе слово, что меня на этих похоронах не будет.

К нам присоединяется Линден. Время за ужином течет тягостно. Сесилия настолько плохо себя чувствует, что даже не выражает недовольства по поводу карты-ключа, висящей на моей шее. Вместо этого она ерзает на стуле, пытаясь занять положение поудобней. Один из слуг приносит подушку и подкладывает ее под спину Сесилии.

Удивительно, но она принимает его помощь молча, а не срываясь, как обычно, на крик.

Все надеюсь увидеть Габриеля, но его нет среди тех, кто прислуживает нам сегодня за ужином. Я спрятала в наволочку его носовой платок и повсюду ношу с собой леденец. Продолжаю надеяться на то, что у Габриеля все хорошо и он скоро даст о себе знать. Полагаю, переживания столь явно отражаются на моем лице, что Вон решает поинтересоваться, все ли у меня в порядке. Я говорю, что просто немного устала, Сесилия заявляет, что готова поспорить насчет того, кто из нас устал больше, Дженна не произносит ни слова. Ее молчание только усиливает мою тревогу.

Самое малое, что я могу сделать, это поддерживать с Линденом непринужденный, светский разговор. В нашу беседу периодически вклинивается Сесилия. Дженна гоняет по тарелке кусочки вареной моркови. Вон говорит, что ей нужно поесть хоть немного. Он улыбается, но в голосе его звучит неприкрытая угроза, и Дженна подчиняется.

После десерта нас провожают обратно на этаж. Сесилия отправляется спать, а мы с Дженной молча проходим в дальний угол библиотеки.

– У тебя на шее ключ, – отмечает она.

– Тебе спасибо, – отвечаю я. В памяти всплывает утренний эпизод в ее спальне. – Как у тебя получилось его убедить?

– Да мне и стараться особо не пришлось, – рассказывает она, проводя пальцем по корешкам книг. – Словно он сам об этом уже подумывал. Его просто надо было слегка подтолкнуть. И так ясно, что у меня нет ни малейшего желания становиться первой женой, и потом жить мне осталось меньше года... – говорит она так небрежно, что у меня щемит сердце. – Сесилия, может, и продержится дольше нас всех, но с такой ответственностью ей не справиться. Остаешься только ты. Рейн, это должна быть ты. Он уверен, что ты его просто обожаешь. Тебе удалось мастерски его в этом убедить. Я и сама чуть было не поверила.

Моя привязанность к Линдену не совсем наигранна, но я не знаю, как лучше объяснить Дженне, что я на самом деле к нему чувствую, поэтому ограничиваюсь лишь еще одним «Спасибо».

– Но знаешь, будь поосторожней, – предупреждает она, наклоняясь ко мне в свойственной ей решительной манере. – Сегодня, пока ты была на прогулке, я уговорила одного из слуг сказать мне, где находится Габриель.

– Что? – Я не верю своим ушам. – Где он? С ним все в порядке? Ты с ним разговаривала?

– Попыталась. Когда слуга принес мне обед, я снова сделала вид, что недовольна едой, и, когда мы оказались вдвоем в лифте, нажала на кнопку тревоги. Лифт автоматически опустился в подвал.

– В подвал? – переспрашиваю я, сглатывая подступивший к горлу ком. – Но зачем?

– Габриеля перевели туда. На неопределенный срок, – объясняет она и бросает на меня полный сочувствия взгляд. – Прости. Я очень хотела его найти, но в первом же коридоре столкнулась с Распорядителем Воном.

Мне как будто дали под дых. Я сгибаюсь пополам, глотая ртом воздух, ноги подкашиваются, и я оседаю на пол.

– Он там из-за меня.

– Ничего подобного, – возражает Дженна, опускаясь на колени рядом со мной. – Там, внизу, куча комнат: убежище, медпункт для оказания экстренной помощи и кладовые, доверху набитые костюмами химзащиты, запасами медицинских принадлежностей и рулонами ткани для пошива одежды. Может, в переводе туда Габриеля нет ничего страшного. В этом доме у слуг постоянно меняются обязанности.

– Нет, – не соглашаюсь я. – Я точно знаю, что он там по моей вине.

Нельзя быть настолько беспечной: когда он меня поцеловал, дверь была распахнута настежь. Подумать только – настежь! Как же я могла так сглупить? Тот подозрительный шум. Это, скорее всего, был Вон. Он скрылся прежде, чем мы смогли его заметить. Ну и змеиная же у него натура!

В бессилии ударяю кулаком об пол.

– Послушай, – говорит Дженна, беря меня за руку. – Я сказала Распорядителю, что заблудилась, но он мне вряд ли поверил. Думаю, что из дома он меня больше не выпустит.

– Дженна, мне так жаль...

– Но я попробую переключить его внимание на себя. Я... ну не знаю, закачу истерику или Сесилию подговорю. Устроим полноценный скандал, и ты сможешь спуститься в подвал и поискать своего Габриеля. Договорились? – спрашивает она, откидывая с моего лба непослушную прядь. – Ты его обязательно найдешь и убедишься, что с ним все в порядке.

– И ты готова пойти на такое?

Улыбается. Я уже видела эту улыбку. На лице умирающей Роуз.

– Конечно, – уверяет она. – А что мне терять?

Пока мы в полной тишине сидим друг подле друга, ее вопрос не идет у меня из головы. Действительно, что ей терять? И где она провела столько времени после того, как натолкнулась в коридоре на Вона? В тот день, когда мы разговорились, лежа на батуте, она намекнула, что боится, но мне не хватило смелости уточнить, чего именно.

– Дженна, что он тебе сделал?

– Кто?

– Сама знаешь. Распорядитель Вон.

– Ничего, – отвечает она как-то подозрительно быстро. – Я уже все рассказала. Он застукал меня в подвале и отправил обратно сюда.

– Тебя не было несколько часов.

Смотрит в пол. Приподняв лицо девушки за подбородок, ловлю ее взгляд.

– Дженна.

Ее хватает ровно на одну секунду. За это страшное мгновение мне удается разглядеть боль, притаившуюся в глубине ее глаз. В ней будто сломалось что-то. Она отстраняется и встает с пола.

– И откуда ты знаешь, что находится в подвале? – не сдаюсь я, следуя за ней к двери. – Ты же там не была нигде, кроме убежища. Откуда тебе известно про костюмы химзащиты и медпункт?

Я и Дженна заключили негласный договор не посвящать Сесилию в происходящее в доме. Мы присматриваем за ней, но из-за ее близких отношений с Линденом и Воном многого не рассказываем. Мне в голову не приходило, что у Дженны могут быть собственные секреты. Теперь я понимаю, что она с недавних пор не совсем со мной откровенна. Дженна останавливается, закусывает нижнюю губу.

Взгляд опущен. В ушах звучит голос Роуэна: «Плохо, что ты такая чувствительная».

Но как же я могу быть бесчувственной? Как мне перестать переживать за других?

– Пожалуйста, – прошу я.

– Это неважно, – мягко говорит она.

– Скажи мне, что он сделал, – забывшись, я повышаю голос. – Что он тебе сделал?

– Ничего! – кричит она в ответ. – Все дело в том, что он может сделать тебе. Вон знает, что один раз ты уже пыталась сбежать, и хочет, чтобы я убедила тебя больше этого не делать. А я вместо этого иду на все, чтобы тебе помочь, поэтому заткнись и не мешай мне!

Я так потрясена, что не делаю попытки ее удержать. Она пулей вылетает из библиотеки, с грохотом захлопывая за собой дверь.

Голограмма в камине вздрагивает.

19

Меня весь вечер не покидает чувство тревоги. Дейдре массирует мне плечи. Она явно расстроена, что все ее попытки хоть немного меня успокоить ни к чему не приводят.

– Неужели я ничем не могу тебе помочь? – спрашивает она.

Подумав немного, интересуюсь:

– Пожалуй, я бы не отказалась от маникюра. Да и брови надо бы выщипать. Может, если я приведу себя в порядок, и настроение улучшится.

Дейдре уверяет меня, что выгляжу я просто чудесно, но с радостью выполняет мою просьбу. Спустя всего несколько минут я уже лежу в горячей ванне, слушая разговоры женщин, пока они наносят мне на волосы кондиционер и корпят над моими бровями, удаляя не только лишние волоски, но и кусочки верхнего слоя кожи. Все они из первого поколения. Эта та же самая группа, которая готовила меня к свадьбе. Я рада, что женщины так увлечены болтовней и не замечают моего беспокойства – так мне будет легче претворить свой план в жизнь.

– В тот день, когда вы меня впервые увидели, вы спросили, настоящий ли у меня цвет глаз, – начинаю я. – А что, их можно перекрасить?

Мой вопрос, конечно, звучит ужасно глупо, но за то время, что я пробыла здесь, видела и более странные вещи.

– Конечно, нет, – смеются они. – Перекрасить можно только волосы. Цвет глаз меняют с помощью контактных линз.

– Маленьких кусочков пластика, которые вставляются в глаза, – разъясняет другая.

Мне кажется, перекрашивать глаза не более странно, чем засовывать в них куски пластмассы.

– А это больно? – уточняю я.

– Да нет!

– Совсем не больно!

– У нас здесь есть какие-нибудь контактные линзы? – спрашиваю я. – Мне бы очень хотелось узнать, как я выгляжу с зелеными глазами. Или, может, темно-коричневыми.

Женщин не приходится просить дважды. Одна из них куда-то уходит, а потом возвращается с маленькими круглыми контейнерами, в которых хранятся линзы. Вид у них малоприятный: кажется, что в растворе плавают вырезанные из глаз радужки, и мой ужин грозит вырваться обратно. Однако я перебарываю свое отвращение. Смогла же я пережить ту поездку в забитом девушками фургоне, справлюсь и с этим.

Нам удастся вставить линзы только после нескольких попыток. То у меня не выходит широко открывать глаза и не моргать, то начинают течь слезы и линзы попросту не держатся на месте. Одной из женщин изменяет терпение.

– Детка, у тебя такие красивые глаза. Наверняка твоему мужу не хотелось бы, чтобы ты в них что-то меняла.

Ее подруга оказывается более настойчивой, и в конце концов дело у нас спорится. Любуюсь своим новым зеленоглазым отражением в зеркале.

Вынуждена признаться, результат получился впечатляющим.

Женщины довольны, что их старания увенчались успехом. Перед уходом они оставляют мне бутылочку со специальным раствором и несколько линз голубого и коричневого цвета, чтобы я могла еще попрактиковаться. Меня предупреждают, что линзы перед сном необходимо снять, иначе они прилипнут к глазу и мне будет непросто их вынуть.

Оставшись одна, тренируюсь самостоятельно надевать и снимать зеленые линзы. На ум приходят слова Роуз. Когда она застала меня за попыткой пробраться в лифт, чтобы сбежать, то обронила, что за такие глаза Вону скорее всего пришлось изрядно раскошелиться. Сегодня днем Дженна сказала, что боится того, как он может со мной поступить. Не с ней, не с Сесилией. Со мной. Вряд ли это простое совпадение. Если между цветом глаз и угрозами в мой адрес действительно существует связь, то какая именно? Значит ли это, что он собирается лишиться меня глаз, чтобы проводить над ними опыты по изучению гетерохромии? Гетерохромия как средство спасения от вируса? Так и вижу вечеринку, которую Вон устроит в честь своего открытия. Линден мог бы помочь с обустройством помещения для празднования.

Опускаю линзы в раствор и проваливаюсь в глубокий сон без сновидений.

Следующим утром мы с Дженной за завтраком строим тайные планы. Сидим на моей кровати и разговариваем вполголоса. Когда мы уже заканчиваем разрабатывать тактику по отвлечению внимания Вона для того, чтобы я могла беспрепятственно спуститься в подвал, раздаётся крик Сесилии. Прибежав к ней в спальню, находим ее в луже крови. Она стоит на коленях возле кровати, уткнувшись лицом в матрас. Спина девушки сотрясается от судорожных рыданий.

Сердце у меня колотится так, что шумит в ушах. Мы с Дженной помогаем ей подняться, хотим уложить ее на кровать, но отяжелевшее тело девушки оцепенело, словно в судороге.

– Началось, – кричит она, обезумев от боли. – Не должно было начаться. Еще слишком рано. Не могу это сдерживать.

Нам все-таки удастся заставить Сесилию лечь. На ней лица нет. Она тяжело дышит. Простыня между ее ног становится алой от крови.

– Я за Комендантом Линденом, – говорит Дженна.

Собираюсь было последовать за ней, но Сесилия с такой силой хватает меня за руку, что ее ногти больно впиваются мне в кожу.

– Остайся! – умоляет она. – Не бросай меня!

Ей с каждой минутой становится хуже. Шепчу успокаивающие слова, но, похоже, она их не слышит. У нее закатываются глаза, из горла рвутся хриплые стоны.

– Сесилия, – я трясусь ее за плечо.

Я не знаю, что мне еще сделать. Это она читала все те книжки про роды. Она бы знала, как поступить, а я сейчас совершенно бесполезна. Бесполезна и напугана.

Сесилия права. Еще слишком рано. У нее должен быть целый месяц в запасе. И крови чересчур много. От мучительной боли у Сесилии дрожат ноги. Все залито кровью. Ее ночная рубашка. Белые кружевные носочки.

– Сесилия! – кричу я ей в лицо.

Она непонимающе смотрит на меня, зрачки – огромные, черные, нездешние.

– Сесилия, только не теряй сознание.

Она протягивает свою маленькую холодную ручку и нежно касается моей щеки.

– Ты просто не можешь уйти, – судорожно выдохнула она.

Не знаю, бредит ли она или нет, в ее словах мне слышится скрытый смысл. В ее карих глазах страх, подобного которому я никогда не видела.

В комнату вбегает Вон в сопровождении нескольких слуг. Они катят перед собой тележки с медицинским оборудованием. Вслед за ними в дверях показывается запыхавшийся Линден. Все приходит в движение. Я уступаю Линдену принадлежащее ему по праву место у постели жены. Он подходит к кровати и берет Сесилию за руку. Вон помогает ей сесть. Проворковав: «Умница девочка», он втыкает бедняжке в спину немаленьких размеров шприц. Мне становится нехорошо от одного только вида огромной иглы, но почти сразу после укола по лицу Сесилии разливается удивительное спокойствие. Я делаю шаг назад. Потом еще один. И еще. И, наконец, оказываюсь на пороге комнаты.

– Тебе пора, – шепотом говорит Дженна.

Она права. В этой суматохе я могла бы с легкостью поджечь дом, и никто бы ничего не заметил. Второго такого шанса спуститься в подвал и найти Габриеля мне не представится.

Но Сесилия выглядит такой крошечной посреди кровавой мешанины из трубочек, медицинских приборов и белых резиновых перчаток. Слушая ее затрудненное дыхание, перебивающееся стонами, с ужасом понимаю, что она может умереть.

– Не могу.

– Я присмотрю за ней, – обещает Дженна. – Прослежу, чтобы все было нормально.

Не сомневаюсь, что она так и сделает. Ей можно доверять. Но Дженна не знает о том, что произошло с ребенком Роуз, не догадывается, что, когда та рожала, с ней не было никого, кроме Вона, который ее чем-то накачал, чтобы воспользоваться ее бессознательным состоянием в своих гнусных целях. Что-то похожее он провернул и со мной сразу после урагана. Вон особенно опасен в те моменты, когда мы, жёны Линдена, не в силах оказать ему сопротивление. Поэтому я не уйду из этой комнаты до тех пор, пока его руки в резиновых перчатках касаются подола ночной рубашки Сесилии.

Есть еще причина, по которой я продолжаю стоять на месте, как вкопанная. Сесилия стала мне настоящей сестрой, и я просто обязана

защитить ее; мы с братом никогда не бросали друг друга в опасности.

Мне кажется, этому не будет конца. То она кричит, и ее ноги дергаются, как в конвульсиях, то грызет кубики льда, которые Эль вынимает для нее из бумажного стаканчика. Временами ненадолго проваливается в дремоту. После очередного пробуждения Сесилия вдруг просит меня рассказать новую историю про двойняшек. Мне не очень хочется посвящать в подробности моей жизни всех присутствующих в комнате, здесь кроме слуг находятся еще Вон и Линден, поэтому решаю поделиться с ней одной из тех историй, что я слышала от мамы. Недостающие детали приходится сочинять прямо на ходу. Действие моего рассказа разворачивается в городском квартале, жители которого любили пускать воздушных змеев. Еще у них были дельтапланы. Это такие большие воздушные змеи, на которых можно было летать. Люди забирались на какую-нибудь возвышенность, мост или верхушку высотного здания, и спрыгивали вниз. Ветер подхватывал дельтаплан, и люди могли подолгу парить в воздухе.

– Это кажется чудом, – мечтательно вздыхает Сесилия.

– Это и было чудом, – отвечаю я.

К переполняющим меня эмоциям внезапно добавляется безумная тоска по маме. Она бы знала, что надо делать. Ей нередко приходилось принимать роды. Будущие матери, совсем еще молоденькие, соглашались передать своих детей исследовательской лаборатории в обмен на медицинский уход и несколько месяцев жизни в тепле и уюте, подальше от грязных улиц. С новорожденными мама всегда обращалась предельно осторожно. Все, чего она хотела, это найти противоядие, подарить новым поколениям долгую здоровую жизнь. Маленькой девочкой я верила в то, что у родителей все получится, но, когда они погибли в том взрыве, Роуэн сказал мне, что все их усилия были напрасны, что этот ничтожный мир уже не спасти. Ему удалось меня убедить. И вот сейчас, своими глазами наблюдая за рождением еще одного маленького, но уже обреченного человечка, я не знаю, во что верить. Хочу только, чтобы этот ребенок выжил.

Накатывает очередная схватка. От боли тело Сесилии выгибается дугой. Я держу ее за одну руку, Линден за другую, и на мгновение меня охватывает странное чувство, будто она наш общий ребенок. Все время, пока я рассказывала свою историю про дельтапланы, он не

сводил с меня благодарного взгляда. Сесилия между тем издает жуткие скулящие стоны вперемешку с криками. Линден пытается ее успокоить, но она отворачивается от его поцелуев и не обращает никакого внимания на наше воркование. Из ее горла вырываются хрипящие булькающие звуки, а по лицу градом текут слезы. Я сама вот-вот расплачусь.

– Неужели больше ничего нельзя сделать, чтобы она меньше мучилась? – резким тоном спрашиваю я Вона.

Вряд ли это такая уж сложная задача для него, гения и знатока человеческого тела, вознамерившегося создать чудо-антидот, который сможет всех нас спасти.

Он бросает на меня равнодушный взгляд:

– Нет такой необходимости.

Слуги кладут ноги Сесилии на специальные подставки, напоминающие велосипедные педали. По-моему, они называют их «подошвами». Вон наклоняется ближе и целует ее во влажный лоб:

– Почти все, дорогая. Ты молодец.

Она лишь устало улыбается.

Дженна, бледная как смерть, сидит на диване в углу комнаты. Некоторое время назад она заплела в косу отяжелевшие от пота волосы Сесилии, но с тех пор и рта не раскрыла. Мне так хочется подойти к ней, сесть рядом, утешить ее, самой немного приободриться, но Сесилия вцепилась в мою руку мертвой хваткой и не отпускает ее ни на секунду. Сейчас, уже сейчас, Вон говорит ей тужиться.

Она явно собирается с силами, даже прекращает жаловаться на боль и с выражением решительности на лице плотно прижимается спиной к изголовью кровати. Она готова. И больше не будет пассивной участницей происходящего.

Она тужится. На ее шее вздуваются вены. Кожа приобретает кирпичный оттенок. Она стискивает зубы и что есть мочи сжимает наши с Линденом ладони. Из ее горла рвется долгий натужный стон, переходящий в отчаянный всхлип. Снова. Еще раз. И еще один. Схватки следуют одна за другой. Сесилия начинает уставать, когда Вон говорит ей, что нужно потужиться еще один, последний раз.

Он оказывается прав. Она тужится, и с громким чмокающим звуком из нее выскальзывает ребенок. Полная тишина. В это мгновение мне становится по-настоящему страшно.

20

Мы ждем. И ждем. Мне хочется отвести взгляд от бледного, покрытого кровью младенца, неподвижно лежащего на руках одного из слуг; думаю, Линден испытывает то же самое, но мы словно окаменели. Все в комнате превратилось в изваяния. Дженна оцепенела на диване. Сесилия замерла, вцепившись в наши руки. Слуги застыли на своих местах.

В голове едва успеваешь промелькнуть мысль, что этого ребенка постигнет участь его старшего брата или сестры, как Вон принимается действовать: схватив новорожденного, он засовывает ему в рот что-то наподобие кухонного шприца. Через секунду комната оглашается пронзительным криком младенца, который тут же начинает дрыгать ручками и ножками. Сесилия выдыхает с облегчением.

– Поздравляю, – говорит Вон, показывая извивающегося на его руках ребенка. – У вас сын.

Все сразу приходят в движение. Поднимается шум. Плачущего малыша уносят, чтобы обмыть и осмотреть. Линден наклоняется к Сесилии. Они негромко переговариваются, перемежая слова поцелуями.

Я падаю на диван рядом с Дженной. Обнимаемся.

– Как же хорошо, что все уже позади, – шепчу я ей.

– Может, радоваться еще рано, – не соглашается Дженна.

Наблюдаем за тем, как вокруг Сесилии суетятся слуги. Она уже родила послед, но кровотечение все не останавливается. Чрезвычайная бледность ее лица говорит не только о потере крови, но и о страшной усталости. Ее перекладывают на каталку, и я мгновенно оказываюсь рядом. Теперь моя очередь держать Сесилию за руку:

– Я поеду с ней.

– Поедешь? – смеется Вон. – Но она никуда не собирается. Нам просто нужно здесь хорошенько прибраться.

Слуги уже сдергивают с кровати простыни.

– Нет, так не пойдет. Матрас придется выбросить, – объявляет он.

– Где мой малыш? – шепотом спрашивает Сесилия, глядя куда-то в пространство остекленевшим взглядом.

Лицо мокрое от слез и пота. Воздух с диким свистом вырывается из груди.

– Нам скоро его принесут, любимая, – успокаивает ее Линден, нежно целуя.

Он смотрит на нее доверчиво, как ребенок. В этот момент я могла бы с легкостью поверить, что передо мной ничем не примечательные родители в рядовой больнице после обычных родов.

Но в нашем мире не осталось ничего заурядного. Много лет тому назад все изменилось раз и навсегда, как в тот день, когда взрыв в исследовательской лаборатории унес жизни моих родителей.

По белому как полотно лицу Сесилии видно, что она смертельно устала. Страх охватывает меня с новой силой. Что, если она потеряет слишком много крови? Или у нее разовьется инфекция? Или, может, роды оказались для такой худышки слишком тяжелым испытанием и она получила осложнения? Как бы мне хотелось, чтобы Вон отвез ее в городскую больницу, пусть даже в ту самую, которой владеет. Лишь бы там было светло и она могла получить медицинскую помощь от кого-нибудь другого.

Свои мысли я, конечно, держу при себе. Возражать Вону бесполезно. Он ни за что не отпустит нас в больницу, хотя бы под предлогом того, что эта поездка может напугать Сесилию. Отбрасываю с ее вспотевшего лба прядь волос:

– Тебе следует отдохнуть. Ты это заслужила.

– Ты это заслужила, любимая, – повторяет за мной Линден.

Он целует руку Сесилии и прижимает ее ладонь к своей щеке. Девушка забывается сном. На ее губах играет еле заметная улыбка.

В ту ночь Сесилия спит крепко и спокойно. Вспомнив визит Вона в мою комнату сразу после урагана, когда у меня совершенно не было сил, чтобы ему противостоять, я время от времени заглядываю к ней в спальню. Она во сне даже не переворачивается. С облегчением замечаю, что рядом ней лежит Линден.

Дженна отправляется спать еще до ужина. Вон то и дело навевается к нам на этаж, объясняя свое почти постоянное присутствие тем, что ему необходимо следить за состоянием молодой матери своего внука. При таком раскладе мне до подвала какое-то время будет не добраться. Уж слишком это рискованно. Я только недавно получила магнитную карту от лифтов и не хочу, чтобы ее у меня отобрали. Тешу себя надеждами на то, что у Габриеля все хорошо. Ему ведь удалось передать мне тот леденец. Может статься,

Вон ничего не знает о нашем поцелуе. И Габриеля перевели вниз, чтобы он там следил за медицинским оборудованием или мыл полы. Но как представляю его в этом глухом подвале, совсем одного, все внутри переворачивается. Да еще ребенок Сесилии. С тех пор как его увезли, о нем ни слуху ни духу. Каждый раз, когда из-за двери доносится бесцветный голос Вона, я боюсь услышать, что младенец не выжил.

Габриель, пожалуйста, присмотри за малышом, если увидишь его внизу, ладно?

Мне этой ночью не спится: смотрю на падающий снег, потягивая чуть теплый эрл грей. Где-то после полуночи на пороге моей спальни появляется Линден с сияющим лицом.

– Я только что его видел, – объявляет он мне, улыбаясь во весь рот. – Своего сына. Он просто чудо. Крепенький и абсолютно здоровый.

– Очень за тебя рада, – говорю я от всего сердца.

– Ты как? – Он пододвигает ко мне маленькую скамеечку и усаживается на нее. – Хорошо поужинала? Тебе что-нибудь нужно? Хоть что-нибудь?

Он сейчас на седьмом небе от счастья, и, признаюсь, от этого мне становится легче на душе. Словно все и вправду образуется.

Улыбаюсь и, тряхнув головой, перевожу взгляд за окно:

– Сегодня полнолуние.

– Хороший знак.

Он протягивает руку и касается моих волос. Пересаживается на подоконник. Мне приходится прижать ноги к груди, чтобы дать ему место рядом. Улыбнувшись, он пододвигается ближе. Осторожно спускает мои ноги на пол, берет меня за подбородок и целует.

Я не противлюсь поцелую, я же первая жена – мой новенький ключ от лифтов ясно об этом говорит. Вдобавок я пообещала Линдену, что постараюсь стать ему хорошей супругой. Оттолкну его сейчас, и он наверняка во мне засомневается. Ну и, если сказать по правде, целоваться с Линденом Эшби не самое противное занятие в мире.

Не прерывая долгого поцелуя, Линден начинает расстегивать пуговицы на моей ночной сорочке. Я тут же отстраняюсь.

– Что? – хрипло спрашивает он, фокусируя на мне затуманенный взгляд.

– Линден, – краснею я, застегивая пуговицу, которую он успел расстегнуть.

В голову не приходит ни одного разумного объяснения, и я в отчаянии смотрю на луну.

– Это из-за открытой двери? Сейчас запру.

– Нет, – отвечаю я. – Дверь тут ни при чем.

– В чем тогда дело? – Он снова берет меня за подбородок, я нерешительно поднимаю на него глаза. – Я люблю тебя, – говорит он. – И хочу, чтобы у нас родился ребенок.

– Вот так сразу?

– В ближайшем будущем. У нас осталось не так много времени.

Меньше, чем ты думаешь, Линден.

– Мне стольким хочется с тобой заняться, – пускаюсь я в объяснения. – Путешествовать. Наблюдать за тем, как возводятся дома, которые ты спроектировал. А еще... Еще пойти на вечеринку и отпраздновать день зимнего солнцестояния. Думаю, она не за горами.

Мои слова мгновенно отрезвляют Линдена, и на его лице появляется выражение то ли замешательства, то ли разочарования.

– Да, ближайшая состоится вроде бы через несколько дней. Солнцестояние уже на следующей неделе...

– Можно, сходим на нее? – прошу я. – Дейдре наказывала кучу прекрасных тканей, и ей просто не терпится сшить мне новое платье.

– Если ты так этого хочешь...

– Очень, – дополняю свои слова поцелуем. – Вот увидишь. Вечеринка нам обоим не повредит. Хватит сидеть взаперти.

Несмотря на все мои доводы, Линден выглядит таким несчастным, что я решаюсь пойти на компромисс. Прижавшись к нему поближе, даю себя обнять. Он говорит, что любит меня. Но о какой любви может идти речь, если мы почти ничего не знаем друг о друге? Пусть даже мысль об этом кажется донельзя соблазнительной. Согласна, это непросто – сидеть вот так, растворяясь в тепле его объятий, любоваться красавицей луной и не влюбиться. Чуть-чуть. Капельку.

– День сегодня выдался непростой, – уверяю я его. – У тебя родился замечательный сын. Что еще нужно для полного счастья? Все будет хорошо, вот увидишь.

Целует меня в макушку:

– Может, ты и права.

Он пока пытается проявить понимание, но я-то знаю, что все мои оправдания ничего не стоят. Рано или поздно бесконечные попытки увильнуть от физической близости вызовут у него подозрения. Так что, каким бы ни был план моего побега, действовать нужно быстрее.

В отсутствие Габриеля еду нам приносит нервный слуга из первого поколения. Мы с Дженной обедаем в библиотеке вместе, но он суетится исключительно вокруг меня, словно больше в комнате нет ни души.

– Надеюсь, обед вам понравится, – говорит он, снимая с подноса крышку. – Салат «Цезарь» с курицей гриль. Если вас что-то не устраивает, на кухне готовы выполнить любой другой заказ.

– Выглядит восхитительно, – заверяю я его. – Я не слишком привередлива.

– Я совсем не это имел в виду, леди Рейн. Совсем не это. Приятного аппетита.

Дженна усмехается, подтягивая к себе тарелку. Как только слуга скрывается за дверью, я не выдерживаю:

– Нет, ты видела? И это еще не все. Сегодня утром меня спросили, не хочу ли я, чтобы мне расчесали волосы. Творится что-то странное.

– В этом нет ничего странного, – Дженна отправляет в рот порцию салата-латука. – Если ты первая жена.

– Они так решили потому, что у меня теперь есть ключ от лифта?

– Поэтому. Но не только, – она подносит свой бокал к моему. Раздается легкий звон. – Мои поздравления, сестрица.

– Спасибо, – меланхолично отзываюсь я.

Все слуги бросаются ко мне, по первому слову готовые выполнить любое мое желание, и я начинаю беспокоиться о том, как этот ключ изменит мою жизнь. Поначалу я думала, что у меня будет больше свободы, но сейчас зарождаются подозрения, не входил ли подарок Линдена в дьявольские планы Вона. Из-за повышенного внимания к моей особе я ни на минуту не могу побыть одна. Никто не запрещает мне выходить на улицу, когда я этого хочу, но во время прогулок ко мне то и дело подбегают слуги с кружками горячего шоколада или чая. Даже ночью меня не оставляют в покое, донимая каждые два-три часа

вопросами: не нужна ли мне дополнительная подушка, не дует ли мне от окна.

Из головы не идет мысль о том, что Вон доверил мне ключ специально затем, чтобы, воспользовавшись возросшей доброжелательностью прислуги, засадить меня в еще более тесную клетку, чем та, в которой я находилась до этого. Может, он и Габриеля нарочно спрятал, чтобы лишний раз надо мной поиздеваться.

Ни один из доступных мне маршрутов не ведет к Габриелю. Надо было незаметно выбраться с этажа во время родов Сесилии. Дженна не дает мне об этом забыть. Но в тот момент я попросту не могла оставить бедняжку одну.

Я все еще переживаю за нее. Роды остались позади, но она до сих пор очень слаба. В ее комнате несколько душно, задернуты шторы, пахнет лекарствами и совсем немного подвалом Вона. Во сне Сесилия бормочет что-то о музыке, воздушных змеях и ураганах. Она потеряла слишком много крови. Так говорит Вон, и, хотя в этом вопросе я с ним согласна, все равно нервничаю, когда ей делают переливание. Лежу рядом со своей названной сестрой и наблюдаю, как она потихоньку приходит в себя, у нее даже розовеют щеки, гадаю, чья кровь течет теперь по ее жилам. Может быть, Роуз. Или какого-нибудь подневольного слуги. Меня гложут сомнения относительно намерений Вона. Он способен на любое, даже самое страшное преступление. Насколько искренно его желание помочь невестке? Однако состояние Сесилии улучшается день ото дня.

Стоит младенцу закричать, Линден несет его Сесилии. Все еще не проснувшись до конца, она расстегивает ночную рубашку и прикладывает сына к груди. Мне из коридора видно, как Линден подбадривает ее, чтобы она снова не заснула. Он ей что-то говорит вполголоса, отбрасывая с лица спутанные рыжие пряди, и она улыбается в ответ. Пожалуй, они идеальная пара. Оба такие простодушные и счастливые в своем маленьком безопасном мирке. Наверное, мне следует перестать рассказывать свои истории о двойняшках. Думаю, им обоим лучше забыть о том, что за стенами этого особняка течет другая, насыщенная жизнь. Она лишена привычных им иллюзий: там нет акул и дельфинов, плещущихся в плавательных бассейнах, а макеты домов в натуральную величину не крутятся в воздухе вокруг своей оси. Надеюсь, их сын никогда не

узнает о той, настоящей жизни, потому что погрузиться в нее ему все равно не суждено.

Обернувшись, Сесилия замечает меня в дверях и жестом приглашает подойти поближе. Но я делаю шаг назад и растворяюсь в темноте коридора с таким видом, словно меня ждут дела. У меня нет никакого желания вторгаться в их личные взаимоотношения. Делить мужа с еще двумя женами совсем не трудно: для каждой из нас этот брак значит что-то свое. Для Дженны особняк Линдена – последнее, правда, шикарное пристанище. Для Сесилии брачные отношения похожи на товарищеские, только с признаниями в любви и детьми. Что до меня, это сплошное притворство. Пока я буду в состоянии мысленно разделить наш брак на три и придерживаться своего плана, мне будет легче оставить этот дом, проще убедить себя в том, что, когда я отсюда исчезну, с ними все будет в порядке.

Наконец Сесилия чувствует себя достаточно хорошо, чтобы подняться с кровати. Я просто счастлива. Мы идем в гостиную. Она вставляет слайд в разъем на клавишной панели и начинает играть. С первыми нотами голограмма, похожая на парящий в воздухе телевизионный экран, оживает. На ней появляется изображение зеленого поля, усыпанного маками, на фоне голубого зернистого неба, по которому плывут белые облака. По-моему, я видела эту картину в одной из библиотечных книг. Ее автор, кажется, был импрессионистом и написал ее, когда у него стали проявляться первые признаки надвигающегося безумия.

Ребенок лежит на полу, уставившись в потолок, на его лице играют световые блики голограммы. Ветер, беспощадно гнущий траву, маки и кусты на заднем плане, постоянно меняет направление, усиливая тем самым сумятицу красок до тех пор, пока все детали картины, будто одержимые, не сливаются в один грязно-серый клубок, бессмысленные мазки.

Сесилия полностью отдается музыке. Глаза закрыты. С кончиков пальцев рвется мелодия. Пристально смотрю на ее юное лицо, аккуратный полуоткрытый ротик, редкие ресницы. С того места, где она сидит, склонившись над клавишами, не видно безумия цветов, которое вызвала ее игра, но, похоже, происходящее с голограммой ее мало волнует. В этой комнате нет никого более реального, чем она.

Ее сын корчит странные рожицы, вздрагивает, ворочается, не понимая, как реагировать на все это великолепие. За свое детство ему предстоит увидеть немало миражей. На глазах мальчика в воздухе будут кружиться придуманные его отцом дома и оживать картины, стоит только зазвучать музыке. Он будет плавать в компании гуппи и больших белых акул. Но ему вряд ли суждено узнать, каково это – ощущать, как океанская волна лижет твои босые ноги, удить рыбу или иметь собственный дом.

Музыка стихает. Слабеет ветер. Голограмма сворачивается и умирает.

– Жаль, что у нас только клавиши. Даже в моем захудалом приюте было настоящее пианино, – говорит Сесилия.

На пороге появляется Дженна с полными руками лущеных фисташек.

– В этом доме «настоящий» – непристойное слово.

21

Утром в день зимнего солнцестояния Дженне удается стащить зажигалку у слуги, который пришел поджечь ароматические палочки в коридоре. Пофлиртовав с ним немного, она как бы случайно роняет на пол стопку любовных романов с весьма пикантным содержанием и, пока он, даже не заставив себя просить, с готовностью бросается подбирать книги с пола, незаметно выхватывает у него из руки зажигалку. Очарованный ее улыбкой, слуга не замечает ее маневра.

– Пока-пока.

Она так улыбается ему на прощание, что он не может отвести от нее глаз и его голова чуть не застревает между закрывающимися дверями лифта. Спустя мгновение от сероглазой соблазнительницы не остается и следа. Она превращается в обычную молодую девушку. Стоя в дверях своей спальни, аплодирую ее мастерству. Дженна приседает в шутовском реверансе.

У нее на лбу выступила испарина, словно разыгранная сценка далась ей с большим трудом. Но в руках, словно ценный приз, она держит зажигалку.

– И что ты будешь с ней делать? – спрашиваю я.

– Принеси мне одну из твоих свечек. Я собираюсь поджечь гостиную, – говорит она таким тоном, будто речь идет о чем-то само собой разумеющемся.

– Что, прости?

– Когда Комендант Линден, Распорядитель Вон и слуги услышат вой пожарной сигнализации, они все тут же примчатся сюда, чтобы выяснить, в чем дело. У тебя появится шанс пробраться в подвал.

Не самый безумный план из возможных, настаивает Дженна, если вспомнить мои игры со смертью на площадке для мини-гольфа. Прошу ее подождать, пока я не вставлю зеленые линзы.

– Может, с ними меня не узнают, – объясняю я.

Даже те слуги, которые меня ни разу не видели, хоть что-то да обо мне знают. Рейн. Самая хорошая из троих. Не жалуется. С необычными глазами.

На Дженну моя хитрость производит большое впечатление.

– Поищи там костюм химической защиты, – советует она. – В нем тебя точно не узнают. Посмотри в лабораториях.

Я умалчиваю о том, что одна лишь мысль о посещении этих темных комнат приводит меня в неопиcуемый ужас. Ограничившись кивком, протягиваю ей одну из лавандовых свечек, которые должны помочь мне бороться с бессонницей.

– Оставайся здесь, – говорит она. – Когда сработает сигнализация, постарайся не попасться никому на глаза.

Улыбнувшись, Дженна пружинистой походкой направляется вниз по коридору. Похоже, ей давно хотелось здесь что-нибудь поджечь.

Несколько секунд спустя раздается оглушительный рев сирены. На потолке вспыхивают лампочки. Из комнаты напротив слышится детский крик. В коридор выбегает Сесилия, прижимая руки к ушам. Двери лифта открываются – прибыли слуги. Вон с Линденом появляются чуть позже, когда дым из гостиной уже валит клубами. С нашего этажа нет выхода ни на одну лестницу, и меня всегда интересовало, что было бы с нами в случае пожара. Зная Вона, могу предположить, что нам дали бы погибнуть, а наши места заняли бы новые девушки.

Улизнуть оказывается легко. Моя магнитная карта имеет ограничения, и доступа в подвал у меня нет, так что я нажимаю на аварийную кнопку. В творящейся на этаже сумятице, подстегиваемой надрывающейся сигнализацией, это остается незамеченным. Двери лифта раздвигаются. Подвал. Здесь нет ни одного окна и так тихо, что кровь стынет в жилах. Не вижу никаких следов сигнализации, на потолке флегматично мигают лампочки.

Зеленоглазая и пока никем не замеченная, иду, спотыкаясь, по коридору и шепотом зову Габриеля по имени. В поисках костюма химзащиты заглядываю в кладовую. Она ими буквально забита. Выбираю один и натягиваю его поверх одежды. Внутри резко, удушающе пахнет химией. Дышу глубоко. Смотровое окошко костюма быстро запотеваеt. Я словно вижу наяву кошмарный сон. Мне снится, что меня похоронили заживо.

– Габриель! – шепчу я снова и снова со все возрастающим отчаянием.

Мне так хочется верить, что мы можем столкнуться в любую секунду или я поверну за угол и увижу его там, протирающего полы или раскладывающего припасы по полкам. Я в сотый раз твержу себе, что за эти двери мне заглядывать не придется, как вдруг слышу его

голос. По крайней мере, мне кажется, что слышу. Костюм очень плотный, да и шум моего собственного дыхания почти заглушает все внешние звуки.

Что-то касается моего плеча, и я вздрагиваю от неожиданности.

– Рейн?

Он резким движением разворачивает меня к себе. Габриель. В целости и сохранности. Не лежащий на операционном столе в бессознательном состоянии. Не избитый до полусмерти. Живой. Он не умер. Умер. Это слово звенит в моей голове, как все сигнализации вместе взятые. Внезапно понимаю, чего именно боялась больше всего. Бросаюсь ему на шею. Объятие у меня выходит несколько неуклюжим, мешает шлем, но мне все равно. Главное, я оказалась в кольце его сильных рук, остальное – пустяки.

Он снимает с меня шлем, и в уши врываются звуки окружающего мира. Его негромкий смех. Стук упавшего на пол шлема.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает Габриель, прижимая меня к себе.

– Я думала, ты умер, – бормочу я, уткнувшись носом в его рубашку. – Думала, умер. Думала, умер.

Эти слова оказывают на меня успокаивающее действие. Озвучив главную причину своих тревог, осознав, что все хорошо, я чувствую, как страх меня оставляет. Габриель проводит рукой вверх по моей спине, касается волос, обхватывает ладонью затылок и замирает. Время словно останавливается.

Разжав объятия, он убирает волосы с моих глаз и смотрит на меня долгим внимательным взглядом.

– Что с тобой случилось?

– Ты о чем? Я в полном порядке.

– Твои глаза.

– Цветные линзы. Чтобы не узнали, если натолкнусь на кого-нибудь незнакомого и... А сам-то ты как? – вскрикиваю я, опомнившись. – Я так давно тебя не видела!

Он прижимает палец к моим губам, призывая к молчанию, и заводит меня в одну из этих ужасных темных комнат. Страшнее них места нет. Но Габриель рядом, а значит, все будет хорошо. Свет он не включает. Чувствую холодный металлический запах. Слышу, как капли

воды с мерным стуком разбиваются о твердую поверхность. Я держу Габриеля за руки, стараясь различить в кромешной темноте его силуэт.

– Послушай, – говорит он вполголоса. – Тебе нельзя здесь находиться. Распорядителю обо всем известно. Он знает и о нашем поцелуе, и о том, что ты хотела сбежать. Если он застанет нас вдвоем, мне конец.

– Он тебя выгонит?

– Не знаю. Но что-то подсказывает мне, что дело не обойдется без большого мешка из черного пластика.

Ну конечно. Надо же было такое сморозить! Никто не уходит отсюда живым. Вообще-то я не уверена, что хоть кому-нибудь удастся выбраться отсюда даже после смерти. Вону постоянно нужны тела для вскрытия. Не об этом ли Дженна пыталась меня предупредить? Так и вижу свои глаза в стеклянной банке на полке одного из медицинских кабинетов Вона. Сжимаю губы, борясь с подступившей к горлу тошнотой. Очень возможно, что я попала в его ловушку. Уж больно это все подозрительно: дать мне ключ от лифта, спрятать Габриеля в подвале, зная, что я наверняка буду его здесь искать. Вдруг он сейчас прячется поблизости, сгорая от нетерпения запереть меня в одной из своих пыточных? От этой мысли сердце заходится в бешеном ритме, стучит в висках, но присутствие Габриеля помогает мне пересилить страхи. Я бы не смогла жить дальше, если бы так и не попробовала его найти.

– Но откуда? – удивляюсь я. – Откуда он об этом узнал?

– Не знаю, но он не должен видеть нас вместе. Рейн, это небезопасно.

– Давай убежим вместе, – предлагаю я.

– Рейн, послушай, мы не можем...

– Я знаю как, – продолжаю я и, схватив его за руку, прижимаю ее к магнитной карте, висящей у меня на шее. – Линден разрешил мне пользоваться лифтом. И я нашла дорогу, которая ведет к воротам. Из-за оптической иллюзии с расстояния ее не увидеть. Кажется, что там сплошной лес, но на самом деле это всего лишь его голограмма.

Габриель молчит. В такой темноте кажется, что он исчез. Хватаю его за рубашку.

– Ты еще здесь?

– Здесь, – отвечает он и снова замолкает.

Слышно только его дыхание. Но вот губы Габриеля раскрываются, и за долю секунды до того, как он начинает говорить, я вдруг отчетливо понимаю, что сейчас в ход пойдет логика. Если я хочу убраться из этого места еще при жизни, так дело не пойдет, поэтому я закрываю ему рот поцелуем.

Дверь уже закрыта. Растворяясь в темноте комнаты, легко представить себе, что мы находимся не в подвале, а посреди бескрайнего океана. В поле зрения ни клочка суши. Нас никто не может поймать. Мы свободны. Его рука мягко перебирает волосы у меня на затылке, спускается ниже. По шуршанию, которое издает мой защитный костюм, можно было бы составить карту ее перемещений.

Он упорно пытается отстраниться, то и дело вставляя глупые «но...», «Послушай меня...» и «Рейн», но я не даю ему такой возможности, и в конце концов он сдается. Пусть это мгновение никогда не закончится. И с моего безымянного пальца исчезнет обручальное кольцо. И мы вместе обретем свободу. Да будет так.

Но через некоторое время мы размыкаем объятия. Он прижимается ко мне лбом:

– Рейн, это слишком опасно. Распорядитель пойдет на все, чтобы уберечь сына от лишних потрясений. Если он тебя поймает, то убьет, а смерть твою обставит как несчастный случай.

– Звучит безумно даже для Вона, – не соглашаюсь я.

– От него можно ожидать чего угодно, – настаивает Габриель. – Сын для него – смысл жизни. Это Вону ты и твои сестры можете сказать спасибо за свое появление здесь. Вы должны были отвлекать внимание Линдена от умирающей Роуз. Будь уверена, он не задумываясь уничтожит тебя, если решит, что ты собираешься причинить новую боль Линдену.

«Если тебе дорога жизнь, больше никаких попыток сбежать». Это сказал мне Вон после моего провалившегося побега. Еще он сказал, что я особенная, хоть сама этого не понимаю, и что Линден не переживет, если потеряет меня. Что бы я ни думала о Воне, каким бы ужасным человеком его ни считала, мне и в голову не придет сомневаться в его любви к сыну. Никакой несчастный случай не заставит Линдена смириться с моей смертью. Он никогда не простит отца, если со мной что-нибудь случится в этом доме.

Меня пронзает чувство вины, но я отгоняю его как могу. Я не собственность Линдена. И пусть я совсем не хочу его обидеть, другого выбора у меня нет.

– Все пройдет по плану, – убеждаю я Габриеля. – Никто нас не поймает. Не о чем больше говорить.

– Так уж и не о чем, – с недоверчивым смешком говорит он.

– Я же пообещала, что возьму тебя за шкуру и потащу за собой силком, и от своего слова не отступлюсь, – упорствую я. – Разве не видишь, что с тобой произошло? Ты так долго пробыл в заключении, что попросту забыл о желании быть свободным. И не говори мне, что здесь не так уж плохо. Не спрашивай, что особенного есть во внешнем мире, потому что ответ ты можешь увидеть только сам, собственными глазами. Тебе придется мне поверить. Пожалуйста, поверь мне.

Кожей чувствую его сомнения. Он накручивает на палец прядь моих волос.

– Я не надеялся тебя больше увидеть, – через некоторое время признаётся он.

– Ты меня и сейчас не видишь, – парирую я.

Мы позволяем себе негромко рассмеяться.

– Сумасшедшая.

– Да, мне говорили. Значит ли это, что ты готов рискнуть? – уточняю я.

– А что, если твой план не сработает?

– Тогда мы оба распрощаемся с жизнью, – отвечаю я если и не всерьез, то лишь полушутя.

В затянувшейся тишине он дотрагивается до моего лица.

– Ладно, – раздаётся спокойный ясный голос Габриеля.

Прижавшись друг к другу в темноте, обсуждаем детали побега полушепотом. Каждую последнюю пятницу месяца, ровно в 10 вечера к черному ходу подъезжает заказанный Воном мусоровоз, чтобы забрать медицинские отходы. Габриель должен будет пройти через заднюю дверь и закинуть мешки с отходами в машину. Увидев, в какую сторону направится мусоровоз, он последует за ним, прямо сквозь голограммы деревьев, и будет ждать меня там. По-моему, план у нас получился вполне надежным, но Габриелю этого мало. Он все спрашивает у меня, как мы пройдем через ворота и что будем делать, если они охраняются.

– Разберемся на месте, – отмахиваюсь я от его вопросов.

Сегодня вечером мы с Линденом идем на празднование дня зимнего солнцестояния.

– Когда мы окажемся в городе, я постараюсь запомнить, где что находится. Подумаю, куда можно будет пойти первым делом после побега.

– Это последняя неделя декабря, – говорит он, словно прощаясь. – Так что увидимся в следующем году.

Поцелуй напоследок, и я возвращаюсь в лифт.

От пожара, разыгравшегося на нашем этаже, остались лишь воспоминания и подпаленная тряпка, бывшая когда-то невообразимо уродливыми розовыми шторами. Я вхожу в гостиную как раз в тот момент, когда Дженна описывает Вону происшедшее.

– ...и увидела, что со свечи огонь уже перекинулся на шторы. Я пыталась его погасить, но пламя было слишком сильным.

– Тебя никто не винит, – успокаивает ее Линден, поглаживая по плечу.

– Купим новые занавески. Но на будущее – не стоит оставлять зажженные свечи без присмотра, – говорит Вон, не сводя почему-то именно с меня пристального взгляда.

– Что у тебя с глазами? – спрашивает Сесилия, держа на руках капризничавшего младенца.

– С глазами? – непонимающе переспрашиваю я.

Дженна похлопывает пальцем по нежной коже у себя под глазом, и я вдруг понимаю, что все еще в цветных линзах.

– Хотелось попробовать что-нибудь новое... для сегодняшней вечеринки, – придумываю я на ходу. – Предполагалось, что это будет сюрприз. Для Линдена. Когда сработала сигнализация, я их как раз и примеряла, а снять потом забыла.

Не знаю, убедила ли Вона моя история. К счастью, в эту секунду раздается детский крик, и все внимание присутствующих переключается на плачущего ребенка. Когда становится ясно, что Сесилии его не успокоить, Вон забирает у нее внука.

– Ну, ну, Боуэн, мой мальчик, – воркует Распорядитель, и младенец понемногу затихает.

В шаге от него неподвижно стоит Сесилия с таким видом, будто хочет что-то сказать или выхватить из его рук сына.

– Мне кажется, он проголодался, – говорит Вон.

– Я его покормлю, – тут же откликается Сесилия.

– Не стоит так себя утруждать, дорогая, – он легонько щелкает ее пальцем по носу, как маленькую девочку. – Это работа кормилицы.

Не успевает Сесилия открыть рот, как он разворачивается и с Боуэном на руках выходит из комнаты. Она так и остается стоять с насквозь промокшей спереди блузкой. Из ее маленьких набухших грудей сочится молоко.

На подготовку моей персоны к сегодняшней вечеринке уходит целый час. Я так рада, что нашла Габриеля и мы наконец распланировали побег, что стойко переношу пытку укладкой: волосы мне сначала вытягивают, а потом и чем-то сбрызгивают с таким энтузиазмом, что я оказываюсь в центре удушающе ароматного облака. Меня уговаривают снять линзы, что я делаю с притворной неохотой.

– Поверь мне, все разговоры будут только о твоих глазах, – продолжает меня убеждать одна из женщин.

– Особенно если пригласили телевидение, – мечтательно вторит ей другая.

Телевидение. Замечательно. Не знаю, какова вероятность того, что Роуэн увидит съемку именно с этой вечеринки. Сегодня в новостях покажут репортажи с десятков подобных празднований. Обычно мой брат такие передачи не смотрит, но вдруг он до сих пор пытается меня разыскать? Времени уже прошло немало. Еще один месяц, и мы будем вместе. В глубине души я боюсь, что вернусь в пустой дом. Брат мог отправиться на мои поиски или, вконец отчаявшись, съехать, не в силах жить в окружении воспоминаний. Такое часто случается. Когда у близких родственников пропадает дочь или сестра, люди переезжают на новое место целыми семьями. А Роуэн не из тех, кто сидит сложа руки.

Мысленно обращаюсь к своему брату-двойняшке. Дождись меня. Я скоро вернусь домой.

Снова тишина в ответ.

Когда Дейдре объявила, что сшила мне на вечер розовое платье, я была настроена скептически. Но стоило ей разложить его на кровати, я в очередной раз убеждаюсь, что в портняжном деле моей помощнице нет равных. На этот раз она выбрала для меня мерцающий материал

приглушенного розового оттенка. По низу платья идет искусная отделка, благодаря которой оно будто утопает в снегу. Шаль расшита жемчугом. Дейдре делает мне идеально подходящий к наряду макияж.

– Готова поспорить, что все другие жёны будут в белом или голубом, – объясняет она свой выбор. – В честь зимнего праздника. Вот я и решила, что тебе захочется немного выделиться.

– Оно потрясающее. – Я не в силах скрыть свое восхищение.

Просияв от удовольствия, Дейдре подносит к моему рту бумажную салфетку, чтобы я промокнула губы.

Линден доволен, что я передумала надевать цветные линзы.

– Они на тебе жутковато смотрелись, – комментирует мое решение Сесилия.

Она стоит на пороге моей комнаты, сложив на груди руки, непричесанная, с припухшими глазами, под которыми залегли тени. Сквозь бледную кожу просвечивают все вены.

– Я уж было подумала, что тебя удар хватил или что-то вроде того. Не надевай их больше, ладно?

Нервно передернув плечами, она разворачивается и идет к себе в спальню.

После ее ухода позволяю себе обеспокоенно нахмуриться. Она совсем не похожа на энергичную, полную надежд невесту, какой была меньше года назад. Ей исполнилось четырнадцать незадолго до рождения ребенка, но в отличие от Дженны, чей день рождения прошел незаметно, Сесилия подняла вокруг своего четырнадцатилетия большой шум. У нее был торт, украшенный фигурками единорогов из сахарной глазури. Слуги должны были поднимать Сесилии настроение песнями, а Линден подарил ей роскошное бриллиантовое кольцо, которым бедняжке так и не представилось случая похвастаться на людях. Она какое-то время ходила в нем по дому, но после родов не надевала ни разу.

– У нее усталый вид, – говорю я Линдену. – Ты помогаешь ей с ребенком?

– Так часто, как я только могу, – отвечает он, тоже хмурясь. – Но у меня не всегда получается забрать его у отца. Он так рад рождению внука.

Линден смотрит на меня так, словно вот-вот признается в том, что я и без него уже знаю: у них с Роуз был ребенок, но он родился

мертвым. Крошечная частичка Роуз, которую Линден должен был сохранить. Но он обходится лишь коротким:

– Выглядишь просто великолепно, – и берет меня за руку.

На улице стоит мороз, к счастью, шаль Дейдре оказывается довольно теплой. Линден шутит насчет того, стоит ли нам открывать сегодня люк. В ответ я прижимаюсь к мужу и говорю, что лучше оставить его закрытым. Все окна тонированы, да и на улице уже темно, поэтому понять, где именно расположены голограммы деревьев, мне не удастся. Но едва мы пересекаем границу имения, я прижимаюсь лбом к стеклу, стараясь ничего не упустить из виду. Прежде всего ищу глазами какие-нибудь примечательные строения. По ним мы с Габриелем легко ориентируемся, когда окажемся за воротами.

Линден расплывается в довольной улыбке.

– Что?

– Ты так волнуешься, – объясняет он, убирая залакированный локон мне за ухо. – Выглядит очень мило.

Его замечание застает меня врасплох. Пока он мной восхищается, я думаю только об одном: как бы сбежать от него и никогда больше к нему не возвращаться. Чтобы немного загладить свою вину, когда он целует меня в щеку, широко улыбаюсь в ответ, не забывая при этом следить за дорогой.

Первым делом найдем кинотеатр. Это будет нетрудно – его яркую рекламу видно отовсюду, а неоновая вывеска на двери сообщает, что он открыт круглые сутки. Потом замечаю симпатичное местечко – столики, накрытые красными скатертями, и бумажные фонарики. Наверное, рыбный ресторанчик. Вспоминаю, что здесь совсем близко океан. Когда машина сворачивает за угол, мне удастся хорошенько рассмотреть прибрежную полосу. Недалеко от берега на волнах покачиваются ярко освещенные яхты. Доносящаяся с них музыка слышна даже через закрытые окна лимузина.

– Они устраивают вечеринки на воде? – удивляюсь я.

– Это, должно быть, яхт-клубы все организовали.

– Ты когда-нибудь бывал в море?

– Один раз, совсем ребенком, – отвечает он. – Я был таким маленьким, что ничего не помню. Отец сказал, меня тошнило

несколько дней. Что-то с вестибулярным аппаратом. С тех пор держусь от воды подальше.

– Так вот почему ты никогда не купаешься в бассейне и плавать так и не научился, – догадываюсь я.

Он кивает. Я в ужасе, хотя стараюсь этого не показать. Вон установил над сыном настолько жесткий контроль, что ему нельзя окунуться даже в крошечный уголок ненастоящего океана, созданный в нашем бассейне. Сомневаюсь, что в этой истории про укачивание есть хоть крупица правды. Похоже, рассказы о тяжелых болезнях, которые Линден перенес в детстве, и его слабом здоровье были состряпаны Воном с целью удержать сына подле себя. Кладу руку на колено мужа и торжественно обещаю:

– Когда станет теплее, я научу тебя плавать. Это проще простого. Если умеешь держаться на воде, как бы ни старался, утонуть у тебя уже не получится.

– С радостью, – соглашается он.

Но тут меня осеняет: весной я буду уже очень далеко отсюда. Успеваю бросить еще один взгляд на воду до того, как она скрывается за домами. Волны перекатываются одна за другой мимо яхт и огней, погружаясь в глубокую ночь, в вечность. Это единственное место, куда Линден за мной не последует. И Габриель говорит, что ему нравятся лодки. Интересно, хватит ли нам его знаний для того, чтобы отправиться в одиночное плавание?

Вечеринка проходит на пятнадцатом этаже высоченного небоскреба. Парочки оставляют на танцплощадке следы, которые в течение нескольких секунд светятся неонами, а потом гаснут. Висящие в воздухе сосульки отражают их мерцание. Благодаря голограмме пол кажется заметным снегом. Дейдре оказалась права: все жёны в белом и голубом.

Мы задерживаемся в дверях. Линден оглядывается несколько неуверенно.

– Знаешь здесь кого-нибудь? – спрашиваю я.

– Несколько отцовских коллег.

Его силуэт дрожит в быстро мигающем свете, окрашиваясь во все цвета радуги. На ум приходят слова Роуз: он замечательно танцует, но на вечеринках сама застенчивость. Сейчас Линден выглядит так,

словно его и впрямь одолел приступ морской болезни. Решаю начать с малого и пригласить Линдена на медленный танец чуть позже.

Мы подходим к буфетной стойке. Пробуем всего по чуть-чуть: филе-миньон, супы, выпечку. От огромного выбора пирожных у меня разбегаются глаза, такое изобилие я видела только в булочной на Манхэттене, мимо которой ходила на работу. Говорю Линдену, что мы обязательно должны захватить парочку эклеров для Сесилии. Она будет рада чему угодно, если это покрыто шоколадной глазурью.

Звучит медленная музыка, и я вытаскиваю Линдена на танцпол. Справившись с удивлением, он очень быстро забывает о толпе вокруг. До этого я ни разу в жизни не танцевала, но он такой великолепный партнер, что мне не мешают даже мои убийственные каблуки. Мы кружимся. Он наклоняет меня в танце. Едва возвращаюсь в вертикальное положение, как замечаю направленную на нас камеру. Поворачиваю голову так, чтобы лицо попало в объектив. Распахиваю глаза.

Мы какое-то время общаемся с другими гостями. Сегодня желающих поцеловать мне руку гораздо меньше. Большинство мужчин пришли в сопровождении жен, которые, кстати, тоже ведут себя вполне сносно. Присоединяюсь к разновозрастной группе женщин, беседующих о редких птицах восточной Калифорнии. И хотя я мало что могу сказать на данную тему, этот разговор нравится мне гораздо больше, чем расспросы о том, когда наконец муж сделает мне ребенка.

Линден, стоящий на другом конце комнаты в компании мужчин, время от времени встречается со мной взглядом и почти незаметно делает рукой ободряющий жест. Он, видимо, последовал моему примеру.

– Ты замужем за Линденом Эшби, так ведь? – интересуется одна из молодых девушек, наклоняясь ко мне поближе.

– Да, – с непривычной легкостью признаюсь я.

– Я очень расстроилась, когда узнала о смерти Роуз, – говорит она, прижимая руку к сердцу. – Мы были подругами.

– Мы тоже.

Мне кажется, Линден, все еще стоящий на противоположной от меня стороне комнаты, смеется чьей-то шутке.

– Он не выглядит подавленным, – замечает она с беззаботной улыбкой, которая напоминает мне о том, какой была Сесилия до

рождения ребенка. – Я рада, что он не замкнулся в себе. Мы все... Муж работает в больнице с отцом Линдена. Мы слышали, что Роуз заболела. Линдена давно не было видно на вечеринках.

– Ему было непросто, но он справляется, – пространно отвечаю я.

– Ты, должно быть, волшебница.

Линден обнимает меня и, все еще посмеиваясь над только ему понятной шуткой, начинает представлять меня друзьям Вона, их женам и даже тем, с кем познакомился лишь сегодня вечером. Я никогда не видела его таким. Таким счастливым и... свободным.

Домой мы возвращаемся уже под утро. Линден позволил себе выпить вина и сейчас настолько расслаблен, что, пока мы поднимаемся в лифте на мой этаж, стоит, привалившись ко мне всем телом. Он решил проведать перед сном Боуэна, а его кровать – в спальне Сесилии. Были разговоры о том, чтобы обустроить детскую на каком-нибудь другом этаже. Однако перевод Боуэна в отдельную комнату стал источником непрерывных споров между Сесилией и Воном. Она наотрез отказывается расставаться с сыном, а Вон считает, что в доме неприлично много пустующих помещений. Спальня Роуз в конце коридора остается закрытой. Даже Сесилия не рискует предложить переделать ее в детскую.

Протягиваю Линдену коробку с эклерами, которую я захватила для Сесилии. Он бросает на меня долгий взгляд, говорит: «Какая же ты заботливая», – и, быстро поцеловав, исчезает за дверью ее спальни.

Вернувшись к себе, иду в ванную. Тщательно умываюсь, прополаскиваю в раковине волосы, переодеваюсь в ночную рубашку и тут же понимаю, что заснуть мне не удастся. Тело буквально ломит от желания танцевать, а в голове водоворот из огней, музыки и мыслей об океане. Если бы я на самом деле была сиротой, как думает Линден, и провела свое детство в специальной школе для невест, то, возможно, смогла бы полюбить такую жизнь. Сама вижу, как легко ею увлечусь.

Подумываю, не вызвать ли мне Дейдре, чтобы она помассировала мне усталые ноги или налила ванну с ромашкой (науку приготовления которой мне, наверное, никогда не постичь), но, вспомнив, как уже поздно, решаю отказаться от этой затеи. Возникает новый план. Стучу в дверь Дженны и спрашиваю с трудом соображающую спросонья хозяйку комнаты, можно ли мне лечь с ней рядом. В ответ получаю едва различимый в темноте комнаты кивок.

– Передала вольной жизни от меня привет? – спрашивает она, поправляя на мне одеяло.

Обняв руками подушку, рассказываю Дженне о сосульках, голограмме, имитирующей сугробы, и угощениях.

– От клубники в шоколаде язык проглотить можно, – погружаюсь я в воспоминания. – А еще там был огромный шоколадный фонтан. Жаль, ты сама этого не видела.

– Звучит неплохо, – говорит она несколько сдавленно и закашливается.

Днем Дженна тоже кашляла, да и выглядит она в последнее время совсем не цветуще. Я придвигаюсь к ней поближе, пробую лоб. Но, поскольку на сегодняшней вечеринке с помощью алкоголя расслабился не только Линден, понять, есть ли у нее жар, у меня не выходит.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашиваю я.

– Просто устала. И дышать тяжело. Это из-за погоды.

Она снова кашляет, и я вдруг чувствую у себя на щеке что-то теплое. Все внутри холодеет.

– Дженна?

– Что?

Я хочу и дальше лежать вот так, в темноте, и не видеть, какое новое потрясение мне приготовила злая судьба. Хочу заснуть, а проснувшись утром, узнать, что волноваться не о чем.

Нет, это не для меня. Протягиваю руку и щелкаю выключателем. Дженна снова закашливается. На ее губах алеют капельки крови.

22

Ребенок плачет без остановки. Личико его покраснелось. Прижав сына к плечу, Сесилия ходит по комнате взад и вперед. Она говорит ему успокаивающие слова, но все без толку, по его щекам, не иссякая, катятся крупные слезы. Сесилия даже не пытается их вытереть.

Вон внимательно осматривает Дженну, ощупывает ее шею под нижней челюстью, придерживая грубым шершавым пальцем язык, заглядывает в горло. Ослабевшая Дженна с явным трудом выносит его прикосновения.

Линден забирает у Сесилии ребенка. Малыш приветствует отца радостным гуканьем, но уже через секунду снова принимается плакать. Сжимаю виски ладонями.

– Ты не мог бы вынести его отсюда? – не выдерживаю я.

Вон в третий раз спрашивает Дженну, сколько ей лет. Она ему в третий раз отвечает, что ей девятнадцать. Да, она уверена.

Линден выходит в коридор с плачущим сыном на руках, но в комнате все равно слышны крики младенца.

– Так что с ней? – обращается к Вону Сесилия – Что?

– Вирус, – отвечает Вон с, как мне кажется, наигранным сочувствием.

Я вижу перед собой гигантского мультяшного змея. Для него жизнь Дженны гроша ломаного не стоит.

– Нет, – раздается чей-то голос.

Мгновение спустя понимаю, что он принадлежит мне. Сесилия дотрагивается до моей руки, но я отмахиваюсь от нее.

– Такого просто не может быть. Это невозможно.

Дженна закрывает глаза. У нее нет сил даже на то, чтобы выслушать свой смертный приговор. Как же болезни удалось так быстро ее подкосить?

– Но вы ведь сможете ее вылечить, правда? – настаивает Сесилия. Слезы струятся по ее лицу, стекая за воротник блузки. – Вы же работаете над противоядием.

– Боюсь, оно еще не готово, – объясняет ей положение вещей Вон. – Но мы постараемся сделать так, чтобы она дожила до его изобретения.

Он легонько щелкает ее пальцем по носу, но сейчас на нее это не действует. Она делает шаг назад, тряся головой.

– И на что же вы угрохали такую уйму времени? – восклицает она. – Вы же целыми днями не вылезаете из подвала.

Губы ее дрожат, а дышит она частыми короткими вдохами-всхлипами. Сесилия верит: он так усердно работает в подвале над созданием антидота, что скоро всех нас спасет. Жаль, я совсем не разделяю ее надежд.

– Дорогая, пора...

– Нет! Нет, сделайте же что-нибудь, и сделайте это прямо сейчас.

Они принимаются яростно спорить вполголоса. Я тону в водовороте их слов, рыдания Сесилии накрывают меня, будто волной. Становится трудно дышать. Хочу, чтобы они оба поскорее отсюда убрались. Вон и его домашняя любимица. Залезаю в постель к Дженне, вытираю кровь с ее губ. Она уже почти провалилась в забытие. «Пожалуйста», – шепчу я ей на ухо. О чем прошу – и сама не знаю. Как будто от нее хоть что-нибудь зависит.

Наконец Вон уходит, и Сесилия ложится к нам третьей. Она так безутешно рыдает, что под нами сотрясается кровать.

– Она заснула. Не смей ее будить.

– Прости, – шепотом отвечает она, кладет мне голову на плечо и затихает.

Дженна забывается глубоким сном, а нас с Сесилией преследуют кошмары. Слышу, как, бормоча себе что-то под нос, она ворочается рядом, но не могу дотянуться ни до одной из моих сестер. Я долго-долго бегу по лесу, но кованых ворот нигде не видно. Потом мне снится, что я тону. Волны кружат, вертят меня так, что я перестаю понимать, где верх, где низ.

Просыпаюсь, задыхаясь от ужаса. Притрагиваюсь к своей шее. Мокрая. Ко мне, вся в поту и слезах, тесно прижимается Сесилия. Из уголка ее рта вытекает тонкая струйка слюны. Губы двигаются в беззвучном монологе. Брови сведены к переносице.

С конца коридора доносится непрекращающийся детский плач. Блузка Сесилии намочена от сочащегося из ее груди молока, но Вон запрещает ей кормить сына. Он сам относит ребенка кормилице, когда тому пора есть. Так, по его словам, будет лучше для Сесилии, но она выглядит как человек, терзаемый непрекращающейся болью. Мои

сестры увядают, как мамины лилии, и я не знаю способа вернуть их к жизни. У меня нет ни малейшего представления, что делать.

Дженна открывает глаза и окидывает меня испытующим взглядом.

– Выглядишь ужасно, – резюмирует она хрипло. – Чем это пахнет?

– Грудным молоком.

Звук моего голоса, должно быть, будит Сесилию. Она переворачивается на другой бок, жалуясь кому-то на музыку. Ее глаза распахиваются, в них появляется осмысленное выражение. Она садится.

– Что происходит? Тебе лучше?

Ребенок продолжает надрываться в крике, и Сесилия переводит взгляд на дверь.

– Мне нужно его покормить, – бормочет она и, пошатываясь, выходит из комнаты, задев плечом дверной косяк.

– С ней что-то не то, – говорит Дженна.

– Только сейчас заметила? – в шутку спрашиваю я, и мы обе не можем сдержать улыбки.

Дженна с трудом садится на постели, и я уговариваю ее выпить немного воды. Думаю, она уступает, чтобы сделать мне приятно. На белом как бумага лице бледно-фиолетовой кляксой выделяются губы. Невольно сравниваю ее с Роуз. Были дни, когда при взгляде на нее нельзя было даже заподозрить, что она смертельно больна. Вспоминаю, что Джун Бинз окрашивали ее губы в нелепые цвета. Сейчас задаюсь вопросом, не служила ли ее любовь к этим карамелькам частью маскировки. А здоровым румянцем она была обязана макияжу. Как же она ненавидела лекарства, которыми ее пичкали, как просила дать ей спокойно умереть.

– Тебе очень больно? – спрашиваю я.

– Я почти не чувствую рук и ног, – признается Дженна и с коротким смешком прибавляет: – Видимо, первой отсюда выберусь все же я.

– Пожалуйста, не говори так, – прошу я, отводя прядь волос, упавшую ей на лоб.

– Мне приснилось, что я опять в том фургоне со своими сестрами, – говорит она. – Но потом вдруг открывается задняя дверь, и

я вижу, что на их месте сидите вы с Сесилией. Рейн, мне кажется, я начинаю забывать их лица. И голоса.

– Я тоже не помню голоса брата, – вырывается у меня внезапно, как бы само собой.

– Но ты не могла забыть, как он выглядит. Вы же двойняшки.

– Сообразила все-таки.

– Твои истории про двойняшек были такими яркими. Было совсем не похоже, что ты их выдумала.

– Но мы же не близнецы, а двойняшки, – объясняю я. – Понимаешь, мальчик и девочка не могут быть близнецами. Так что я тоже подзабыла его лицо.

– Вы друг друга обязательно найдете, – уверенно говорит она. – Ты мне так и не рассказала, удалось ли тебе спуститься в подвал.

Киваю и, не сдержавшись, шмыгаю носом. Чтобы скрыть звук, тут же делаю вид, что закашлялась.

– Мы все обсудили. Побег запланировали на следующий месяц. Но с этим, думаю, можно повременить.

– Я что, зря поджигала эти занавески? Ты отсюда выберешься, и все будет просто замечательно.

– Давай с нами.

– Рейн...

– Ты же этот дом терпеть не можешь. Тебе действительно хочется провалиться остаток своей жизни в этой кровати?

Не знаю, какой ей сейчас прок от свободы. Но ведь она сможет увидеть океан. Любоваться закатами, как свободный человек. Быть похороненной в море.

– Рейн, меня не станет раньше.

– Не смей так говорить!

Утыкаюсь лбом в ее плечо, она перебирает мне волосы. Мои губы подрагивают от с трудом сдерживаемых слез. Ради нее я пытаюсь казаться сильной, но она читает меня как открытую книгу:

– Все хорошо.

– Ты не в себе, если так говоришь.

– Совсем нет, – настаивает она и немного отодвигается, чтобы я могла поднять голову и заглянуть ей в глаза. – Только подумай о том, как близка ты наконец к своей цели.

– А как же ты? – восклицаю я, невольно повысив голос.

Теперь у меня трясутся руки, и я судорожно вцепляюсь пальцами в одеяло.

Ее лицо освещает прекрасная беззаботная улыбка:

– У меня тоже скоро будет все, чего я хочу.

Все последующие дни Линден много времени проводит с Дженной. Но с ней он ведет себя совсем иначе, чем со мной, когда я приходила в форму после неудавшегося побега, или с Сесилией во время родов. В эмоциональном отношении Дженна так и не стала его женой. Линден держится от нее на расстоянии: сидит на стуле или тахте; не ложится к ней в кровать, даже никогда до нее не дотрагивается. Не знаю, о чем они разговаривают, эти двое, муж и жена, которые так и остались друг другу чужими, но мне кажется, что их беседы похожи на тысячи других, ведущихся у постели умирающих. Словно он отдает ей последний долг и закрывает эту страницу своей жизни.

– Ты знала, что у Дженны были сестры? – спрашивает он меня за ужином.

Мы одни в обеденном зале. Сесилия наслаждается редкой для нее теперь возможностью поспать, а Вон вроде бы в подвале работает над своим волшебным противоядием.

– Да, – отвечаю я.

– Правда, она говорит, что они умерли. Несчастный случай.

Стараюсь сохранить невозмутимый вид и продолжать есть как ни в чем не бывало, но это дается мне непросто. Пища падает пудовым камнем на дно желудка. Я не чувствую ее вкуса. Почему же Дженна, хранящая в себе столько обиды, не рассказала Линдену, как на самом деле погибли ее сестры? Возможно, этот разговор не стоил бы затраченных на него усилий. Или сокрытие от него правды превратилось для нее в высшую степень протеста. Она умрет, а он о ней так ничего и не узнает.

– Я никогда ее толком не понимал, – роняет Линден, промакивая рот салфеткой. – Но ты, я знаю, ее очень любила.

– Любила? – переспрашиваю я. – Люблю. Она все еще здесь.

– Да, конечно. Извини.

Остаток ужина проходит в молчании, но сейчас меня выводит из себя даже стук приборов и звяканье тарелок. Линден ведь как слепой

котенок. Могу поспорить, после того как я убегу, Вон вручит ему какой-нибудь пепел под видом моего праха. И Линден останется вдвоем с Сесилией, всегда мечтавшей о такой жизни. Чтобы заполнить гнетущую их пустоту, она, скорее всего, родит ему еще с полдюжины ребятишек. Когда не станет Линдена и Сесилии, Вон с легкостью подыщет им замену. Распорядитель из первого поколения, и неизвестно, сколько он еще проживет. Нас всех забудут, и наши спальни займут новые девушки.

Линден и Сесилия. Они очарованы своей маленькой жизнью и даже не догадываются о том, что теряют. Оно и к лучшему. Попрощавшись сначала с Дженной, потом со мной, они похоронят нас где-нибудь в дальнем уголке своего сердца и будут спокойно доживать свой недолгий век, обретая счастье в любовании голограммами и иллюзиями.

Кем бы они могли стать в другое время, в другом месте?

Появляются слуги, чтобы убрать со стола. Линден бросает хмурый взгляд на мою почти нетронутую тарелку.

– Так и заболеть недолго.

– Просто устала, – отвечаю я. – Пойду-ка лягу.

Наверху дверь в спальню Сесилии открыта настежь. Боуэн тихонько гулит, перемежая свое гуканье ритмичным то ли посапыванием, то ли похрапыванием, как это часто делают новорожденные. В комнате темно, он, надо полагать, в своей кровати не спит, а Сесилия в это время уже десятый сон досматривает. Знаю я, чем все это закончится. Если малыш просыпается, а рядом никого нет, то сразу в слезы. Ну а если уж он расплчется – пиши пропало.

Я собиралась немного поспать, но, похоже, мне придется забрать Боуэна к себе, пока он весь этаж не перебудил. Однако, зайдя в спальню к Сесилии, я нахожу там Дженну. Она сидит на краю кровати в полоске света, льющегося из коридора. Длинные волосы спадают на одно плечо, голова обращена к младенцу, лежащему у нее на руках. За ее спиной, прикрывшись одеялом, сладко спит Сесилия.

– Дженна? – шепотом окликаю я девушку.

Она улыбается, не поднимая головы.

– Он так похож на нашего мужа, – говорит она чуть слышно. – Но, судя по характеру, из него вырастет вторая Сесилия. Жаль, что никто из нас этого не увидит.

От нее сейчас не отвести глаз. Полумрак скрадывает бледность кожи и пурпур губ. Облако кружев. Темный водопад волос. Меня молнией пронзает мысль – она сама выглядит как молодая мать, внимательная, ласковая. Наблюдаю за тем, как нежно ее длинные чуткие пальцы касаются личика Боуэна, и задаюсь вопросом: о своих сестрах, пока их не убили, она заботилась так же, как сейчас печется о Сесилии? И обо мне?

Из уголка ее глаза выкатывается нечаянная слезинка, клянусь, мне не мерещится, но она поспешно смахивает ее.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашиваю я.

– Нормально.

В эту минуту она кажется мне такой сильной и молодой, что я заставляю себя поверить ее словам.

– Будь добра, поддержи его. Я на минутку.

Дженна поднимается и на дрожащих ногах направляется ко мне. Когда она подходит ближе, свет, падающий из коридора, лишает меня последних иллюзий: я ясно вижу бусинки пота, выступившие на ее лице, синие круги под глазами.

Она передает мне ребенка и тихо выходит из спальни. Подобно призраку, Дженна проплывает мимо места, где флиртowała с озадаченным ее поведением слугой и где сотни раз проходила по дороге к себе в комнату, уткнувшись в очередной любовный роман.

Дженна проделывает весь путь до своей спальни, держась за стену. Через считанные секунды после того, как за ней закрывается дверь, из комнаты доносится сдавленный кашель.

Боуэн, несколько не потревоженный ее уходом, крепко спит. Я завидую его безмятежности. И тем двадцати пяти годам, что у него еще впереди.

Позже я ухожу к себе. Закрываю дверь. Выключаю свет. Вжимаюсь лицом в подушку и отчаянно кричу, ору что есть силы, пока мое тело не охватывает оцепенение и я не перестаю чувствовать руки и ноги, совсем как Дженна. В комнате висит пульсирующая тишина. Роуэн, родители, Роуз, гавань Манхэттена. Вещи, по которым я скучаю. Люди, которых люблю. Все, что осталось в прежней жизни или растворилось в воздухе как мираж. Мне так хочется, чтобы пришла мама и поцеловала меня на ночь. Чтобы отец сыграл на пианино. Чтобы брат посторожил дом, пока я сплю, и дал мне выпить водки,

когда боль терпеть уже не вмоготу. Я так по нему соскучилась. Долгое время я гнала от себя эти мысли, но сейчас тоска по брату оказывается сильнее любых запретов. Меня душат рыдания. Я так устала. Потеряла все ориентиры. Не знаю, получится ли у меня сбежать. Смогу ли открыть кованые ворота, увенчанные остроконечным цветком. Вытираю слезы платочком Габриеля, который все это время хранила в наволочке. Нащупываю в темноте вышитый уголок и рыдаю так отчаянно, что у меня начинает саднить горло. Я надеюсь, о, как же я надеюсь, что мне все-таки удастся вернуться домой.

Мне снится, что меня бросают в море. Я тону, но не сопротивляюсь, не барахтаюсь, а, расслабившись, просто подчиняюсь воле судьбы. Спустя некоторое время сквозь безмолвие глубин до меня доносятся звуки фортепиано, на котором играет отец. И все не так уж и плохо, как кажется.

Утром меня будит заплаканная Сесилия.

– Дженна не может открыть глаза, – сообщает она мне. – И вся горит.

Сесилия склонна к преувеличениям, но, когда я, пошатываясь со сна, вхожу в спальню к Дженне, мне становится ясно, что ее состояние даже хуже, чем я думала. Белая, как мрамор, кожа нашей сестры приобрела ужасный желтоватый оттенок, а на ее шее и руках образовались синяки. Хотя нет, не синяки, скорее загноившиеся раны. Дотрагиваюсь до лба страдальцы, и она издает какой-то жалкий хрип.

– Дженна? – шепотом окликаю я ее.

Сесилия меряет шагами комнату, нервно сжимая и разжимая кулаки.

– Я позову Распорядителя Вона, – не выдерживает она.

– Не смей, – я сажусь на кровать и кладу голову Дженны себе на колени. – Лучше намочи мне какую-нибудь тряпочку, – говорю я, стараясь не выдать своего беспокойства.

Сесилия послушно идет в ванную. Сквозь шум льющейся воды до меня доносятся ее всхлипы, но, когда она снова появляется в комнате с полотенцем в руках, лицо ее кажется совершенно спокойным. Она откидывает одеяла и расстегивает верхние пуговицы на сорочке Дженны, чтобы немного унять разошедшийся жар, но в глазах ее отражается сумасшедший, едва контролируемый ужас. Интересно, я

так же выгляжу со стороны? Вроде бы тихонько сижу себе, перебираю пальцами волосы Дженны, но на самом деле в груди бешено ухает сердце, а желудок сжимается в тугой комок. То, что происходит сейчас, не идет ни в какое сравнение с тем, как уходила Роуз. Мучения Дженны гораздо страшнее.

Проходит не один час, и я начинаю думать, что моя названная сестра больше не очнется. Ее глаза закрылись навсегда. Даже мне не верилось, что конец наступит так быстро.

Сесилия обнимает меня и утыкается носом в шею. Но я не в состоянии сейчас ее успокаивать. Могу думать лишь о том, где взять силы на следующий вдох.

– Нам следует вызвать Распорядителя Вона, – повторяет она то ли в третий, то ли в четвертый раз.

Отрицательно трясую головой:

– Она его терпеть не может.

Вдруг раздается тихий смех, за которым следует невнятное «угу». Мы с Сесилией вздрагиваем от неожиданности и переводим взгляд на Дженну. На ее потемневших губах играет едва заметная улыбка. Веки, чуть дрогнув, приоткрываются, обнаруживая незнакомые, странно отрешенные глаза. Но в их глубине все еще теплится крохотная искорка жизни. Она с нами. Пока.

– Привет, – нараспев произносит Сесилия и, опустившись на колени возле кровати, берет ее руку в свои. – Как ты себя чувствуешь?

– Великолепно, – отзывается Дженна.

Глаза у нее закатываются, и она снова смыкает веки.

– Хочешь чего-нибудь? – спрашиваю я.

– Тоннель на тот свет, – отвечает Дженна, и уголки ее рта поднимаются в слабом подобии усмешки.

– Не говори так. Пожалуйста, не надо, – просит ее Сесилия. – Хочешь, я тебе почитаю? У меня уже неплохо получается.

Дженна открывает глаза и наблюдает за тем, как Сесилия, взяв книжку из большой стопки на прикроватном столике, начинает ее перелистывать; снова смеется, но в этот раз от ее смеха у меня сжимается сердце.

– Не совсем подходящее чтиво для постели умирающей, Сесилия.

Я больше не могу этого вынести. Смотрю на Дженну, а вижу лишь ту мерзость, что ее убивает. Даже голос ее стал каким-то чужим.

– А мне плевать, – упорствует Сесилия, – Я все равно почитаю. Тут в середине есть закладка, отсюда и начну. Ты хотя бы узнаешь, чем все закончится.

– Тогда перепрыгни на последнюю страницу, – говорит Дженна. – Времени у меня осталось не шибко много.

Вдруг ее грудь сотрясает дрожь, и у Дженны открывается рвота с кровью. Поворачиваю ее на бок и поглаживаю по спине, пока она откашливается. Сесилия вся как-то съеживается, глаза ее наполняются слезами. Не представляю, как ей еще хватает сил плакать. Я-то едва могу пошевелиться. Даже просто оставаться живой требует от меня такого сверхъестественного напряжения, что я хочу лишь одного – забраться под одеяло и заснуть. То, что я когда-то могла ходить, кажется сейчас чудом.

Когда погибли родители, я спала сутками. Неделями. Пока наконец у моего брата не иссякло терпение. Он сказал: «Вставай. Они мертвы. Мы живы. И у нас куча дел».

Дженна задыхается, хватая воздух широко открытым ртом. Сквозь тонкую ткань ее сорочки проступают острые позвонки. Когда же она успела так страшно похудеть? В измученном рвотой и надрывным кашлем теле едва держится жизнь. Перевернувшись на спину, она так и лежит с закрытыми глазами, совсем не двигаясь. Лишь грудь вздымается в такт ее неровному дыханию. Дженна остается совершенно неподвижной, даже когда мы с Сесилией вытаскиваем из-под нее перепачканные простыни.

Она спит все утро. Стянув с нее замусоленную сорочку, мы с Сесилией обтираем ее влажной тканью, но Дженна лишь бормочет что-то едва слышно. Через ее прозрачную бледную кожу просвечивают вены. Она с головы до пят покрыта синяками, и некоторые из них уже начали кровоточить. Выглядит это все так, словно ее тело гниет изнутри. Волосы у нее сильно поредели, выпадают целыми прядями, я то и дело смахиваю их с подушки. Сесилия читает вслух любовный роман. Там сплошное лето, поцелуи и увлеченная друг другом молодая здоровая пара. Время от времени Сесилия прерывается, не в силах более сдерживать рвущие горло рыдания.

Мы перестаем пускать в комнату слуг с лекарствами. Дженна уже так слаба, что не в состоянии проглотить таблетку, а желудок больше ничего не принимает. Ей становится все хуже; у нее путаются мысли,

отнимается язык, но стоит ей слышать приближающиеся по коридору шаги, как она зарывается лицом в подол ночной рубашки моей или Сесилии. Я знаю, что она пытается нам сказать. То же, о чем умоляла Роуз. Она просит дать ей спокойно умереть.

Но она не противится присутствию Эдера, поэтому его мы не прогоняем. Поступь ее помощника легка, а прикосновение ненавязчиво. Он втирает хозяйке в грудь мазь, от которой ей становится легче дышать, и никогда не задерживается больше, чем это необходимо. Эдер всегда превозносил ее красоту до небес и понимает: она не хочет, чтобы в эти страшные минуты ее кто-то рассматривал.

Ближе к вечеру обеспокоенный Линден все же решается нас проведать. Едва он переступает порог спальни, как меняется в лице – ему в нос бьет сладковато-зловонная смесь запахов разложения, пота и крови. По его взгляду понимаю, что ему знаком этот гнилостный коктейль: все последние дни он не отходил от постели Роуз. К кровати этой жены он даже не приближается. Для меня не секрет, что Дженна не желала эмоционального сближения с Линденом и что их брак был построен исключительно на сексе, но не могу не задаться вопросом: не виноват ли отчасти и Линден в односторонности их отношений? Потеряв Роуз, он попросту не захотел влюбляться в еще одну женщину, которая испустит последний вздох на его глазах. Мне осталось ровно столько, сколько и ему, Сесилия переживет нас обоих, а вот что касается Дженны...

Линден стоит у двери с самым жалким и извиняющимся видом. Все три его жены жмутся друг к другу на незастеленном матрасе, одна из них умирает; когда мы вместе, то образуем тесную группку, которая ему не по зубам. Он даже связываться с нами боится.

– Я забыла покормить Боуэна, да? – спрашивает Сесилия, заметив на руках Линдена их сына.

– Все в порядке, любовь моя, – отвечает Линден. – Для этого у нас есть кормилица. Я больше переживаю за тебя.

Не представляю, зачем Линден пришел к нам с сыном, если только ему не слишком одиноко и он не надеялся воспользоваться им как предлогом, чтобы хотя бы ненадолго выманить отсюда Сесилию. Его план проваливается. Сесилия прижимается лицом к плечу Дженны и закрывает глаза. Я делаю то же самое. Мы снова в фургоне

Сборщиков, прячемся в темноте, надеясь раствориться в объятиях друг друга.

– Слуги говорят, что вы их к себе не пускаете, – говорит Линден. – Давайте я вам все-таки пришлю кого-нибудь. Пусть вам хотя бы простыни свежие постеляют.

– Не надо, – шепчет Сесилия. – Не надо нам никого присылать. Прикажи им всем оставить ее в покое.

– Неужели я ничем не могу помочь? – спрашивает он.

– Ничем, – говорю я.

– Ничем, – вторит мне Сесилия.

Даже с закрытыми глазами чувствую, что муж стоит в дверях, напуганный такой сплоченностью, словно смерть одной из нас может привести к гибели всех трех.

Наконец он выходит из комнаты, не сказав больше ни слова.

Дженна бормочет что-то неразборчиво. Кажется, имя. Наверное, зовет своих сестер.

– Здесь оставаться опасно, – еле слышно говорит она.

Не знаю, к кому она обращается – к сестрам или к нам с Сесилией.

Глава 20

Сначала Иоланда не хотела, чтобы я входил; теперь она не хотела меня отпускать.

— Они вас увидят! Найдут вас. Они вас схватят, а потом явятся за мной.

— Я не могу здесь оставаться.

— Они вас поймают.

— Я не могу здесь оставаться.

Она смотрела, как я расхаживаю по комнате, то к окну, то обратно к двери.

— Не надо... вам нельзя отсюда звонить...

— Перестаньте паниковать. — Но я и сам остановился, потому что не был уверен, что она не права. — Айкам, в этом здании есть другой выход?

— Не тот, каким мы пришли? — На мгновение его взгляд сделался напряжённым и как бы обращённым внутрь. — Некоторые квартиры внизу пусты — возможно, вы могли бы пройти через них...

— Хорошо.

По непроницаемым для взгляда стёклам начал постукивать дождь. Судя по слабому потемнению побелённых окон, было лишь слегка пасмурно. Наверное, просто краски поблёкли. Всё же казалось, что совершить побег сейчас безопаснее, чем при ясном небе и в холодном солнечном свете, как это было утром.

— Вы в Уль-Коме совсем один, — прошептала Иоланда. — Что вы можете сделать?

— Вы мне доверяете? — спросил я.

— Нет.

— Очень плохо. У вас нет выбора. Я собираюсь вызволить вас отсюда. Здесь я не в своей стихии, но...

— Что вы хотите сделать?

— Я собираюсь вас отсюда вызволить, вернуться домой, туда, где я смогу всё устроить. Собираюсь забрать вас в Бещель.

Она воспротивилась. В Бещеле, дескать, никогда не была. Оба города под контролем Оркини, за обоими ведёт наблюдение Брешь. Я перебил её:

— Что же вам ещё делать? Бещель — мой город. Я не смогу поладить со здешней системой: у меня нет связей. Не знаю входов и выходов. Но я могу отправить вас домой из Бещеля, и вы можете мне помочь.

— Вы не можете...

— Иоланда, замолчите. Айкам, больше ни шагу.

Остаться на месте уже не было времени. Она права, я не мог обещать ей ничего, кроме попытки.

— Я смогу вас вызволить, но не отсюда. Ещё один день. Ждите здесь. Айкам, с вашей работой покончено. В Бол-Йеане вы больше не работаете. Ваша задача — остаться здесь и присматривать за Иоландой.

Защиту он обеспечит слабую, но его постоянные вмешательства в то, что происходит в Бол-Йеане, в конечном итоге привлекут больше внимания, чем мои.

— Я вернусь. Понимаете? И заберу вас.

Еды у неё было на несколько дней, консервный рацион. В квартире имелась эта небольшая гостиная/ спальня, другая комната, поменьше, наполненная одной только сыростью, и кухня без электричества и газа. Ванная была нехороша, но за день-другой это их не убило бы: Айкам наполнил вёдра водой из какой-то напорной трубы, и те стояли, готовые к смыву. Множество освежителей воздуха, которые он купил, сделали зловоние несколько иным, чем оно могло бы быть.

— Оставайтесь здесь, — сказал я. — Я вернусь.

Айкам узнал последнюю фразу, хотя она прозвучала по-английски. Он улыбнулся, и поэтому я произнёс эти слова снова, специально для него, с австрийским акцентом. Иоланда этого не поняла.

— Я вас вызволю, — сказал я ей.

На первом этаже, несколько раз толкнувшись в двери, я проник в пустую квартиру, повреждённую давним пожаром, но до сих пор пахнущую горелым. В окно кухни, в котором не было стёкол, я наблюдал за самыми стойкими детьми, не желавшими уходить из-под

дождя. Наблюдал я долго, вглядываясь во все тени, что мог различить. Видел только этих детей. Натянув рукава на пальцы, чтобы не поранить их о стеклянную бахрому, я выпрыгнул во двор, где никто, увидев моё появление, не стал бы делать мне замечаний.

Я знаю, как надо смотреть, чтобы убедиться в отсутствии «хвоста». Я быстро пошёл, срезая углы, между мусорными баками и автомобилями, граффити и детскими площадками, пока не выбрался из замкнутой территории в городской пейзаж Уль-Комы, а заодно и Бещеля. Испытывая облегчение от того, что стал одним из нескольких пешеходов, а не единственной целеустремлённой фигурой на виду, я немного отдышался, зашагал той же уклоняющейся от дождя походкой, что и все остальные, и наконец включил телефон. Он обругал меня, указывая, сколько я пропустил сообщений. Все от Дхатта. Я был голоден и не знал точно, как вернуться в Старый город. Я бродил в поисках метро, но нашёл телефонную будку. Позвонил ему оттуда.

— Дхатт слушает.

— Это Борлу.

— Где, чёрт возьми, вас носит? Где вы были? — Он был зол, но соблюдал конспирацию, голос у него, когда он ответил и забормотал в трубку, был тише, а не громче. Хороший признак. — Я пытался дозвониться до вас хрен знает сколько времени. Все ли... Вы в порядке? Что, чёрт возьми, происходит?

— Я в порядке, но...

— Что-то случилось? — В его голосе звучала злость, но не только злость.

— Да, кое-что случилось. Не могу об этом говорить.

— Чёрта лысого вы не можете.

— Послушайте. Послушайте. Мне нужно поговорить с вами, но у меня нет на это времени. Если хотите знать, что происходит, давайте встретимся, не знаю, — я перелистывал карту улиц, — на Каинг-Ше, на площади у станции, в два часа, и, Дхатт, никого больше не приводите. Дело серьёзное. Здесь происходит больше, чем вы знаете. Я не знаю, к кому обратиться. В общем, вы мне поможете?

Я заставил его прождать целый час. Наблюдал за ним из-за угла, о чём он, конечно, не мог не знать. Станция Каинг-Ше является крупнейшим вокзалом города, поэтому на площади перед ней роится

множество улькоман — в кафе, внимая уличным исполнителям, покупая DVD-диски и электронику в киосках. Топольгангерская площадь в Бещеле не вполне пустовала, так что невидимые бещельские граждане grosстопично там присутствовали. Я стоял возле табачного киоска, оформленного в честь временной уль-комской хижины, какие некогда часто встречались среди болотных угодий, где сборщики мусора рылись в заштрихованной грязи. Видел, как Дхатт ищет меня взглядом, но оставался вне поля его зрения, меж тем как темнело, и следил, не звонит ли он куда-нибудь (он не звонил) и не подаёт ли знаков руками (он не подавал). Лишь лицо у него всё больше и больше затвердевало, пока он пил чай и сердито всматривался в тени. Наконец я вышел и несколько раз слегка шевельнул рукой, чтобы привлечь его внимание и подзвать к себе.

— Что за хрень происходит? — возмутился он. — Мне звонил ваш босс. И Корви. Кто она вообще такая? В чём дело?

— Я не виню вас за то, что вы сердитесь, но голос вы не повышаете, а значит, осторожны и хотите знать, что происходит. Вы правы. Кое-что случилось. Я нашёл Иоланду.

Когда я не захотел сообщить ему, где она, он разъярился настолько, что начал угрожать международным инцидентом. «Это не ваш чёртов город, — говорил он. — Вы приехали сюда, воспользовались нашими ресурсами и, чтоб вам, перехватили наше расследование», — и так далее, но голоса он по-прежнему не повышал и шёл рядом со мной, так что я дал ему поутихнуть, а потом начал рассказывать, как напугана Иоланда.

— Мы оба знаем, что нам её не успокоить, — сказал я. — Далее. Никто из нас не знает правду о том, что за чертовщина происходит. Ни об унифах, ни о наци, ни о бомбе, ни об Оркини. Чёрт, Дхатт, всё, что мы знаем...

Он не сводил с меня взгляда.

— Чем бы это ни было... — я взглядом указывал на происходящее вокруг, — оно идёт к чему-то очень дурному.

Некоторое время мы оба молчали.

— Так какого чёрта вы вообще со мной говорите?

— Потому что мне кто-то нужен. Но, да, вы правы, может, это ошибка. Вы единственный, кто мог бы понять... масштаб происходящего. Я хочу её вызволить. Послушайте меня: речь не об

Уль-Коме. Своим людям я доверяю не больше, чем вашим. Я хочу вызволить эту девушку из Уль-Комы и из Бещеля. А здесь я это сделать не могу, это не моя площадка. Здесь за ней наблюдают.

— Может быть, я смогу?

— Хотите стать добровольцем?

Он ничего не сказал.

— Правильно. Добровольцем буду я. Дома у меня есть связи. Нельзя так долго прослужить полицейским и не знать, как раздобыть билеты и поддельные документы. Я могу её спрятать, могу поговорить с ней в Бещеле, прежде чем отправлю её домой, прояснить всё это. Это не капитуляция: напротив. Если мы уберём её из-под удара, у нас будет гораздо больше шансов не оказаться зашоренными. Возможно, мы сумеем разобраться в том, что происходит.

— Вы говорили, Махалия уже нажила врагов в Бещеле. Я думал, вы хотите допросить их.

— Наци? Теперь это не имеет особого смысла. Во-первых, всё это далеко за пределами власти Съедра и его парней, а во-вторых, Иоланда у меня на родине никого не обозлила, она никогда там не была. Я мог бы выполнять свою работу там. — Я имел в виду, что мог бы выйти и за рамки своей работы — мог бы дёргать за ниточки и добиваться услуг. — Я не пытаюсь отделаться от вас, Дхатт. Я расскажу вам всё, что знаю, если добьюсь от неё чего-то большего, может, даже вернусь сюда, чтобы мы продолжили охотиться за преступниками, но сейчас я хочу забрать отсюда эту девушку. Она боится до смерти, Дхатт, и можем ли мы и впрямь утверждать, что она не права?

Дхатт всё покачивал головой. Он не выражал ни согласия со мной, ни несогласия. Через минуту он заговорил, сухо:

— Я снова посылал своих людей к унифам. Никаких следов Джариса. Мы даже не знаем настоящего имени этого мерзавца. Если кто-нибудь из его приятелей знает, где он или встречался ли он с ней, они не говорят.

— Вы им верите?

Он пожал плечами.

— Мы их проверяли. Ничего не смогли выяснить. Не похоже, чтобы они хоть что-то знали. Один или двое явно что-то слышали о Марье, но большинство никогда её даже не видели.

— Это всё за пределами их понимания.

— А, не беспокойтесь, да они ко всякой хрени готовы; кроты сообщают, что они замышляют то и это, собираются разрушить границы, планируют всевозможные революции...

— Мы же не об этом сейчас говорим. И эту чепуху можно слышать постоянно.

Он молчал, пока я перечислял ему, что произошло на наших глазах. Мы замедляли шаг в темноте и ускоряли в лужицах фонарного света. Когда я сказал ему, что, по словам Иоланды, Махалия говорила, что Боуден тоже в опасности, он остановился. Несколько секунд мы простояли в обмирающей тишине.

— Сегодня, пока вы носились с маленькой мисс Паранойей, мы обыскали квартиру Боудена. Никаких признаков взлома, никаких признаков борьбы. Ничего. Тарелка отставлена в сторону, книга страницами вниз лежит на стуле. На столе у него нашли письмо.

— От кого?

— Яллья сказала мне, что вы что-то уловили. В письме не сообщается, от кого оно. Оно написано не по-иллитански. В нём вообще всего одно слово. Я думал, оно на каком-то причудливом бещельском, но оказалось, что нет. Это язык Предтечи.

— Что? Что там говорится?

— Я показал его Нэнси. Она сказала, что это старая версия письменности, которой она раньше не видела, и что она не стала бы в этом клясться и тэдэ и тэпэ, но почти уверена, что это предупреждение.

— Предупреждение о чём?

— Просто предупреждение. Как череп и скрещённые кости. Слово, которое является предупреждением.

Было настолько темно, что мы плохо видели лица друг друга. Я непреднамеренно подвёл его ближе к пересечению со сплошной бещельской улицей. Приземистые кирпичные здания в коричневатом свете, где проходили мужчины и женщины в длинных пальто под качающимися сепийными вывесками, которых я не-видел, перемежались с уль-комской чередой стеклянных фасадов и витрин, освещённой натриевыми лампами, как нечто старое и повторяющееся.

— Ну а кто бы мог воспользоваться такой разновидностью?..

— Не надо рассказывать мне о тайных городах. Не надо.

У Дхатта был затравленный вид. Он выглядел больным. Он повернулся, вжался в угол дверного проёма и несколько раз яростно ударил по собственной ладони.

— Что за хрень? — сказал он, вглядываясь в темноту.

Будет ли жить то, что жило как Оркини, если кто-то поощрит идеи Иоланды и Махалии? Что-то настолько маленькое, настолько могущественное, поселившееся в полостях другого организма. Желаящее убивать. Паразит. Город-прилипала, совершенно беспощадный.

— Даже если... даже если, скажем, что-то не в порядке с моими соотечественниками и с вашими, что бы там ни было, — сказал наконец Дхатт.

— Всё схвачено. Куплено.

— Что бы там ни было. Даже если.

Мы шептались под хлопанье зарубежного флага, развевавшегося над нами на ветру в Бещеле.

— Иоланда убеждена, что Брешь — это и есть Оркини, — сказал я. — Я не говорю, что согласен с ней — сам не знаю, что именно я говорю, — но пообещал ей, что вызволю её.

— Брешь выдворила бы её.

— Вы готовы поклясться, что она не права? Готовы ли вы со всей — чтоб ей! — уверенностью поклясться, что ей не о чем беспокоиться? — Я говорил шёпотом.

Это был опасный разговор. — Им пока никак до неё не добраться — не совершено никаких брешей, — и она хочет, чтобы так оно и оставалось.

— Так что же вы хотите сделать?

— Я хочу её увезти. Не говорю, что кто-то здесь за ней наблюдает, не говорю, что она права хоть в чём-то, о чём говорит, но кто-то убил Махалию и кто-то добрался до Боудена. В Уль-Коме что-то происходит. Я прошу у вас помощи, Дхатт. Посодействуйте мне. Мы не можем сделать это официально, она не будет сотрудничать ни с чем официальным. Я обещал, что позабочусь о ней, но это не мой город. Вы мне поможете? Нет, мы не можем рисковать, делая всё по правилам. Так вы поможете? Мне нужно вывезти её в Бещель.

Той ночью ни я не вернулся в отель, ни Дхатт не пошёл домой. Не обуреваемые тревогой, но всё же потакая ей и ведя себя так, будто всё

это могло быть правдой, мы вместо этого ходили по улицам.

— Чёрт возьми, не могу поверить, что я этим занимаюсь, — повторял он, оглядываясь чаще меня.

— Мы сможем переложить всю вину на меня, — сказал я.

Я ожидал не этого, однако рискнул сказать ему так, чтобы он был моим соучастником, стоя на одной со мной линии.

— Держитесь ближе к народу, — сказал я ему. — И к штриховке.

Там, где больше людей и где два города сближаются друг с другом, возникает интерференция, из-за которой труднее толковать и предсказывать. Это больше, чем просто город и город: это элементарная городская арифметика.

— По своей визе я могу выехать в любое время, — сказал я. — Можете вы раздобыть ей пропуск?

— Я, конечно, могу получить пропуск для себя. Могу получить пропуск для чёртова полицейского, Борлу.

— Позвольте мне это перефразировать. Можете вы получить выездную визу для офицера Иоланды Родригез?

Он уставился на меня. Мы по-прежнему говорили шёпотом.

— Ей даже уль-комский паспорт не выдали бы...

— Так вы сможете перевезти её на ту сторону? Я не знаю, что представляют собой ваши пограничники.

— Что за хрень? — снова сказал он.

По мере уменьшения числа прохожих наша пешая прогулка переставала быть камуфляжем, рискуя стать его противоположностью.

— Знаю здесь одно место, — сказал Дхатт.

Это оказалось питейное заведение в подвале напротив банка на окраине Старого города Уль-Комы, управляющий которого приветствовал его с почти убедительным удовольствием. Там было полно дыма и мужчин, которые глазели на Дхатта, зная, кто он такой, несмотря на его гражданскую одежду. Казалось, они решили, будто он собирается пресечь употребление наркотиков, но он махнул рукой — дескать, валяйте дальше. Дхатт жестом потребовал у менеджера телефон. Тот, поджав губы, протянул его через прилавок, а Дхатт передал мне.

— Святой Свет, ну так давайте это сделаем, — сказал он. — Я смогу провезти её через границу.

Там гремела музыка, и гвалт разговоров был очень громким. Я вытянул телефон на всю длину шнура и сгорбился, полуприсев за стойкой до уровня живота людей вокруг. Так оно спокойнее. Чтобы получить международную линию, пришлось переговорить с оператором, чего мне совсем не хотелось.

— Корви, это Борлу.

— Господи! Погодите минутку. Боже мой.

— Корви, простите, что звоню так поздно. Вы меня слышите?

— Господи. Который час?.. Чёрт, не слышу ни слова, вы всё время...

— Я в баре. Слушайте, простите, что звоню в такой час. Мне надо, чтобы вы кое-что для меня организовали.

— Господи, босс, вы что, смеётесь?

— Нет. Соберитесь. Корви, вы нужны мне.

Я едва ли не видел, как она трёт лицо, может, проходит с телефоном, сонная, на кухню и пьёт холодную воду. Заговорив снова, она была сосредоточеннее:

— Что происходит?

— Я возвращаюсь.

— Серьёзно? Когда?

— Насчёт этого я и звоню. Дхатт, тот парень, с которым я здесь работаю, он едет в Бещель. Мне надо, чтобы вы нас встретили. Сможете вы всё привести в движение и держать это в секрете? Корви, дело тайное. Серьёзно. У стен есть уши.

Долгая пауза.

— Почему я, босс? И почему в полтретьего ночи?

— Потому, что вы всё умеете, и потому, что вы сама осторожность. Мне не нужно шума. Нужно, чтобы вы были в машине, с пистолетом, и желательно, чтобы был ещё один для меня, вот и всё. И нужно, чтобы вы забронировали для них номер в отеле. Не в обычном отеле нашего департамента. — Очередная долгая пауза. — И, послушайте... он берёт с собой ещё одного офицера.

— Что? Кого?

— Она под прикрытием. Как вы думаете? Ей нужен свободный проезд. — Я бросил на Дхатта извиняющийся взгляд, хотя он и не мог расслышать меня в уловном гомоне. — Об этом молчок, Корви. Просто мелкое обстоятельство расследования, да? И мне понадобится

ваша помощь, чтобы кое-что получить, получить пакет, из Бещеля. Понимаете?

— Думаю, да, босс. Босс, вам кто-то звонил. Спрашивал, как продвигается ваше расследование.

— Кто? Что вы имеете в виду, что там творится?

— Кто, я не знаю, имени не называет. Хочет знать, кого вы арестовали, когда вернётесь, нашли ли вы пропавшую девушку и каковы ваши планы. Не знаю, как он раздобыл мой рабочий номер, но ему явно что-то известно.

Я щёлкнул пальцами, чтобы привлечь внимание Дхатта.

— Кто-то задаёт вопросы, — сказал я ему.

— Не называет имени? — спросил я у Корви.

— Нет, и голоса я не узнаю. Паршивая линия.

— А как звучит его голос?

— Как у иностранца. Американца. Притом напуганного.

По плохой, международной линии.

— Чёрт возьми, — сказал я Дхатту, прикрывая ладонью трубку. — Это Боуден. Пытается меня найти. Должно быть, избегает набирать наши здешние номера, чтобы не выследили... Он канадец, Корви. Слушайте, когда он звонил?

— Каждый день, вчера и сегодня, подробностей о себе не сообщал.

— Хорошо. Слушайте. Когда он снова позвонит, скажите ему вот что. Передайте ему от меня это сообщение. Скажите ему, что у него есть один шанс. Подождите, я думаю. Скажите ему, что мы... Скажите ему, что я обеспечу ему безопасность, что я могу его вывезти. Нам это надо. Знаю, что он боится всего происходящего, но в одиночку у него нет шансов. Держите это при себе, Корви.

— Господи, вы определённо решили испортить мне карьеру.

В её голосе слышалась усталость. Я молча ждал, пока не уверился, что она всё сделает.

— Спасибо. Просто поверьте, что он поймёт, и, пожалуйста, не спрашивайте меня ни о чём. Скажите ему, что теперь мы знаем больше. Чёрт, я не могу вдаваться в подробности.

Громкий вопль изукрашенной блёстками двойняшки Уте Лемпер [20] заставил меня вздрогнуть.

— Просто скажите ему, что мы знаем больше, и передайте, что ему надо нам позвонить.

Я огляделся, словно ко мне могло явиться вдохновение, и так оно и случилось.

— Какой номер мобильного Яллы? — спросил я у Дхатта.

— А?

— Он не хочет звонить нам, ни на мой, ни на ваш, так что просто...

Он продиктовал номер мне, и я — Корви.

— Скажете нашему таинственному человеку позвонить по этому номеру, и мы сможем ему помочь. И вы тоже звоните мне на него, хорошо? С завтрашнего дня.

— Что за чёрт? — удивился Дхатт. — Что за хрень вы творите?

— Вам придётся одолжить у неё телефон, он нам нужен, чтобы Боуден смог нас найти, — он слишком напуган, а мы не знаем, кто прослушивает наши. Если он свяжется с нами, вам, возможно, понадобится...

Я замялся.

— Что?!

— Господи, Дхатт, не теперь, ладно? Корви?

Та пропала, линия была отключена, то ли ею самой, то ли старыми АТС.

Глава 21

На следующий день я даже пришёл вместе с Дхаттом в его офис. «Чем больше вы не показываетесь, тем больше люди недоумевают, что за хрень происходит, и тем больше они обращают на вас внимание», — сказал он. В самом деле, я ловил на себе множество взглядов со стороны его коллег. Кивнул двоим из них, которые раньше вяло пытались затеять со мной ссору.

— У меня начинается паранойя, — сказал я.

— Да нет, они действительно наблюдают за вами. Вот. — Он передал мне сотовый телефон Ялльи. — Полагаю, приглашение на ужин вы тогда получили в последний раз.

— Что она сказала?

— А как вы думаете? Это её чёртов телефон, она всерьёз разозлилась. Я сказал, что он нам нужен, она мне — проваливай, я умолял, она отказывала, я забрал его и всё свалил на вас.

— Сможем мы раздобыть форму? Для Иоланды... Тогда было бы легче её перевезти.

Мы теснились за его компьютером. Я смотрел, как он работает с более современной версией Windows. Когда впервые зазвонил телефон Ялльи, мы застыли и посмотрели друг на друга. Появился номер, которого никто из нас не знал. Я соединился, не говоря ни слова и по-прежнему глядя ему в глаза.

— Ялль? Ялль? — Голос женщины, говорившей по-иллитански. — Это Май, ты не... Ялль?

— Алло, это вообще-то не Яллья...

— А, привет, Куссим?.. — но голос у неё дрогнул. — Кто это?

Он забрал у меня телефон.

— Алло? Май, привет. Да, это мой друг. Нет, хорошо его знаю. Мне пришлось на день-другой одолжить телефон у Ялльи, ты не пробовала звонить на городской? Ну ладно, будь здорова.

Экран погас, и он передал телефон обратно.

— Вот ещё одна причина не отвечать на эту дрянь. Получите до черта звонков от её подруг, спрашивающих, по-прежнему ли она хочет

применять эту маску для лица или видела ли она этот фильм с Томом Хэнксом.

Последовал второй такой вызов, затем третий, и мы больше не вздрагивали, когда раздавался звонок. Однако, несмотря на то что сказал Дхатт, их было не так уж много, и никто не звонил по этим темам. Я представил себе, как Яллья сидит у стационарного телефона, делая бессчётное количество недовольных звонков и осуждая своего мужа и его друга за причинённые неудобства.

— Надо ли нам напяливать на неё форму? — Дхатт говорил, понизив голос.

— Вы же будете в своей, верно? Разве не всегда лучше прятаться у всех на виду?

— Себе вы тоже хотите?

— А что, плохая мысль?

Он медленно покачал головой.

— Это немного облегчит нам жизнь... Пожалуй, я смогу проехать через нашу сторону с помощью полицейских бумаг и своего авторитета. Идёт.

Милицья, не говоря уже о старших детективах, побивала улькомских пограничников без особых проблем.

— А я буду вести переговоры на въезде в Бещель.

— С Иоландой всё в порядке?

— С ней Айкама. Я не могу вернуться... Не снова же? Каждый раз, когда мы...

У нас по-прежнему не было понятия, кто и как может следить за нами. Дхатт слишком много суетился, и, после того как он в третий или четвёртый раз нагрубил коллеге из-за воображаемого нарушения устава, я заставил его пойти со мной на ранний обед. Он хмурился и не хотел говорить, пялясь на всех, кто проходил мимо.

— Может, перестанете? — спросил я.

— Я буду чертовски рад, когда вы уедете, — сказал он.

Телефон Ялльи зазвонил, и я поднёс его к уху, ничего не говоря.

— Борлу?

Я постучал по столу, привлекая внимание Дхатта, и указал на телефон.

— Боуден, где вы?

— Обеспечиваю свою безопасность, Борлу.

Он говорил со мной по-бещельски.

— Судя по вашему голосу, в безопасности вы себя не чувствуете.

— Конечно, нет. — Голос у него был очень напряжённым. — Я ведь не в безопасности, верно? Вопрос в том, насколько велика беда, в которую я попал.

— Я могу вас вывезти.

Мог ли я? Дхатт преувеличенно пожал плечами: мол, что за хрень?

— Есть пути выхода. Скажите, где вы.

Он вроде как рассмеялся.

— Точно, — сказал он. — Так я вам и скажу, где я.

— А что другое вы предлагаете? Вы не можете провести всю жизнь в бегах. Выезжайте из Уль-Комы, и я, может, сумею что-то сделать. Бещель — моя территория.

— Вы даже не знаете, что происходит...

— У вас есть один шанс.

— Поможете мне, как помогли Иоланде?

— Она не так глупа, — сказал я. — Не отказалась от моей помощи.

— Что? Вы нашли её? Что?..

— Я сказал ей то же, что говорю вам. Я никому из вас не могу помочь здесь. Может, буду в состоянии помочь вам в Бещеле. Что бы ни происходило, кто бы вас ни преследовал...

Он попытался что-то сказать, но я ему не дал:

— Там у меня есть связи. Здесь я ничего не могу сделать. Где вы?

— ...Нигде. Не важно. Я... Где вы? Я не хочу, чтобы...

— Вы молодец, что так долго остаётесь вне поля зрения. Но вам не удастся делать это вечно.

— Да. Согласен. Я найду вас. Вы... сейчас пересекаете границу?

Я не мог не оглянуться по сторонам и не понизить голос:

— Скоро.

— Когда?

— Скоро. Сообщу вам, когда узнаю. Как с вами связаться?

— Не надо, Борлу. Я сам с вами свяжусь. Держите при себе этот телефон.

— А что, если вы меня упустите?

— Просто придётся звонить вам через каждую пару часов. Боюсь, я вынужден буду сильно вам докучать.

Он разъединился. Я уставился на телефон Яллы, потом наконец посмотрел на Дхатта.

— У вас есть хоть малейшее представление о том, как я ненавижу, когда не знаю, на что рассчитывать? — прошептал Дхатт. — Кому доверять?

Он перетасовал бумаги.

— Что и кому надо говорить?

— Есть.

— Что там такое? — сказал он. — Он тоже хочет выехать?

— Да, тоже хочет. Он боится. Не доверяет нам.

— Нисколько его в этом не виню.

— Я тоже.

— У меня нет на него никаких документов.

Я встретился с ним взглядом и стал ждать.

— Святой Свет, Борлу, вы становитесь чертовски... — В его шёпоте слышалась ярость. — Хорошо, хорошо, я посмотрю, что смогу сделать.

— Скажите мне, что делать, — сказал я ему, не отводя взгляда, — к кому обращаться, какие углы срезать, и вы сможете во всём винить меня. Вините меня, Дхатт. Пожалуйста. Но раздобудьте форму на тот случай, если он придёт.

Я смотрел, как он, бедняга, мучается.

Тем вечером Корви позвонила мне после семи.

— Едем, — сказала она. — Документы у меня.

— Корви, я так вам обязан, я ваш должник.

— Думаете, я не знаю этого, босс? Это вы, ваш парень Дхатт и его, гм... «коллега», не так ли? Я буду ждать.

— Захватите свой жетон и будьте готовы прикрыть меня со Службой иммиграции. Кто ещё? Кто ещё знает?

— Никто. Стало быть, я опять назначенный вам водитель. В какое время?

Это вопрос — каким способом лучше всего исчезнуть? Должен существовать график, тщательно вычерченная кривая. Является ли что-то более невидимым, если вокруг ничего больше нет — или если оно окажется одним из многих?

— Не слишком поздно. Не в два часа ночи.

— Чертовски рада это слышать.

— Тогда бы там никого, кроме нас, не было. Но и не в разгар дня, тогда слишком велик риск, что нас кто-то узнает или ещё что-нибудь.

После наступления темноты.

— В восемь, — сказал я. — Завтра вечером.

Стояла зима, и темнело рано. Там по-прежнему будут толпы народа, но в тусклых красках вечера, сонные. Легко не увидеть.

Не всё решалось ловкостью рук; были задачи, которые мы должны исполнять и исполняли. Имелись рапорты о продвижении расследования, которые надо было писать, и семьи, с которыми следовало поддерживать связь. Заглядывая Дхатту через плечо, я время от времени вносил предложения, помогая ему составить письмо, вежливо и с сожалением ни о чём не сообщавшее мистеру и миссис Джири, основные контакты с которыми в настоящее время поддерживались уль-комской *милицией*. Не очень приятно было чувствовать себя силой, призраком присутствующей в этом сообщении, зная их обоих, видя их за словами, которые были подобны одностороннему стеклу, так что они не могли оглянуться и увидеть меня, одного из пишущих.

Я сказал Дхатту о месте — адреса я не знал, пришлось обойтись смутным топографическим описанием, которое он признал, — о той части парка, в нескольких минутах ходьбы от которой пряталась Иоланда, чтобы он встретил меня там на исходе следующего дня.

— Если кто-нибудь спросит, говорите, что я работаю в отеле. Расскажите обо всех смехотворных бумажных обручах, через которые нас заставляют прыгать в Бещеле и которые не дают мне продохнуть.

— Как раз об этом все мы постоянно говорим, Тьяд. — Дхатт не мог оставаться на одном месте, так он был встревожен, так нервничал из-за неуверенности во всём, так обеспокоен. Он не знал, куда смотреть. — Винить вас или не винить, а вот мне остаток своей чёртовой карьеры придётся провести на связи со школами.

Мы согласились, что от Боудена, по всей вероятности, больше ничего не услышим, но телефон бедной Ялльи зазвонил в полпервого

ночи. Я был уверен, что это Боуден, хотя он ничего не сказал. Он позвонил ещё раз незадолго до семи утра.

— У вас больной голос, доктор.

— Что там у вас?

— Что вы хотите делать?

— Вы едете? Иоланда с вами? Она едет?

— У вас одна попытка, доктор. — Я записывал в блокноте часы и минуты будущих перемещений. — Если не хотите, чтобы я за вами заехал, но хотите выбраться, будьте у главных транспортных ворот Связующего зала в семь часов вечера.

Я отключился. Пытался делать заметки, планы на бумаге, но не мог. Боуден мне не перезвонил. Я держал телефон на столе или в руке на протяжении всего раннего завтрака. Из отеля я не выписался — никаких сообщений о перемещениях. Перебрал одежду в поисках чего-то, что я не мог бы позволить себе оставить, и ничего не нашёл. Взял с собой незаконный том «Между городом и городом», и всё.

Чтобы достигнуть укрытия Иоланды и Айкама, у меня ушёл почти целый день. Последний мой день в Уль-Коме. Я поочерёдно брал такси в разные концы города.

— Надолго остановились? — спросил у меня последний водитель.

— На пару недель.

— Вам здесь понравится, — сказал он по-иллитански с энтузиазмом новичка. — Лучший город в мире.

Он был курдом.

— Тогда покажите мне ваши в нём любимые места, — предложил я. — У вас не бывает неприятностей? Я слышал, не все здесь приветливы с иностранцами...

Он вроде как фыркнул:

— Дураки есть повсюду, но это лучший город.

— Как долго вы здесь пробыли?

— Четыре года с чем-то. Год был в лагере...

— В лагере для беженцев?

— Да, в лагере, и три года занятий по гражданству Уль-Комы. Говорить по-иллитански и учиться, знаете ли, не делать что-то, а, знаете, не-видеть другого города, чтобы не делать брешь.

— В Бещель никогда не думали съездить?

Ещё одно фырканье.

— Что в Бещеле? Уль-Кома — лучший город.

Сначала он провёз меня мимо «Орхидариума» и стадиона Ксхинкис-Канна, туристическим маршрутом, которым, очевидно, ездил и раньше, а когда я предложил ему уступить более личным предпочтениям, он начал показывать мне общественные сады, где наряду с урождёнными улькоманами те курды, пакистанцы, сомалийцы и сьерра-леонцы, что протиснулись сквозь жёсткие условия для въезда, играли в шахматы, причём различные сообщества относились друг к другу с вежливой неопределённостью. На перекрёстке каналов он, стараясь не сказать ничего однозначно незаконного, указал мне туда, где барки двух городов — прогулочные суда в Уль-Коме, несколько рабочих транспортных судов, невидимых в Бещеле, — огибали друг друга.

— Видите? — сказал он.

Какой-то человек на противоположной стороне шлюза неподалёку, наполовину скрытый людьми и маленькими городскими деревьями, смотрел прямо на нас. Я встретился с ним взглядом — мгновение я не был уверен, но потом решил, что он должен находиться в Уль-Коме, так что бреша не было, — пока он не отвёл глаза. Я пытался проследить, куда он пошёл, но тот пропал.

Выбирая между различными достопримечательностями, которые предлагал водитель, я постарался, чтобы итоговый маршрут пересекал весь город. Я поглядывал в зеркала, пока он вёл машину, радуясь грядущей выручке. Если нас преследовали, то это были очень умудрённые и осторожные шпионы. После трёх часов сопровождения я уплатил ему смехотворную сумму в гораздо более твёрдой валюте, чем та, в которой платили мне, и велел высадить меня там, где съёмные дома задних улочек примыкали к дешёвым магазинам подержанной одежды, в двух шагах от жилого массива, где скрывались Иоланда и Айкам.

Какое-то время я думал, что они от меня сбежали, и я закрыл глаза, но всё повторял шёпотом возле самой двери: «Это я, это Борлу, это я», — и наконец та открылась, и Айкам ввёл меня в квартиру.

— Собирайтесь, — сказал я Иоланде. Она показалась мне даже ещё более грязной, худой и поражённой животным ужасом, чем в прошлый раз. — Вот, держите свои документы. Будьте готовы согласиться со всем, что мы с коллегами скажем кому бы то ни было на

границе. И заставьте влюблённого мальчика свыкнуться с мыслью, что он не поедет, потому что нам не нужна сцена в Связующем зале. Мы вас вывозим.

Она заставила его остаться в комнате. Казалось, он её не послушается, но она его заставила. Я не верил, что он может стать ненавязчивым.

Вновь и вновь он назойливо спрашивал, почему ему нельзя поехать с нами. Она показывала ему, где у неё его номер, и клялась, что будет звонить из Бещеля и из Канады и что вызовет его туда. Ей понадобилось несколько таких обещаний, чтобы он в конце концов застыл, с несчастным видом глядя в пространство, словно пёс, которым пренебрегли, меж тем как мы закрыли за собой дверь и быстро прошли через светотени к углу парка, где Дхатт ждал нас в полицейской машине без опознавательных знаков.

— Иоланда.

Он кивнул ей с водительского сиденья.

— Шило у меня в заднице.

Он кивнул мне. Мы тронулись.

— Что за хрень? Кого именно вы разозлили, мисс Родригез? Вы разорили всю мою жизнь и заставили сотрудничать с этим иностранным психом. Одежда там, на заднем сиденье, — сказал он. — Теперь я, конечно, останусь без работы.

Вполне могло быть, что он не преувеличивал. Иоланда не сводила с него глаз, пока он не глянул в зеркало и не рывкнул на неё:

— Чёрт, вы что, думаете, я подглядываю?

И тогда она съёжилась на заднем сиденье и стала выкручиваться из своей одежды, заменив её формой *милиции*, которая пришлась ей почти впору.

— Мисс Родригез, делайте, как я говорю, и держитесь ближе. Там лежит и карнавальный костюм для того, кто, может быть, тоже станет нашим гостем. А это для вас, Борлу. Может избавить нас кое от какой дряни.

Это была куртка с отогнутой эмблемой *милиция* на ней. Я сделал её видимой.

— Жаль, на ней нет знаков различия, — посетовал Дхатт. — Я бы здорово понизил вас в звании.

Он не вилял и не совершал ошибку, свойственную виноватым и нервничающим водителям, которая заключается в том, чтобы ехать медленнее и осторожнее, чем машины вокруг. Мы выехали на главные улицы, и он, как это принято на уль-комских дорогах, щёлкал переключателем, включая и выключая фары при нарушениях других водителей, посылая маленькие сообщения кода дорожной ярости, похожие на агрессивную азбуку Морзе: *щёлк-щёлк-щёлк*, ты подрезал, *щёлк-щёлк-щёлк-щёлк*, возьмишь за ум.

— Он снова звонил, — тихонько сказал я Дхатту. — Может, он там будет. А значит...

— Ну же, заноза в заднице, повтори! А значит, он тоже переезжает, верно?

— Ему надо выбраться. Есть у вас запасные документы?

Он выругался, ударив по рулевому колесу:

— Чёрт, как же я жалею, что не придумал, как отговорить себя от этой хрени! Я-то надеялся, что он не придёт. Надеялся, что Оркини до него таки доберётся. — Иоланда уставилась на него. — Прощупаю, кто там на смене. Будьте готовы распотрошить свой бумажник. Если обернётся совсем уж худо, дам ему свои чёртовы бумаги.

Мы увидели Связующий зал над крышами домов, через кабели телефонных станций и газовых комнат, за несколько минут до того, как к нему подъехали. На том маршруте, каким мы следовали, нам первым делом пришлось миновать, по возможности не-видя, здание, тыл которого был обращён к Уль-Коме, а фасад находился в Бещеле, и очереди бещельских и возвращающихся уль-комских пассажиров, шипевшие в терпеливом возмущении. Вспыхивали бещельские полицейские мигалки. Мы, как и обязаны были, все это не-видели, хотя при этом не могли не знать, что в ближайшее время окажемся на той стороне. Обогнув огромное здание, мы подкатили ко входу в него со стороны проспекта Уль-Майдин, напротив Храма Неизбежного Света, где медленно продвигалась очередь в Бещель. Там Дхатт припарковался — небрежно, не поправившись, наискось от бордюра, с таким чванством *милищи*, оставив ключи висящими наготове, — и мы вышли, чтобы через вечерние толпы приблизиться к широкому двору и границам Связующего зала.

Внешние охранники ни о чём нас не спрашивали и вообще ничего не говорили, когда мы рассекали людские очереди и шли по дорогам, пробираясь через стоящие машины, лишь пропустили нас в ворота ограниченного доступа на территорию собственно Связующего зала, где огромное здание готово было нас поглотить.

Пока мы шли, я смотрел по сторонам. Я шагал позади Иоланды, неловко двигавшейся в своей маскировке. Смотрел поверх торговцев едой и всякой всячиной, охранников, туристов, бездомных мужчин и женщин, других работников *милиции*. Из множества входов мы выбрали самый открытый, широкий и лишённый извивов, под сводом старой кирпичной кладки, с хорошей видимостью через зияющее промежуточное пространство, над массой толп, заполнявших гигантское помещение по обе стороны от контрольно-пропускного пункта — хотя желающих переместиться из Бещеля в Уль-Кому было заметно больше.

Из этого положения, с этой точки зрения, мы впервые за долгое время не должны были не-видеть соседний город: можно было смотреть вдоль дороги, которая связывала с ним Уль-Кому, через метры ничейной земли и границу за её пределами, непосредственно в сам Бещель. Прямо вперёд. На ждавшие нас синие огни. Бещельский «синяк», едва видимый за опущенными воротами между государствами, мигание которого мы не-видели несколько минут назад. Когда мы миновали внешние пределы архитектуры Связующего зала, в дальнем его конце я увидел фигуру в полицейской форме, стоявшую на платформе, с которой наблюдали за толпами бещельские пограничники. Женщина — она была ещё очень далеко, по бещельскую сторону ворот.

— Корви.

Я не осознавал, что произнёс её имя вслух, пока Дхатт не спросил у меня:

— Это она?

Хотел было ответить, что на таком расстоянии не разглядеть, но он сказал:

— Погодите секунду.

Он смотрел назад, туда, откуда мы пришли. Мы стояли несколько особняком от большинства тех, кто направлялся в Бещель, между очередями ожидающих путешественников, на тонкой полосе тротуара,

мимо которой медленно проезжали машины. Дхатт был прав: в одном из мужчин позади нас присутствовало что-то такое, что приводило в замешательство. Внешность у него была ничем не примечательна: он кутался от холода в серый уль-комский плащ. Но он шёл, точнее, волочил ноги по направлению к нам, пробираясь как-то поперёк прямо двигавшейся очереди своих товарищей-пешеходов, и за спиной у него я увидел недовольные лица. Он проталкивался через очередь, идя к нам. Иоланда увидела, куда мы смотрим, и тихонько вскрикнула.

— Идём-идём, — сказал Дхатт и, обхватив её за плечи, зашагал ко входу в туннель.

Но я, заметив, что фигура позади нас тоже пытается увеличить скорость, насколько это возможно в окружении других людей, а также превзойти нашу собственную и подойти к нам, вдруг повернулся и двинулся в его сторону.

— Выводите её, — сказал я Дхатту, не оборачиваясь. — Быстрее, ведите её к границе. Иоланда, там идите к женщине- *полицей*. Быстро.

Я ускорил шаг.

— Подождите, — сказала мне Иоланда, но я слышал, что её увещевает Дхатт.

Я сосредоточился на приближающемся человеке. Тот не мог не видеть, что я к нему иду, и, замешкав, полез в куртку, а я пошарил у себя на боку, но вспомнил, что в этом городе пистолета при мне не было. Человек попятился на шаг-другой. Вскинул руки и развернул шарф. Выкрикнул моё имя. Это был Боуден.

Он вытащил что-то, пистолет свисал у него из руки так, словно он вызывал у него аллергию. Пригнувшись и бросившись на него, я услышал позади себя некий звук, похожий на громкий выдох. Мгновением позже сзади донёсся ещё один резкий выдох и раздались вопли. Дхатт выкрикивал моё имя.

Боуден смотрел вверх моего плеча. Я оглянулся. Дхатт присел между машинами в нескольких метрах от меня. Он корчился и мычал. Водители горбились в своих автомобилях. Их крики распространялись, перекидываясь на шеренги пеших путешественников в Бещель и в Уль-Кому. Дхатт наклонялся над Иоландой. Та лежала, словно её отбросило. Я не видел её отчётливо, но на лице у неё была кровь. Дхатт держался за плечо.

— Я ранен! — крикнул он. — Иоланда... Свет, Тьяд, её застрелили, наповал...

Где-то далеко в зале начались волнения. За степенно двигающимися машинами в дальнем конце огромного помещения я увидел всплеск толпы в Бещеле, движения которой были подобны движениям охваченного паникой стада животных. Люди разбегались от фигуры какого-то человека, который опирался, нет, поднялся, держа что-то обеими руками. Винтовку, из которой он целился.

25

В последний месяц перед побегом я провожу много времени на улице. На земле еще лежит снег, но я подолгу прогуливаюсь в апельсиновой роще, одна играю в мини-гольф. Так, день за днем, проходит целый месяц.

Утро дня, выбранного нами для побега, я провожу, лежа на батуте и слушая, как при каждом моем движении недовольно поскрипывают пружины. Это было любимым местом Дженны, ее личным пристанищем.

Именно здесь меня и находит Сесилия. В ее рыжих волосах застревают снежинки.

– Привет, – говорит она.

– Привет.

– Можно к тебе? – спрашивает она.

Я хлопаю ладонью по месту рядом с собой, и она взбирается на батут.

– Где твой малыш?

– С Распорядителем Воном, – с некоторой грустью отвечает она.

Других объяснений не требуется. Она устраивается возле меня, обнимает обеими руками за локоть и вздыхает.

– Чем займемся? – спрашивает она.

– Не знаю, – отвечаю я.

– Я действительно не верила, что она умрет, – скороговоркой выпаливает Сесилия. – Думала, у нее еще целый год впереди, а там и противоядие найдут, вот и... – она умолкает, не закончив фразу.

Лежа на спине, наблюдаю за тем, как облачка пара, вырывающиеся из наших ртов, растворяются в холодном воздухе.

– Сесилия, – не выдерживаю я. – Пойми же наконец, нет и не будет никакого противоядия!

– Почему ты не веришь в силу науки? Распорядитель Вон – талантливейший врач. Он упорно работает, и у него есть теория, объясняющая причину возникновения болезни. Все дело в том, что люди первого поколения были зачаты в пробирке. Поэтому, если ребенка зачать и родить естественным путем, его можно вылечить при помощи... – она делает паузу, пытаюсь вспомнить нужные слова, а

затем произносит их так осторожно, будто они сделаны из хрупкого стекла: – врачебного вмешательства.

– Ну-ну, – отзываюсь я с безрадостным смехом.

Сесилия не знает, что мои родители посвятили свою жизнь поиску антидота, и даже не представляет себе, насколько трудно мне поверить в альтруистические мотивы действий Вона. Помимо этого, я не рассказываю ей и о теле Роуз, которое видела в подвале, и о том, что Дженна, вероятно, тоже внизу, лежит в морозильной камере или расчленена на мелкие кусочки.

– Он найдет противоядие, – убежденно повторяет Сесилия. – Он просто обязан его найти.

Мне понятно ее нежелание взглянуть правде в глаза: жизнь ее сына зависит от воображаемого антидота Вона, но я не в том настроении, чтобы притворяться. Отрицательно качаю головой, любуясь тем, как с побелевшего неба, кружась в неистовом танце, падает снег. Если взглянуть вверх, мир кажется кристально чистым.

– Обязан, – упрямо повторяет Сесилия. Сейчас она нависает надо мной, закрывая собой плывущие в вышине облака. – Ты должна остаться и позволить ему себя вылечить, – настаивает она. – Я знаю, что ты готовишь побег. Неужто ты думала, я вообще ничего не понимаю?

– Что-о-о? – приподнимаясь, выдыхаю я.

Схватив меня за руку, Сесилия наклоняется ко мне с серьезным выражением лица.

– Мне известно все про тебя и того слугу. Видела, как он тебя поцеловал.

Ясно, откуда возник тот странный шум в коридоре.

– Так это была ты? – уточняю я чужим, приглушенным голосом.

Мне начинает казаться, что этот разговор ведут два незнакомых мне человека, а я лишь подслушиваю их со стороны.

– У тебя есть долг как у жены, а этот слуга отвлекал тебя от выполнения твоих обязанностей. Я подумала, что, когда он исчезнет из твоей жизни, ты поймешь, какой Линден хороший муж, заживешь реальной жизнью. Так оно и случилось, ведь правда? Тебе же нравятся все эти вечеринки?

Неожиданно мне становится трудно дышать.

– Так это ты обо всем рассказала Распорядителю Вону.

– Я сделала это, чтобы помочь тебе, – настаивает она, сжимая мою руку. – Мы с ним ради тебя старались. Вот Распорядитель Вон и перевел Габриеля в другую часть дома.

Вырываю свою руку из ее цепких пальцев. У меня одно желание – отодвинуться от нее, убежать отсюда как можно дальше, но я почему-то не могу сдвинуться с места.

– Что еще ты ему рассказала?

– Я знаю больше, чем ты думаешь, – продолжает она. – Вы с Дженной организовали свой маленький клуб, куда мне вход был заказан. И хотя вы никогда мне ничего не рассказывали, знаешь, не такая уж я и дуручка. Мне хватило мозгов понять, что именно Дженна помогала тебе видеться с тем слугой. А это никуда не годится! Как ты не понимаешь? Линден любит тебя, а ты – его! Он чудесно к нам относится, Распорядитель Вон скоро найдет противоядие, здесь нас ждет долгая счастливая жизнь.

Ее слова берут меня в ледяное кольцо, как густой рой белых мух-снежинок. Судорожно вдыхаю морозный воздух. В голове раздается голос Вона: «Ну ледышка просто. Моя бы воля, отправил бы ее на корм рыбам».

– Ты хоть понимаешь, что наделала? – восклицаю я.

– Я помогла тебе, – выкрикивает она.

– Ты убила ее! – кричу я в ответ.

Закрываю глаза ладонями. Мне хочется заорать на весь мир, хочется сделать много вещей, о которых я, скорее всего, пожалею, поэтому я просто сижу, не двигаясь, и пытаюсь восстановить дыхание.

Но я не могу молчать бесконечно. Сесилия забрасывает меня вопросами: «Что? Что ты хочешь этим сказать? О чем ты вообще говоришь?» В конце концов мое терпение лопається.

– Ты убила Дженну! Вот что! Ты растрепала Распорядителю Вону, что она сует нос не в свои дела, и он с ней разобрался! Я не знаю, как именно он ее убил, но смерть Дженны – его рук дело! Ему нужен был только повод, чтобы расправиться с ней, и ты ему его предоставила. А Габриель? Он заперт в этом... жутком подвале. И все это на твоей совести!

Неверие, сквозящее в ее карих глазах, постепенно перерастает в страх. Видно, как отчаянно она сопротивляется, не желая признавать очевидное.

– Нет, – упорствует она, отводя взгляд и категорично покачивая головой. – Дженна умерла от вируса, и...

– Дженне было только девятнадцать, – перебиваю я Сесилию. – Ее не стало за неделю, в то время как Роуз смогла протянуть несколько месяцев. Если твой Вон такой расчудесный врач, будь добра, объясни, почему, несмотря на все его старания, Дженна сгорела так быстро.

– К-каждый случай особый, – лепечет она и вдруг вскрикивает: – Подожди! Ты куда?

Поняв, что я не в силах выдерживать более ее присутствие, спрыгиваю на землю и бегу прочь. Несусь, не разбирая дороги, но она не отстает – я слышу хруст снега под ее ногами. Наконец Сесилии удастся со мной поравняться и схватить меня за руку, но я с такой силой отталкиваю девушку, что она отправляется прямиком в сугроб.

– Ты просто его копия! – кричу я. – Чудовище, как и он! Твоего сына ждет та же участь! Но ты даже не увидишь, в кого он превратится, потому что тебе осталось только шесть лет жизни. Когда вы с Линденом оба будете мертвы, Боуэн станет новой игрушкой Распорядителя Вона.

Из ее покрасневших глаз катятся слезы. Она трясет головой, все повторяя: «Нет, нет, нет» и «Ты ошибаешься», хотя понимает, что я права. На ее лице читается искреннее раскаяние, но я все равно срываюсь с места и бегу дальше, опасаясь, что, если помедлю, потеряю над собой контроль и сделаю с ней что-нибудь ужасное. Удаляясь все больше, слышу, как она душераздирающим голосом выкрикивает мое имя с таким отчаянием, будто ее убивают. Может, это и вправду предсмертные хрипы Сесилии. Ее и так ждет довольно скорая смерть. Вот только умирать она будет медленно. Понемногу. В течение шести лет.

Наступает мой последний день в доме Линдена. Или Вона, ведь это он здесь всем заправляет, Линден же просто пешка, как и его жены. Было бы проще, если бы то острое чувство ненависти, которое я изначально испытывала к мужу, не ослабло. Тогда можно было бы сбежать от его жестокой тирании без малейшего сожаления. Но в глубине души я знаю, что он вовсе не чудовище, поэтому самое меньшее, что я могу для него сделать, так это сказать ему пару слов на прощанье. Следующим утром, когда он проснется, я уже буду далеко

отсюда. Он посчитает, что я умерла, и развеет мой прах. Или, может, Сесилия найдет для него местечко рядом с урной Дженны.

Сесилия, моя последняя оставшаяся в живых сестра. Весь день я стараюсь не попадаться ей на глаза, правда, нет нужды прикладывать к этому особые усилия – она будто бы испарилась. Когда Сесилия даже не спускается к обеду, Линден, конечно, начинает переживать по поводу того, что она в последнее время почти ничего не ест, интересуется, не заметила ли я каких-нибудь изменений в ее поведении. Я отвечаю, что, учитывая недавние события, ведет она себя вполне нормально. Линден так и не смог понять, какую боль нам причинил уход Дженны. Поэтому, когда я ссылаюсь на него как на причину необычного поведения Сесилии, Линден замолкает.

Он едва знал Дженну, и теперь мне кажется, что нас троих украли вовсе не для Линдена; просто Вону нужно было еще одно тело для своих экспериментов по созданию антидота. Дженна стала расходным материалом, предназначение Сесилии – рожать детей, а меня, видимо, выбрали как усладу для глаз.

После обеда, около восьми часов вечера, я вызываю Дейдре, чтобы она приготовила мне ромашковую ванну. Она выглядит подавленной. После смерти Дженны Эдера продали с аукциона, так что я не единственная, кто потерял друга. Дейдре не сидит сложа руки. Пока я принимаю ванну, она расставляет баночки и тюбики с косметикой на туалетном столике. Невольно задаюсь вопросом, что с ней будет после моего побега, продадут ли ее в другой дом. Кто знает, может, она станет присматривать за Боуэном. Она немного моложе Сесилии и проживет достаточно долго, чтобы увидеть Боуэна уже подростком. Дейдре могла бы утешать его, когда он плачет, и уж наверняка рассказала бы ему об удивительных вещах, которыми богат наш мир, например о том пляже, что нарисовал ее отец.

– Иди сюда! Давай поболтаем, – зову я ее.

Дейдре садится на край ванны и делает слабую попытку улыбнуться. Но печаль, охватившая весь наш этаж, затронула и ее.

Силюсь сказать ей что-нибудь перед расставаньем, но так, чтобы не было ясно, что это прощальные слова, но, к моему удивлению, она первой прерывает затянувшуюся паузу:

– Ты ведь не такая, как другие, да?

– Что? – непонимающе переспрашиваю я.

Моя голова покоится на свернутом полотенце, лежащем на краю ванны, и Дейдре начинает заплетать мои влажные волосы в косу.

– Все дело в твоей манере себя вести, – продолжает она. – Ты как... кисть для рисования.

– И что это значит? – спрашиваю я, открывая глаза.

– Вообще-то это был комплимент, – объясняет она. – Со времени твоего появления все здесь изменилось к лучшему. – Она взмахивает рукой, словно рисуя в воздухе картину. – Мир стал как-то ярче, веселее.

Ну и шутки у нее. Габриель заперт в подвале, а Дженна мертва.

– Я тебя не совсем понимаю, – говорю я.

– Коменданта Линдена не узнать. Он теперь гораздо сильнее. Счастливее. А раньше был таким хрупким. Просто все стало... лучше.

Я еще не до конца понимаю, о чем она толкует, но, догадавшись по ее тону, что речь идет о чем-то важном, дарю ей благодарную улыбку.

Правда ли это? Не знаю. Вспоминаю, что сказала ему по дороге на вечеринку. Мол, когда станет теплее, я научу его плавать. Может, подобные пустяки и делают Линдена таким счастливым, как уверяет меня Дейдре. Мне придется записать это обещание вторым пунктом в список клятв, которые я не выполнила, сразу после данного Роуз слова позаботиться о нашем с ней муже. Но когда Роуз брала с меня это обещание, она не включила в уравнение Сесилию. Как ни крути, они с Линденом лучше подходят друг другу. Она так ему предана, что без колебаний заложила Вону и Дженну, и меня. Это ей не терпелось родить Линдену ребенка, вдобавок их обоим не очень-то интересуется реальный мир за границами этого поместья. Так что они могут стать почти идеальной парой. Два влюбленных голубка, запертых в одной клетке. Я изрядно проигрываю в сравнении с Сесилией. Моя голова забита географическими атласами и картами. Ну и что с того, что мы с Роуз похожи? Я – не она, пусть ей и пришлось его оставить.

– Готова вылезать? – спрашивает Дейдре.

– Да.

Пока я переодеваюсь в ночную рубашку, Дейдре готовит постель ко сну.

– Ты меня накрасишь? – спрашиваю я, усаживаясь на диванчик.

– Прямо сейчас? – удивляется она.

Киваю.

Она в последний раз колдует над моим лицом.

Вызываю одного из слуг и прошу его найти Линдена. Через несколько минут в дверях появляется он.

– Ты меня искала? – Он собирается сказать еще что-то, но, заведя меня – выразительный макияж, волосы небрежно спадают на плечи естественной волной, сегодня я обошлась без укладки, – умолкает.

На мне один из шедевров Дейдре, свитер крупной вязки, похожий на пушистое облачко, и пышная черная юбка, поблескивающая россыпью черных алмазов.

– Прекрасно выглядишь! – выдавливает наконец он.

– Я просто подумала, что так и не видела террасу, – говорю я.

– Ну, тогда пойдем. – Он протягивает мне руку.

Терраса располагается на первом этаже. Она примыкает к танцевальному залу, которым почти никогда не пользуются. Все столы и стулья накрыты тканью, так что создается впечатление, будто привидения заснули здесь сразу после окончания грандиозной вечеринки. Мы рука об руку пересекаем зал, лавируя в темноте между предметами мебели, и останавливаемся перед раздвижными стеклянными дверями. С угольно-черного неба, словно крошечные осколки далеких звезд, сыпятся снежинки, рисуя в воздухе замысловатые узоры.

– Не слишком ли там холодно? – колеблется Линден.

– Да брось ты! Только посмотри, какая ночь, – подначиваю я его.

Терраса представляет собой обыкновенную открытую веранду с двухместными качелями и плетеными креслами, развернутыми в сторону апельсиновой рощи. Линден смахивает снег, и мы вдвоем устраиваемся на качелях. Сидим, не говоря ни звука, а вокруг нас тихо падает снег.

– Это нормально, то, что ты по ней скучаешь, – нарушаю тишину я. – Она была любовью всей твоей жизни.

– Но не единственной, – добавляет он и обнимает меня за плечи, окружая знакомым запахом своего шерстяного пальто. – Мне кажется неправильным думать о ней так часто, как это делаю я.

– Не гони свои воспоминания, – стараюсь переубедить я его. – Думай о ней хоть каждый день. Но, кроме этого места, нигде больше

не ищи. Все равно не найдешь. Заметив ее в уличной толпе, ты, конечно, нагонишь ее, тронешь за плечо, она обернется, и окажется, что ты преследовал незнакомку.

Я сама делала так на протяжении многих месяцев после смерти родителей. Под его пристальным взглядом я легонько стучу пальчиком по его груди, там, где сердце.

– Храни ее здесь, ладно? Это единственный уголок вселенной, где ты всегда сможешь ее найти.

Он в ответ улыбается мне, сверкая золотыми коронками. Когда я впервые увидела Линдена, то решила, что они говорят о его власти и положении, а оказалось, это шрамы, оставшиеся болезненному мальчику на память от тяжелой инфекции, лишившей его нескольких зубов. И нет в нем ничего зловещего.

– Ты, как я понимаю, о потерях знаешь не понаслышке, – говорит он.

– Кое-что знаю, – соглашаюсь я и склоняю голову ему на плечо.

От его шеи исходит тепло и едва различимый аромат мыла.

– Мне все еще неизвестно, откуда ты родом. Иногда я думаю, что ты просто появилась из ниоткуда.

– Бывают дни, когда меня посещают такие же мысли, – признаюсь я.

Линден переплетает свои пальцы с моими. Мне чудится, что сквозь два слоя одинаковых белых перчаток я чувствую биение его пульса. Руки наши – превосходные обманщицы. Или нет? Со стороны кажется, что они принадлежат мужу и жене, можно даже разглядеть очертания моего обручального кольца, спрятанного под перчаткой. А то, как тесно прижаты друг к другу наши ладони? Словно Линден пытается стереть границу между моим телом и его.

Но руки ничего не говорят о том, что это наша последняя встреча, последнее прикосновение. Все вечеринки останутся в прошлом, у нас никогда не будет общего ребенка, и, когда придет срок, мы не разделим одно смертное ложе на двоих.

Интересно, умрем ли мы в один и тот же день, но каждый под крышей своего родного дома, разделенные многими милями? Мне хочется верить, что в этот момент Сесилия окажется с ним рядом, положит его голову себе на колени, почитает вслух и порассуждает о

чем-нибудь приятном. Надеюсь, что к тому времени я сотрусь из памяти Линдена и его душа сможет обрести мир и покой.

Меня не оставляет надежда на то, что Вон все же не такое бессердечное чудовище, каким я его считаю, и перед сожжением тела собственного сына не подвергнет его ни вскрытию, ни расчленению, что, в конце концов, в апельсиновой роще развеют прах именно Линдена, а не кого-то еще.

Что до меня, о собственной смерти я стараюсь много не думать. Все, чего я хочу, это провести остаток жизни в родительском доме на Манхэттене, рядом с братом. А возможно, и с Габриелем. Попробую научить его всему, что знаю о мире. Тогда он сможет найти работу, даже в гавани, если повезет, так он не пропадет, когда меня не станет.

– Милая, что с тобой? – удивляется Линден, и я вдруг понимаю, что мои глаза полны слез. Странно, что на таком морозе они не превратились в льдинки.

– Все в порядке, – отвечаю я. – Просто задумалась о том, как мало осталось времени.

Сейчас у Линдена такой же взгляд, какой появляется у него, когда он спрашивает меня, что я думаю о том или ином его проекте. Словно он хочет проникнуть ко мне в голову. Понять и быть понятым.

Окажись мы в другом месте в другое время, кем бы мы могли стать друг для друга?

И тут я понимаю, как все-таки нелепо звучат мои рассуждения. В другом месте в другое время меня бы не похитили, чтобы насильно выдать замуж, а он бы не застрял в этом доме-ловушке. Линден мог бы стать известным архитектором, а я, почему бы и нет, жила в одном из спроектированных им домов, состояла в нормальном браке и рожала бы ребятишек, которых ожидала бы долгая счастливая жизнь.

– Задумалась о том, как мало осталось времени тем, кто живет в твоих прекрасных домах, – говорю я, выдавливая из себя ободряющую улыбку, и с коротким смешком сжимаю его руку.

Он прижимается лбом к моему виску и закрывает глаза.

– Когда станет потеплее, я покажу тебе несколько уже реализованных проектов, – обещает Линден. – Занятно видеть, как люди в них что-нибудь меняют. Заводят домашних животных, ставят качели. Сразу видно, что в доме кто-то живет. Иногда этого достаточно, чтобы отогнать грустные мысли.

– Я бы с удовольствием, Линден.

Молчим. Он крепко прижимает меня к себе, но снег и холод ему не по душе, и в скором времени он отводит меня обратно в спальню. Обмениваемся нашим последним поцелуем. Его холодный нос касается моего.

– Спокойной ночи, милая.

– До свидания, милый, – отзывается я.

Прощальные слова звучат так естественно небрежно, что заподозрить что-либо просто невозможно. Он заходит в лифт, двери закрываются. Линден покидает мой мир навеки.

Дверь в спальню Сесилии приоткрыта. Хозяйка комнаты в ночной сорочке с распахнутым воротом сидит в кресле-качалке и пытается приложить к груди Боуэна. Тот с недовольным хныканьем сучит ножками и вертится на руках матери.

– Ну возьми же, ну пожалуйста, – уговаривает она его, приглушенно всхлипывая, но малыш ни в какую не поддается.

Насчет кормилицы Вон соврал. Я сама видела, как он давал Боуэну бутылочку, а ребенок, хоть раз попробовавший на вкус сладкую смесь, грудное молоко пить больше не будет. Об этом мне рассказали родители, когда наблюдали за детьми в своей лаборатории. Но Сесилия даже не подозревает ни о чем подобном. Вон медленно, но верно отбирает у нее Боуэна, получая над ним такую же власть, какую имеет над Линденом. Он хочет уверить молодую мать в том, что собственный сын ее не любит.

Я целую вечность стою в коридоре, молча наблюдая за Сесилией, восторженной юной невестой, превратившейся в бледную, изнуренную женщину. Вспоминаю тот день, когда она, споткнувшись, плюхнулась в воду прямо с трамплина для прыжков и мы плавали среди фантастических водорослей в поисках голограмм морских звезд. Это мое самое дорогое воспоминание о ней, но и оно лишь мираж.

Хотя нет, есть еще одно, лучше. Когда я была прикована к постели, она принесла мне букет лилий.

В голову не приходит ни одного подходящего способа попрощаться с ней. В итоге я разворачиваюсь и ухожу прочь так же тихо, как и пришла, оставляя ее наслаждаться той жизнью, о которой она так мечтала. Однажды я перестану ее ненавидеть. Знаю, она еще совсем ребенок, глупенькая, наивная девчушка, запутавшаяся в

паутине лжи, сотканной Воном. Но, когда я смотрю на нее, перед глазами возникает холодное тело Дженны под простыней, готовое к вскрытию. Этого я Сесилии простить не могу.

Последнее место, с которым надо попрощаться, – спальня Дженны. Я долго-долго стою в дверях, разглядывая комнату. Щетка для волос, забытая на комод, может принадлежать кому угодно; любовного романа в мягкой обложке здесь будто бы никогда и не было; однако зажигалка, та самая, которую Дженна стащила у слуги, лежит теперь на самом видном месте. Наверное, я первая, кто ее заметил. Кладу зажигалку себе в карман. Хочу сохранить эту единственную, пусть и крошечную, частичку, оставленную жившей когда-то в этой комнате девушкой. Здесь больше нет ничего, имевшего хоть какое-то значение для Дженны. Даже матрас и тот основательно почистили, и теперь застеленная свежими простынями кровать ждет прихода хозяйки, которая опустит усталую голову на ее подушки. Но Дженна уже не придет, хотя кто знает? Может, скоро в эту спальню вселится следующая молодая хозяйка.

Мне не с чем здесь больше простаться. Не осталось и следа от девушки с озорной улыбкой, умеющей так чудесно танцевать. Она ушла отсюда навсегда, чтобы, соединившись со своими сестрами, обрести где-то свободу. Но если бы в эту секунду Дженна была рядом, она бы наверняка сказала: «Вперед».

Часы на прикроватной тумбочке показывают мне время – 9.50. Возникает ощущение, что Дженна буквально выталкивает меня за дверь.

Ухожу молча. Не прощаясь.

26

Спускаюсь на лифте на первый этаж и прохожу через кухню в полной уверенности, что там никого нет. Едва притрагиваюсь к дверной ручке, как за спиной раздается голос:

– Холодно для прогулки, не правда ли?

Резко поворачиваюсь. Из коридора появляется старшая повариха, убирая со лба засаленные пряди.

– Немножко пройду, – оправдываюсь я. – Не уснуть никак.

– Ты поосторожней там, блондиночка, – говорит она. – С такой погодой шутить опасно. Выйдешь погулять, заплутаешь, и поминай как звали. Никто же такого не хочет, верно? – добавляет она с хитрой улыбкой.

– Разумеется, нет, – осторожно отвечаю я. Что ей известно?

– Вот на всякий случай кое-что, чтобы согреться.

Когда она подходит ближе, замечаю у нее в руках термос. Она сует мне его в руки. Он такой горячий, что я чувствую его тепло даже сквозь перчатки.

– Спасибо, – благодарю я.

Она открывает мне дверь.

– Осторожно, – напутствует она, сопроводив слова хлопком по плечу. – Там холодно.

Делаю шаг наружу. Когда оборачиваюсь, чтобы поблагодарить ее, упираюсь в закрытую дверь.

Снегопад усиливается. Я долго пробираюсь по сугробам: чтобы замести следы, уходит много времени. Отойдя на достаточное расстояние от дома, начинаю тихонько звать Габриеля, но ветер заглушает мой голос. Ощущение, будто я снова в центре урагана, на сей раз снежного. Наткнувшись на дерево, на ощупь бреду по краю рощи и все громче зову его по имени. В конце концов нахожу голограмму. Бросаюсь к дереву и ныряю сквозь него. Сейчас я далеко от дома и могу кричать во весь голос:

– Габриель! Габриель!

Но он все не идет. И я понимаю, что скоро мне придется сделать выбор: направиться к океану без Габриеля или пойти назад в снежный вихрь и попробовать разыскать его. В любом случае, обратно я не

вернусь. Даже если Габриель сам никогда не плавал на лодках, ему о них все равно известно больше, чем любому из моих знакомых, а я так и вообще в этом деле профан. Но самое главное, я боюсь того, как поступит Вон, если Габриель останется в особняке после моего исчезновения. Распорядитель сразу догадается, кто помог мне бежать. Решено.

В ту секунду, когда я осознаю, что не смогу уйти без Габриеля и мне придется отправиться на его поиски, кто-то хватает меня за запястье.

– Рейн.

Оборачиваясь, теряю равновесие и падаю прямо в его объятия. Во второй раз, уже посреди другой бури, он пришел, чтобы помочь мне устоять. Я так хочу рассказать обо всем, что произошло за этот ужасный месяц без него, но времени нет. Ветер становится еще сильнее, и слов уже не разобрать, поэтому мы просто бежим, рука об руку, в темноту.

В завываниях ветра мне чудятся голоса. Вот смех моих родителей, вот Роуэн будит меня на мое очередное дежурство, вот плачет малыш Сесилии, а Линден говорит, что любит меня. Я не останавливаюсь. Не отвечаю. Мы то и дело вязнем в сугробах или спотыкаемся о ветки, но каждый раз помогаем друг другу подняться. Ничто не может нас остановить. Наконец добираемся до ворот. Они, разумеется, закрыты.

Находим считывающее устройство, но моя карта-ключ не срабатывает. Неужто я и вправду думала, что все получится так легко?

– Что теперь? – перекрикивает ветер Габриель.

Иду вдоль забора, ищу, где же он заканчивается, но скоро становится яснее ясного, что конца у него нет; он, должно быть, огибает все имение кольцом длиною во много миль.

Что теперь?

Я не знаю. Не знаю.

Спасение так близко. Просовываю пальцы сквозь решетку, и вот моя рука оказывается на свободе. Мне почти удается ухватиться за ветку растущего по ту сторону забора дерева. Безумным взглядом шарю вокруг. На деревья забраться невозможно; ветви расположены слишком высоко; ограда обледеневшая. Пытаюсь сколоть наледь с решетки. Бесполезно. Но я не оставляю попыток до тех пор, пока Габриель не оттаскивает меня прочь. Расстегнув свое шерстяное

пальто, он прижимает меня к своей груди и запахивает его поверх нас обоих. Стоим на коленях, привалившись к сугробу, и мне кажется, я знаю, какие слова вертятся у него на языке. Выхода нет. Мы замерзнем и умрем.

Но я совершенно не чувствую ни капли покорности судьбе, которая овладела мною во время урагана. В ту ночь я была совершенно уверена, что умру, и все же какой-то внутренний голос приказывал мне идти вперед и не сдаваться: забравшись на маяк, я увидела выход. Это не могло быть простой случайностью.

Габриель целует меня в лоб. Но даже его губы, всегда такие теплые, похолодели. Я немного отстраняюсь, поднимаю воротник его пальто, чтобы прикрыть ему от ветра уши. Он прячет руки в моих волосах, обхватывает меня за шею, и так мы согреваем друг друга.

Достаю из кармана зажигалку Дженны, но на ветру почти невозможно ее зажечь. Мне приходится высвободиться из-под пальто Габриеля, и он закрывает зажигалку ладонями так, чтобы ветер не уничтожил огонек пламени. На ум приходит история, которую я вычитала в одной из книг библиотеки Линдена. Она о девочке, которая была на грани жизни и смерти и жгла спички, чтобы согреться. Каждое маленькое пламя очередной спички оживляло в ней новое воспоминание. Но сейчас мое единственное воспоминание – о Дженне, о ее маленькой, но яркой жизни, дрожащей в наших руках, единственном источнике света в окружающей тьме. Наверное, все, чего бы я хотела, – осветить ее огоньком все вокруг и смотреть, как это место полыхает, подобно тем жутким занавескам. Поджечь одно дерево и наблюдать, как огонь перекинется на все остальные. Но ветер слишком сильный. Мне чудится, что эту вьюгу каким-то образом навлек Вон. Боюсь, что завтра утром он найдет наши с Габриелем тела, замерзшие и безжизненные, в шаге от заветной цели.

Не бывать этому. Такого удовольствия я ему не доставлю.

Я обдумываю свою затею, как вдруг ветер доносит до нас чей-то голос. Решаю, что мне это опять грезится, но Габриель тоже вглядывается в белую тьму. Мы можем разобрать только размытые очертания фигуры, бегущей к нашему маленькому огоньку.

Вскакиваю и тяну за собой Габриеля. Это Вон. Он пришел разделаться с нами или, хуже того, затащить в подвал, привязать ремнями к операционным столам, а после пытаться нас и калечить в той

самой комнате, где лежат тела Роуз и Дженны. Срываюсь было с места, но Габриель останавливает меня. Человек подходит ближе, и это вовсе не Вон.

Это тот нервный слуга, что занял место Габриеля. Тот, который думает, что я хорошая; тот, который подсказал мне заглянуть в салфетку, а там оказался леденец.

Он размахивает чем-то у себя над головой. Это карта-ключ. Его губы двигаются, но при таком ветре, да еще со снегом разобрать слова невозможно. Поэтому нам с Габриелем остается только наблюдать, как он проводит магнитной картой через считывающее устройство. Медленно, застревая в снегу, открываются ворота.

Я стою, словно оцепенев, толком не понимая, что происходит, и гадая, можно ли верить своим глазам. Мне все еще кажется, что Вон вот-вот – ну, не знаю, выпрыгнет из-за дерева и выстрелит в нас или что-то в этом роде.

Но слуга жестами поторапливает нас на выход и, мне кажется, говорит: «Идите, идите!»

– Но почему? – спрашиваю я и подхожу к нему, чтобы расслышать его ответ. – Почему ты нам помогаешь? И откуда узнал, где нас искать? – стараюсь я перекричать ветер.

– Твоя сестра попросила меня помочь вам, – объясняет он. – Та, что помладше. Рыженькая.

Кажется, мы бежим целую ночь. Нам кажется, что весь мир исчез и не осталось ничего, кроме этой тропинки, деревьев и снежной мглы вокруг. Останавливаемся, чтобы отдышаться, но ледяной воздух сжимает горло, сдерживая рвущееся из груди дыхание. Мы замерзли, выбились из сил, а ветер все еще свирепствует.

В нашей библиотеке я наткнулась на первую часть «Божественной комедии» Данте. В ней описывается место, куда люди попадают после смерти. Оно называется ад и имеет вид огромной воронки, состоящей из множества кругов. В одном из них – пара влюбленных, наказанная за супружескую измену. Их обрекли на вечные муки. Терзаемые диким вихрем, они не могут говорить, не могут слышать друг друга, не знают ни мгновения покоя.

На их месте вполне могли бы оказаться мы, думаю я. И самое печальное, что за все это время у нас не было ни единой возможности стать любовниками. Слуга и девушка, которую насильно повели под венец. Оба пленники. Как же нам было понять, что мы на самом деле испытываем друг к другу? На моем безымянном пальце все еще блестит обручальное кольцо, скрытое под перчаткой, связанной Дейдре.

Удалившись от кованых ворот на значительное расстояние, мы немного расслабляемся и замедляем шаг. Не могу понять, почему эта дорога никак не заканчивается. Лимузин ехал по ней считанные минуты. Неужели мы с Габриелем не туда свернули? Все вокруг покрыто настолько толстым слоем снега, что я даже не уверена, по дороге ли мы вообще идем. Как раз в тот момент, когда я пытаюсь решить, что же случилось – миру пришел конец или мы попали в свой собственный круг ада, замечаю впереди огни. Слышится какое-то гроыхание, затем мимо нас проезжает большой желтый грузовик, беспощадно пропахивая снежную целину проезжей части.

У нас получилось. Мы на месте. Огни и здания появляются, как будто перед нами только что открыли занавес. Еще снегоуборочные машины. Несколько припозднившихся гуляк в свете уличных фонарей. На входе в кинотеатр реклама ночного показа фильмов про зомби.

Пока мы брели по снежной пустыне, готовясь к неминуемой смерти, мир беззаботно жил всего в нескольких милях от нас.

Я смеюсь немного нервно, с нотками истерики в голосе, трясущим Габриеля, тычу пальцем и повторяю:

– Видишь? Видишь, чего у тебя не было?

– А кто такие зомби? – спрашивает он.

– Не знаю. Но можем это выяснить. Мы вольны делать все что угодно.

Заходим в кинотеатр. Там тепло и пахнет попкорном и средством для чистки ковров. Ни у одного из нас нет ни цента. Знай я заранее, что нам понадобятся деньги, все равно не представляю, где могла бы их стащить. В особняке они к чему; даже Линден легко обходится без них.

К счастью, в кинотеатре полно народу, и нам удается незаметно просочиться в один из залов. Жмемся друг к другу в темноте. Вокруг одни незнакомцы. Нас никто не знает, и мы чувствуем себя в безопасности. Нам показывают жуткие фильмы с глупыми и дешевыми спецэффектами, но меня буквально захлестывает волна восторга.

– Это как на Манхэттене, – шепчу я ему.

– На Манхэттене люди выползают из своих могил?

– Нет. Они платят деньги, чтобы посмотреть фильмы вроде этих.

Киномарафон продолжается всю ночь, один чудовищный фильм за другим. Я то проваливаюсь в сон, то просыпаюсь. Теряю ощущение времени, не знаю даже, день сейчас или ночь. Сквозь дрему до меня доносятся вопли и стоны, но происходящему на экране не под силу обмануть мой мозг. Здесь я в безопасности. Габриель держит меня за руку. В какой-то момент я просыпаюсь от того, что он водит пальцем по моему обручальному кольцу. Оно уже потеряло свое значение: если я когда-либо и была женой Линдена Эшби, больше я ей не являюсь. Мне всегда думалось, что, если двое хотят, чтобы их брак был настоящим, у невесты рано или поздно должна появиться возможность говорить самой за себя.

– Моя настоящая фамилия Эллери, – сонно бормочу я.

– А у меня нет фамилии, – признаётся Габриель.

– Ну так придумай, – отвечаю я.

Он смеется. Снова эта белозубая улыбка, стеснительная и сияющая одновременно. На его лице дрожат белые отблески

мерцающего экрана. Оборачиваюсь. По опустевшему залу понимаю, что показ уже закончился.

– Почему ты меня не разбудил? – удивляюсь я.

– Ты была такой милой, – оправдывается он и смотрит на меня долгим задумчивым взглядом, потом наклоняется ближе и целует.

Это восхитительное удовольствие – целоваться, не переживая по поводу открытых дверей. Его рука придерживает мой подбородок, я медленно обнимаю его за шею, и мы забываем обо всем, растворяясь среди моря пустых кресел в мире мерцающего полумрака. Мы абсолютно, безоговорочно свободны.

Вздвигнув от скрипа распахиваемой двери, мы резко отстраняемся друг от друга. В зал заходит работник кинотеатра, из первого поколения, с метлой в руках.

– Эй, – окликает он нас, – кино закончилось. Все по домам.

Перевожу взгляд на Габриеля:

– Ну что, пойдём?

– Куда?

– Домой, конечно.

Дом так далеко, что я и понятия не имею, как мы до него доберемся. У нас с братом нет телефона, поэтому я не могу просто позвонить Роуэну и сказать, что со мной все в порядке. Но как только мы выберемся из Флориды, найду телефон-автомат и позвоню на фабрику, где он работал в то время, когда меня похитили. Вполне вероятно, что он еще не сменил место. Мне приходится повторять себе это снова и снова, хотя, судя по неприятному, сосущему чувству под ложечкой, мой внутренний голос уверен, что брат оставил прежнюю жизнь, чтобы разыскать меня, и найти его будет непросто.

Выйдя из кинотеатра, оказываемся в городе, балансирующем на зыбкой грани между сном и бодрствованием. Он хоть затих, жизнь в нем не остановилась. С улиц еще не исчезли автомобили и снегоуборочные машины. Они продолжают месить грязь, в которую превратился снег. Редкие прохожие идут спокойным шагом, никуда не торопясь. Небо окрашивается в розовато-желтые цвета. Судя по всему, времени у нас совсем немного. Уже почти утро. Скоро Вон узнает, что мы с Габриелем пропали. И это только в том случае, если Сесилия смогла прикрыть наше отсутствие и он все еще в неведении.

Сесилия. Вчера она послала того слугу помочь нам, и я ожидала от нее какого-то подвоха. Да и как же иначе? Но за нами не гонится полиция с мигалками. На нас не устроили облаву. Мы с Габриелем стоим здесь, рука об руку, и разглядываем безмятежный город.

Почему она помогла мне?

Вчера, лежа на батуте, я услышала от нее это же слово «помогла». «Я помогла тебе!» – выкрикнула она. Но стоило ей только понять, что в действительности все получилось совсем наоборот, на ее юном личике отразился неподдельный ужас.

– И что теперь? – спрашивает Габриель, выдергивая меня из воспоминаний.

– Пойдем, – говорю я и тяну его за собой по тротуару.

Под ногами похрустывают крупинки соли. Нам встречается по меньшей мере человек десять: один-два кивают в знак приветствия, большинство проходят мимо, не обращая на нас никакого внимания. Мы просто пара прохожих в шерстяных пальто, возвращающихся домой.

Мы добираемся до гавани. Вблизи она совсем не похожа на ту картинку, которую я нарисовала себе, рассматривая ее из окна лимузина. Все здесь напоено жизнью. Мы вдыхаем соленый воздух, как музыкой наслаждаемся шумом прибоя и тихим стуком лодок о причал. Мне не терпится продолжить начатое, найти и украсть подходящую лодку прежде, чем нас обнаружат. Но на лице Габриеля выражение такого благоговения, что я не решаюсь его торопить. Он словно не может поверить своим глазам.

– Что-нибудь вспоминается? – спрашиваю я.

– Я... – его голос срывается. – Я думал, что не забыл, каков океан на самом деле, но оказывается, я совсем ничего не помнил.

Делаю к нему шаг. Он обнимает меня, потом крепко прижимает к себе.

– Ты же сможешь вывезти нас отсюда на одной из этих лодок? – уточняю я.

– Да, конечно.

– Уверен?

– Ну, если я ошибаюсь, думаю, долго мы с тобой не проживем.

У меня вырывается смешок:

– Отлично.

Привередничать нет времени. Возможность выбрать лодку я предоставляю Габриелю. Он-то в них понимает, хоть и учился по картинкам. По большей части лодки здесь гораздо более современные, чем те, о которых Габриель мог прочитать в нашей библиотеке, но он в любом случае разбирается в них лучше, чем я. Решаем остановиться на маленьком рыбацком суденышке с крытой рулевой рубкой – так вроде бы это правильно называется, а у Габриеля нет времени мне объяснять. Главное, в ней нам будет не страшен холодный ветер. Узел поддается на удивление быстро, и мы отчаливаем от пирса. Несмотря на то что Габриелю впервые встретилась эта модель, он управляет лодкой как заправский моряк. Хочу ему помочь, но только мешаюсь у него под ногами. В конце концов он не выдерживает и просит меня поработать впередсмотрящим. Ну, с этим я справлюсь.

Отплываем от берега.

Габриель, стоящий в эту минуту у штурвала с таким серьезным и важным видом, совершенно не похож на неуверенного, старающегося не привлекать к себе лишнего внимания слугу, который развозил нам еду по комнатам. Взгляд его голубых глаз прикован к горизонту. Сейчас он на своем месте. Не исключено, что родители Габриеля часто выходили в море. Или, может, сто лет назад, когда люди были настоящими и свободными, его предки выглядели именно так.

Наконец-то мы свободны. Мне о многом нужно ему рассказать. Дженна. Сесилия. Уверена, что Габриелю тоже есть чем со мной поделиться. Но это подождет. Я люблюсь им со стороны и не мешаю ему наслаждаться такими дорогами для него мгновениями. Пусть эта лодка под его умелым управлением несет нас в вечность. Мы будем долго-долго плыть над навсегда ушедшими под воду континентами, пока Флорида не исчезнет из виду. Просто исчезнет, как будто ее и не было.

Вдруг мы причалим к тому же пляжу, что нарисовал отец Дейдре? Подержим в руках морскую звезду, настоящую, такую, до которой можно дотронуться. Нам в любом случае придется где-нибудь высадиться. Будем останавливаться, чтобы уточнить, как лучше добраться до Манхэттена. Мы окажемся в местах, где нас никто не знает, где я не являюсь женой Линдена Эшби, а Габриель не слуга и где никто никогда не слышал о Воне Эшби и его огромном особняке. Мы плывем вдоль береговой линии, и ветер усиливается.

Габриель обнимает меня, я накрываю его руки своими, чувствую сопротивление штурвала.

– Смотри, – шепчет он мне на ухо.

Вдали виднеется маяк. Скользнув по нам, луч света продолжает свой путь по кругу. На этот раз я не знаю, куда он нас приведет.

Глава 24

Когда в компании со старшим представителем Бреши мы утром вышли из здания — назовём это участком, — я осознал, что не понимаю, в каком мы городе.

Большую часть ночи я не ложился, просматривая записи допросов из Уль-Комы и из Бещеля. Бещельских и уль-комских пограничников, прохожих из обоих городов, которые ничего не знали. «Люди начали кричать...» Автомобилистов, над которыми пролетали пули.

— Корви, — сказал я, когда на стене появилось её лицо.

— Ну и где он? — Из-за изъяна записи её голос звучал будто издалека. Она злилась, но сдерживалась. — В какую ещё дрянь угодил босс? Да, он хотел, чтобы я помогла ему кого-то перевезти.

Это было всё, что им раз за разом удавалось у неё выяснить, её бещельским следователям. Они угрожали ей увольнением. К этому она отнеслась с тем же презрением, что и Дхатт, хотя озвучивала его более осторожно. Она ничего не знала.

Люди Бреши показали мне и краткие записи того, как кто-то допрашивал Бищайю и Сариску. Бищайя плакала.

— Это мне не нравится, — сказал я. — Это просто жестоко.

Интереснее всего были записи допросов товарищей Йорджавика из числа крайних националистов Бещеля. Я узнал некоторых, которые были с ним вместе. Они угрюмо смотрели на своих допросчиков из *полицай*. Кое-кто отказался говорить без адвокатов. Один допрос вёлся с особым пристрастием: кто-то из офицеров перегнулся через стол и ударил допрашиваемого в лицо.

— Какого хрена! — вскричал тот, окровавленный. — Мы же на одной стороне, мать вашу! Вы же бещелец, а не чёртов улькоманин и не чёртова Брешь...

С высокомерием, равнодушием, негодованием или зачастую угодливостью и готовностью к сотрудничеству националисты отрицали, что им хоть что-то известно о деятельности Йорджавика.

— Никогда не слышал об этой чёртовой иностранке, — сказал один, — он никогда о ней не упоминал.

Аспирантка? Мы делаем то, что на пользу Бещелю, понимаете? И вам не надо знать почему. Но...

Человек, на которого мы смотрели, мучительно жестикулировал, пытаясь объяснить без встречных обвинений. Он выглядел злым.

— Чёрт, мы же солдаты. Как и вы. Сражаемся за Бещель. Так что если вы слышите, что что-то надо сделать, если получаете инструкции типа того, что кого-то следует проучить, что красные, или унифы, или предатели, или улькомане, или чёртовы брешелизы что-то там затевают, то с этим надо что-то делать, и всё тут. Ну, вы знаете почему. Вы не спрашиваете, но и так понимаете, что это надо сделать, почти всегда. Но я не знаю, при чём здесь эта Родригез... Не верю, что он это сделал, а если и сделал, то я не... Не знаю зачем.

— У них, конечно, есть глубинные связи в правительстве, — сказал мой собеседник из Бреши. — Но когда имеешь дело с чем-то настолько запутанным, как этот случай, то можно предположить, что Йорджавик не был Истинным гражданином. Или не только им, но и представителем более скрытой организации.

— Может быть, более скрытого места, — сказал я. — Я думал, вы наблюдаете за всем.

— Бреши никто не совершал. — Он положил передо мной бумаги. — Вот что нашли бещельские полицейские, которые обыскивали квартиру Йорджавика. Ничего, что связывало бы его с каким-то подобием Оркини. Завтра мы выходим рано.

— Как вы всё это заполучаете? — спросил я, когда он и его спутники встали.

Уходя, он посмотрел на меня с лицом неподвижным, но изнурённым. Он вернулся после короткой ночи, на этот раз один. Я был готов к его приходу.

— Если исходить из того, что мои коллеги поработали как следует, — сказал я, помахивая бумагами, — то здесь ничего нет. Время от времени поступали несколько платежей, но не так уж много — это могло быть что угодно. Экзамен он сдал несколько лет назад, мог пересекать границу — не так уж необычно, хотя при его политических взглядах...

Я пожал плечами.

— Подписки, книги, связи, армейское досье, судебное, разные тусовки — всё это обозначает, что он заурядный наци, склонный к

насилию.

— Брешь за ним наблюдала. Как и за всеми диссидентами. Никаких признаков необычных связей не было.

— Вы имеете в виду Оркини?

— Никаких признаков.

Наконец он вывел меня из комнаты. Коридор, окрашенный той же шелушащейся краской и прерываемый рядом дверей, был застелен изношенным бесцветным ковром. Я услышал шаги других, а когда мы свернули на лестницу, мимо прошла женщина, поприветствовав моего спутника. Затем прошёл кто-то ещё, а потом мы оказались в вестибюле, где находились ещё несколько человек. Их одежда была бы законной как в Бещеле, так и в Уль-Коме.

Я слышал разговоры на обоих языках и на третьем, то ли смешанном, то ли древнем, который объединял их. Слышал стук пишущих машинок. Мне ни на миг не приходило в голову броситься наутёк или напасть на своего спутника и попытаться бежать. Признаю это. За мной тщательно наблюдали.

На стенах офиса, через который мы проходили, висели пробковые доски, ломившиеся от документов, полки с папками. Какая-то женщина вырвала бумагу из принтера. Раздался телефонный звонок.

— Вперёд, — сказал мой сопровождающий. — Вы сказали, что знаете, где кроется правда.

Мы подошли к двойным дверям, дверям наружу. Прошли через них, и вот тогда, охваченный светом, я и понял, что не знаю, в каком мы городе.

После ужаса, охватившего меня на заштрихованной улице, до меня дошло, что мы должны быть в Уль-Коме: именно там наш пункт назначения. Я последовал за своим провожатым вниз по улице.

Я глубоко дышал. Было утро, шумное, пасмурное, но без дождя, ветренное. От холодного воздуха у меня перехватило дыхание. Было что-то приятное в том, как сбивал меня с толку весь этот народ, спешка облачённых в пальто улькоман, рычание машин, медленно двигавшихся по этой улице, в основном пешеходной, крики разносчиков, торговцев одеждой, книгами и продуктами. Я не-видел

всего остального. Вверху над нами забренчали тросы, когда ветер толкнул уль-комский аэростат.

— Мне нет нужды приказывать вам не пытаться бежать, — сказал мой спутник. — И нет нужды велеть вам не кричать. Вы и так знаете, что я смогу вас остановить. Знаете, что я не один за вами слежу. Вы находитесь в Бреши. Зовите меня Ашил.

— Моё имя вам известно.

— Пока вы со мной, вы будете Тье.

Имя Тье, как и Ашил, не будучи традиционно ни бещельским, ни уль-комским, могло с достаточной правдоподобностью сойти за то или иное. Ашил вёл меня через двор, под фасадами с фигурами и колоколами, видеоэкранами с биржевыми сводками. Я не понимал, где мы находимся.

— Вы голодны, — сказал Ашил.

— Потерплю.

Он увлёк меня в какой-то переулок, в другой заштрихованный переулок, где возле супермаркета стояли уль-комские киоски, предлагавшие программное обеспечение и безделушки. Взял меня за руку и вёл, а я мешкал, потому что в поле зрения не было ничего съестного, кроме лотков с яблоками в тесте и хлебных киосков, но они были в Бещеле, и я на мгновение упёрся.

Я пытался их не-видеть, но никакой неопределённости и быть не могло: источник запаха, которого я необонял, и был нашим пунктом назначения. «Ступайте», — сказал он и провёл меня через мембрану между городами: подняв ногу в Уль-Коме, я снова опустил её уже в Бещеле, где меня ждал завтрак.

Позади нас стояла улькоманка с малиновыми волосами — очевидно, панк, — бизнесом которой была разблокировка мобильных телефонов. Когда Ашил стал заказывать еду в Бещеле, она посмотрела на нас с удивлением, затем с ужасом, а потом быстро перестала нас видеть.

Расплатился Ашил бещмарками. Сунув бумажную тарелку мне в руку, провёл меня обратно через дорогу в супермаркет. Тот находился в Уль-Коме. Купив упаковку апельсинового сока на динар, передал её мне.

Я держал еду и питьё. Он вёл меня по середине заштрихованной дороги.

Мой взгляд, казалось, расшоривался, словно в кренящемся кадре Хичкока, порождённом каким-то трюком с операторской тележкой и глубиной резкости, так что улица удлинилась, а её фокус изменился. Всё, чего я прежде не-видел, сейчас вдруг оказалось вытолкнутым на передний план.

Стали являться звуки и запахи: звонки Бещеля, перезвон его курантов, лязг и металлический дребезг старых трамваев, вонь из дымоходов, старинные запахи, они смешивались в едином потоке с пряностями и уль-комскими криками на иллитанском, стрекотанием вертолёт*а милицьи*, выхлопами немецких автомобилей. Цвета уль-комского освещения и пластиковые витрины больше не стирали охряных и каменных цветов своего соседа, родного моего города.

— Где вы? — спросил Ашил. Он говорил так, чтобы слышал его только я один.

— Я...

— В Бещеле или в Уль-Коме?

— ... Не там и не сям. Я в Бреши.

Мы двигались через заштрихованную утреннюю толпу.

— Вы здесь вместе со мной. В Бреши. Никому не понять, видят ли они вас или не-видят. Не крадитесь. Говорить, что вы не там и не сям, неверно: вы в обоих.

Он легонько постучал меня по груди.

Мы сели с ним в уль-комское метро, где я сидел неподвижно, словно остатки Бещеля цеплялись ко мне, как паутинки, и могли напугать попутчиков, а потом на бещельский трамвай, где у меня возникло ложное приятное чувство, будто я вернулся домой. Мы шли пешком то через один, то через другой город. Чувство близости к Бещелю сменилось чем-то ещё более странным. Мы остановились у фасада библиотеки Уль-комского университета — сплошь сталь и стекло.

— Что бы вы сделали, если бы я побежал? — спросил я.

Ашил ничего не ответил. Вынув невзрачный кожаный бумажник, он показал охраннику сигил ^[21]Бреши. Тот смотрел на него несколько секунд, а затем вскочил.

— Боже мой, — сказал он. Судя по его иллитанскому, он был иммигрантом из Турции, но пробыл здесь достаточно долго, чтобы понять, что именно увидел. — Я, ты, вы, чем мог?..

Ашил жестом велел ему сесть обратно на место и пошёл дальше.

Библиотека была новее своего бещельского аналога.

— В каталоге её не будет, — сказал Ашил.

— В том-то и дело, — отозвался я.

Мы обратились к плану и его условным обозначениям. Книги по истории Бещеля и Уль-Комы, тщательно разнесённые по отдельным спискам, но помещённые на соседние друг с другом стеллажи, находились на четвёртом этаже. Студенты, сидевшие каждый в своём отсеке, смотрели на Ашила, когда он проходил. Чувствовали в нём властность, отличную от той, что имела у их родителей или преподавателей.

Многие книги не были переведены, оставаясь в английских или французских оригиналах. «Тайны эпохи Предтечи»; «Бережное и прибрежное: бещельская, уль-комская и морская семиотика». Мы высматривали нужное несколько минут — стеллажей было много. В книге, которую я искал и наконец обнаружил на второй от потолка полке в трёх рядах от основного прохода, протолкавшись мимо смущённого молодого студента, словно у меня имела здесь власть, кое-чего не хватало. В нижней части корешка её не украшала марка печатной категории.

— Вот она.

То же издание, что было у меня. Эта психоделическая иллюстрация в стиле «дверей восприятия»: длинноволосый человек, идущий по улице, лоскутной из-за смещения двух разных (притом фальшивых) архитектурных стилей, из теней которой наблюдают чьи-то глаза. Я раскрыл её перед Ашилом. «Между городом и городом». Ощутимо потрёпанный экземпляр.

— Если всё это правда, — тихо сказал я, — то за нами следят. Мы с вами сейчас под наблюдением.

Я указал на одну из пар глаз на обложке.

Я пустил страницы веером. Замелькали чернильные надписи: большинство страниц были испещрены крошечными каракулями — красными, чёрными и синими. Махалия писала сверхтонким стержнем, и её пометки, годами копившиеся в тайной диссертации,

походили на спутанные волосы. Я мельком оглянулся, и Ашил сделал то же самое. Позади нас никого не было.

«Нет», — прочли мы надпись, сделанную её почерком. «Ничуть не бывало», «В самом деле? Ср. с Харрисом и др.», «Безумие!!! Полная чушь!!!» Ашил взял у меня книгу.

— Она разбиралась в Оркини лучше, чем кто-либо, — сказал я. — Вот где она хранила правду.

Глава 25

— Они оба пытались выяснить, что с вами случилось, — сказал Ашил. — И Корви, и Дхатт.

— Что вы им сказали?

Его взгляд дал мне понять: мы вообще с ними не говорим. В тот вечер он принёс мне переплетённые цветные копии всех страниц, а также внутренней и наружной сторон обложки уль-комского экземпляра «Между...», принадлежавшего Махалии. Это было её записной книжкой. Напрягая внимание, я мог следовать определённой линии рассуждений, начиная с каждой из запутанных страниц, мог отслеживать каждое её прочтение по очереди.

А перед тем Ашил прогулялся со мной по тому самому совмещённому городу. Размашистые изгибы уль-комской византийской архитектуры нависали над низкой восточноевропейской и средневековой кирпичной кладкой Бещеля с её барельефными фигурами женщин в платках и бомбардиров, окружали её; бещельская приготовленная на пару пицца и тёмный хлеб задыхались в горячих запахах Уль-Комы; цвета освещения и тканей вокруг были серых и базальтовых тонов; звуки теперь слышались и резкие, и нейтральные, и отрывистые, и хриплые горловые. Нахождение в обоих городах перешло от пребывания в Бещеле и Уль-Коме к пребыванию в некоем третьем месте — нигде, но в обоих разом, в Бреши.

В обоих городах все люди, казалось, были напряжены. Мы вернулись через два заштрихованных города не в то здание, где я проснулся, — оно располагалось на Русай-Бее в Уль-Коме или Тушас-проспекте в Бещеле, как я задним числом определил, — но к другим, средней роскошности апартаментам с конторкой консьержа у входа, не слишком далеко от той большой штаб-квартиры. Помещения через переходы на верхнем этаже раскидывались на два или три здания, и по этому лабиринту туда и сюда сновали люди Бреши. Там были безликие спальни, кухни, офисы, устаревшие с виду компьютеры, телефоны, запертые шкафы. Неразговорчивые мужчины и женщины.

По мере того как два города росли, между ними открывались такие места, пространства, которые или не могли быть востребованы,

или становились спорными диссенсусами. Там и обитала Брешь.

— Что, если вас ограбят? Такое случается?

— Время от времени.

— И тогда...

— Тогда они оказываются в Бреши и принадлежат нам.

Никто из там присутствовавших не прервал своих занятий, ведя разговоры, которые перескакивали то на бещельский, то на иллитанский, то на третий язык. В безликой спальне, куда доставил меня Ашил, на окнах были решётки, а где-нибудь наверняка скрывалась камера наблюдения. Имелся совмещённый санузел. Ашил не ушёл сразу К нам присоединились ещё двое-трое людей Бреши.

— Подумайте вот о чём, — сказал я. — Вы сами являетесь доказательством того, что всё это может быть реальным.

Межпространственность, делавшая Оркини столь абсурдным для большинства жителей Бещеля и Уль-Комы, была не только возможна, но и неизбежна. Почему бы людям Бреши не верить, что в этом небольшом зазоре может процветать жизнь? Тревога была сейчас скорее чем-то вроде мысли «Мы никогда их не видели», беспокойством совершенно иного рода.

— Не может этого быть, — сказал Ашил.

— Спросите у своего начальства. Спросите у властей. Я не знаю. — Какие ещё, более высокие или более низкие, инстанции существовали в Бреши? — Вы знаете, что за нами наблюдают. Или за ними — Махалией, Иоландой, Боуденом, — кто-то и откуда-то наблюдал.

— Того, кто стрелял, ничто ни с чем не связывает. — Это вступил ещё один, говоривший по-иллитански.

— Хорошо, — пожимая плечами, сказал я по-бещельски. — Значит, это был просто случайный, очень удачливый правый экстремист. Как скажете. Или, может, вы думаете, что это странники?

Никто из них не отрицал существования легендарных межпространственных беженцев-мародёров.

— Они использовали Махалию, а когда получили от неё всё, чего хотели, убили её. Потом убили Иоланду, причём именно таким способом, чтобы вы не могли их преследовать. Как будто ни в Бещеле, ни в Уль-Коме, ни где-либо ещё они ничего, кроме Бреши, не боятся.

— Но, — на меня наставила палец какая-то женщина, — подумайте, что вы сами натворили.

— Совершил брешь? — Я предоставил им возможность участвовать в этой войне, что бы она собой ни представляла. — Да. Что знала Махалия? Она выяснила кое-что о том, что они планировали. Вот они и убили её.

Через окно меня освещали смешанные ночные мерцания Уль-Комы и Бещеля. Зловещую свою речь я обращал к растущей аудитории людей Бреши, чьи лица походили на свиные.

На ночь меня заперли. Я читал комментарии Махалии. Различал их фазы, хотя в хронологии не было никакого соответствия с последовательностью страниц — все пометки наслаивались друг на друга, являя собой палимпсест развивающейся интерпретации. Я выступал в роли археолога.

Вначале, в самых нижних слоях, её почерк был чётче, заметки длиннее и аккуратнее, с большим количеством ссылок на других авторов и на её собственные статьи. Из-за особенностей её языка и необычных сокращений трудно было судить о чём-то с уверенностью. Я стал пытаться постранично прочесть и расшифровать те её ранние мысли. В основном различался её гнев.

Я чувствовал нечто, простиравшееся над ночными улицами. Мне хотелось поговорить с теми, кого я знал в Бещеле или Уль-Коме, но я мог только наблюдать.

Какие бы невидимые боссы, если таковые вообще имелись, ни ждали в недрах Бреши, на следующее утро за мной опять пришёл Ашил, застав меня снова и снова перечитывающим эти заметки. Он повёл меня по коридору в офис. Я представил себе побег — никто, казалось, за мной не следил. Хотя они бы меня остановили. А если бы и нет, то куда бы я подался, преследуемый межпространственный беглец?

В тесной комнате находилось около дюжины представителей Бреши, они сидели, стояли, ненадёжно опирались на края столов и тихонько переговаривались на двух или трёх языках. Обсуждение было в разгаре. Зачем мне это показывали?

— ... Гошариан говорит, этого не было, он просто звонил...

— Как насчёт Сусурстрац? Разве там не было какого-то разговора?..

— Да, но все отчитались.

Это было совещание по поводу кризиса. Они что-то бормотали в телефоны, быстро проверяли какие-то списки. «Лёд тронулся», — сказал мне Ашил. Подтягивались всё новые и новые люди, присоединяясь к общему разговору.

— Ну и что дальше?

Этот вопрос, заданный молодой женщиной в платке, какой принято носить замужним в традиционных бещельских семьях, был адресован мне, заключённому, осуждённому, консультанту. Я узнал её по предыдущей ночи. Постепенно все в комнате замолчали и устали на меня.

— Расскажите ещё раз, как забрали Махалию, — сказала она.

— Вы хотите покончить с Оркини? — спросил я.

Предложить ей мне было нечего, хоть я и чувствовал что-то такое, до чего мог дотянуться. Они продолжили быстрый обмен мнениями, используя неизвестные мне сокращения и сленг, но я догадывался, что они спорят друг с другом, и пытался понять, о чём — о какой-то стратегии, вопросах направления. Периодически все в комнате бормотали нечто, звучащее окончательно, делали паузу и поднимали или не поднимали руку, а затем смотрели вокруг, подсчитывая, сколько человек последовали их примеру.

— Нам надо понять, что нас сюда привело, — сказал Ашил. — Что бы вы сделали, чтобы выяснить, что знала Махалия?

Его товарищи становились всё более взволнованными, перебивали друг друга. Вспомнив, как Джарис и Иоланда рассказывали, какой злой была Махалия под конец, я резко выпрямился на стуле.

— Что такое? — спросил Ашил.

— Мы должны попасть на раскопки, — сказал я.

— Кто согласен с Тье, — сказал Ашил, — поддержите меня.

Три четверти собравшихся в комнате быстро подняли руки.

— Я говорила, что о нём думаю, — сказала женщина в платке, которая руки не поднимала.

— Слышал, — сказал Ашил. — Но.

Он жестом пригласил её обвести взглядом комнату. В голосовании она проиграла.

Мы вышли вместе с Ашилом. Именно там, на улицах, таилось нечто странное.

— Чувствуете? — спросил я.

Против моего ожидания он кивнул.

— Мне нужно... могу я позвонить Дхатту? — попросил я.

— Нет, он ещё не поправился. И если вы его увидите...

— То?

— Вы находитесь в Бреши. Для него будет проще, если вы оставите его в покое. Увидите своих знакомых — не ставьте их в неловкое положение. Они должны понимать, где вы.

— Боуден...

— Он под надзором *милиции*. Ради его защиты. Никто в Бещеле или Уль-Коме не может найти никакой связи между ним и Йорджавиком. Тот, кто пытался его убить...

— Вы по-прежнему утверждаете, что это не Оркини? Оркини не существует?

— ... может попытаться снова. Лидеры Истинных граждан сотрудничают с *полицией*. Но состоял ли Йордж или любой другой из их членов в какой-то тайной ячейке, они, похоже, не знают. И это их бесит. Вы видели фильм.

— Где мы? В какой стороне от нас раскопки?

Он опять повёз меня жуткой чередой транспортных брешей, пролётшей через два города и оставившей после себя туннель Бреши в виде нашего маршрута. Я гадал, где и какое у него оружие. Охранник у ворот Бол-Йеана узнал меня и улыбнулся, однако улыбка быстро угасла. Возможно, он слышал, что я пропал без вести.

— К учёным не приближаться, аспирантов не расспрашивать, — сказал Ашил. — Вы понимаете, мы здесь затем, чтобы разузнать подоплёку и обстоятельства вашей бреши.

Итак, я был полицейским, расследующим собственное преступление.

— Проще было бы поговорить с Нэнси.

— Ни учёных, ни аспирантов. Начинаем. Вы знаете, кто я?

Последнее было обращено к охраннику.

Мы направились к Буидзе, который стоял спиной к стене своего офиса и смотрел на нас: на Ашила — с огромным и безыскусным страхом, а на меня — со страхом, в котором было больше от недоумения: мол, можно ли говорить о том, о чём мы говорили раньше? Я видел, как он думает: «Кто это такой?» Ашил отвёл нас в глубь помещения, нашёл там полосу тени.

— Я брешу не совершал, — раз за разом шептал Буидзе.

— Вы ведь не против расследования? — спросил Ашил.

— Ваша задача в том, чтобы остановить контрабанду, — сказал я.

Буидзе кивнул. Кто я такой? Этого не знали ни он, ни я.

— Как она происходит?

— Святой Свет... Пожалуйста. Любой из этих детишек мог бы проделать такое единственным способом: украдкой сунуть себе в карман что-то на память прямо с земли, чтобы это никогда не попало в каталог, но они не могут, потому что их всех обыскивают на выходе с площадки. В любом случае никто не смог бы это продать. Как я уже говорил, они прогуливаются вокруг площадки и могут совершать брешь, не сходя с места. Что поделаешь? Этого не доказать. Я не утверждаю, что они воруют.

— Она говорила Иоланде, что можно стать вором, не подозревая об этом, — сказал я Ашиму. — Под конец.

— Что у вас пропало? — спросил я у Буидзе.

— Ничего!

Он повёл нас на склад артефактов, спотыкаясь от желания помочь. По дороге двое аспирантов, которых я слегка припоминал, увидев нас, остановились — было что-то такое в походке Ашила, которой я подражал, — и попятились. На складе в застеклённых шкафах хранились последние отчищенные предметы, извлечённые из земли. Шкафчики эти наполнились невозможно разнообразными обломками эпохи Предтечи, чудесным и упорно не поддающимся толкованию хламом, состоящим из бутылей, оррериев [\[22\]](#), топоров без топорниц, обрывков пергамента.

— Сюда входит дежурный, назначенный на вечер, убеждается, что каждый выкладывает всё, что было найдено, запирает склад, оставляет ключ. Никто не выходит с площадки без обыска. Они даже и не пикнут по этому поводу — знают, что без этого никак.

Я жестом велел Буидзе открыть шкаф. Посмотрел на коллекцию, каждый предмет которой располагался в своём домике, своём сегменте из полистирола внутри ящика. Верхние ящики ещё пустовали. Те, что ниже, были полны. Некоторые хрупкие вещицы были завернуты в ткань без ворса, скрыты из виду. Я выдвигал ящики один за другим, сверху вниз, рассматривая заключённые в них находки. Ашил подошёл и стал рядом, глядя в очередной ящик, словно это была чайная чашка, словно артефакты были листьями, на которых можно гадать.

— У кого по вечерам находятся ключи? — спросил Ашил.

— У меня, у меня, в зависимости от обстоятельств. — Страх Буидзе перед нами таял, но я не верил, что он станет лгать. — У кого угодно. Это не важно. У всех иногда бывают. Если кто работает допоздна. Расписание есть, но они всегда его игнорируют...

— Вернув ключи охранникам, они сразу уходят?

— Да.

— Прямиком?

— Да. Обычно. Может, заходят ненадолго в свой офис, гуляют в саду, но обычно долго не задерживаются.

— В саду?

— Ну, в парке. Там... чудесно. — Он беспомощно пожал плечами. — Но выхода наружу там нет: уже через несколько метров он делается альтернативным, и им приходится возвращаться через наш пост. Перед выходом всех обыскивают.

— Когда в последний раз склад запирала Махалия?

— Множество раз. Не знаю...

— В последний раз?

— ... В тот вечер, когда пропала, — сказал он наконец.

— Дайте мне список, кто и когда этим занимался.

— Не могу! Они ведут список, но, как я уже говорил, в половине случаев делают друг другу одолжение...

Я выдвинул самые нижние ящики. Между крошечными грубыми фигурками, замысловатыми лингами эпохи Предтечи и древними пипетками имелись и обёрнутые более тонкие предметы. Я мягко коснулся их очертаний.

— Это старые, — сказал Буидзе. — Их выкопали давным-давно.

— Вижу, — отозвался я, читая этикетки.

Их извлекли на поверхность в первые дни раскопок. Я обернулся на звук шагов: вошла профессор Нэнси. Она резко остановилась, уставилась на Ашила и меня. Открыла рот. Она прожила в Уль-Коме много лет, научилась видеть её детали. Она поняла, что ей предстало.

— Профессор, — сказал я.

Она кивнула. Посмотрела на Буидзе, а тот на неё. Снова кивнула и отступила.

— Когда Махалия отвечала за ключи, то после запираания склада ходила на прогулки? — предположил я.

Буидзе, сбитый с толку, пожал плечами:

— А ещё предлагала запирать склад не в свою очередь. И не раз.

Все мелкие предметы покоились в своих матерчатых кроватках. Я в них не рылся, но ощупал всё, что лежало в задней части ящика, без того, что представлял себе должной осторожностью. Буидзе шевельнулся, но останавливать меня не стал. На третьей полке, где хранились предметы, найденные более года назад, одна из завёрнутых вещей подалась под пальцами так, что это заставило меня остановиться.

— Вам бы перчатки надеть, — сказал Буидзе.

Я развернул свёрток, и внутри оказалась газета, в которой был кусок дерева с чешуйками краски и следами от шурупов. Не древний, не резной: обломок двери, абсолютное ничто.

Буидзе не сводил с него взгляда. Я его поднял.

— И какой же это династии? — спросил я.

— Не надо, — сказал мне Ашил и последовал за мной к выходу.

Буидзе шёл позади нас.

— Вот я, Махалия, — сказал я. — Только что заперла дверь. Просто добровольно вызвалась это сделать, хотя очередь кого-то другого. А теперь небольшая прогулка.

Я повёл их на открытый воздух, мимо тщательно расслоённой выемки, откуда на нас с удивлением взглянули аспиранты, на пустырь, усеянный обломками истории, за которым были ворота, открывавшиеся по удостоверениям университета, которые открыли для нас, потому что мы находились там и были теми, для кого этого не могли не сделать, и дальше, в парк. Не такой уж большой парк располагался рядом с раскопками, лишь кустарники да несколько деревьев, среди которых пролегали тропинки. Видны были улькомане,

но не слишком близко. Непрерывного пространства Уль-Комы между раскопками и большей частью уль-комского парка не было. Сюда вторгался Бещель.

Мы видели других людей по краям поляны: бещельцев, сидевших на камнях или возле заштрихованного пруда. Парк лишь незначительно находился в Бещеле, несколько метров по кромке зелени, этакая борозда в тропинках и кустах и небольшая протяжённость сплошного пространства, отделявшего две уль-комские части друг от друга. Карты ясно давали гуляющим знать, где они могут пройти. Именно здесь, в штриховке, могли бы вызывающе стоять аспиранты, оценивая расстояние до иностранной державы, упиваясь порнографией разделения.

— Брешь наблюдает за такими бахромчатыми границами, — сказал мне Ашил. — Есть камеры. Мы увидели бы всякого, кто появился бы в Бещеле, не войдя через него.

Буидзе мешкал. Ашил говорил так, чтобы тот не мог слышать. Буидзе старался не смотреть на нас. Я шёл.

— Оркини... — сказал я.

Не было никакой возможности войти сюда из Уль-Комы или вернуться в неё, кроме как пройти через раскопки Бол-Йеан.

— Диссенсусы? Чушь. Она переправляла артефакты не так. Вот что она делала. Смотрели «Большой побег» [\[23\]](#)?

Я подошёл к краю заштрихованной зоны, где Уль-Кома прерывалась на несколько метров. Конечно, сейчас я был в Бреши и мог бы пройти в Бещель, если бы захотел, но я остановился, словно находился только в Уль-Коме. Подошёл к краю пространства, которое она делила с Бещелем, где Бещель ненадолго становился сплошным, отделяя её от остальной Уль-Комы. Убедился, что Ашил за мной наблюдает. Изобразил, что кладу кусок дерева в карман, на самом деле сунув его мимо ремня, себе в штанину.

— Дыра у неё в кармане.

Я прошёл несколько шагов в штриховке, выбросив из штанины деревяшку, по счастью, лишённую заноз. Остановился, когда она упала на землю. Стоял, как бы созерцая линию горизонта, и осторожно опустил ногу, наступив на неё, вдавив её в почву и покрыв растительной прелью и грязью. Когда я, не оглядываясь, пошёл прочь,

деревяшка ничего собой не представляла, невидимая, если не знать, что она там.

— Когда она уходила, кто-то в Бещеле — или кто-то похожий, так что вам ничего нельзя было заметить — проходил мимо, — сказал я. — Останавливался и смотрел на небо. Ударял каблуком. Подбрасывал что-то. Присаживался на миг на камень, касался земли, клал что-то в карман. Махалия не брала последние артефакты, потому что их только что убрали и это было бы слишком заметным. Но когда она оставалась запирать, то открывала старые ящики, потому что на это требовалась всего секунда.

— Что она забирала?

— Может, что-то наобум. А может, следовала инструкциям. В Бол-Йеане их каждый вечер обыскивали, так с чего бы думать, что кто-то ворует? При ней никогда ничего не было. Всё было припрятано здесь, в заштрихованной зоне.

— Куда кто-то приходил, чтобы это забрать. Через Бещель.

Я повернулся и медленно посмотрел во всех направлениях.

— Чувствуете, что кто-то за нами наблюдает? — спросил Ашил.

— А вы?

Очень долгое молчание.

— Не знаю.

— Оркини. — Я снова повернулся. — Устал от этого. — Я остановился. — Правда. — Я повернулся. — Это утомляет.

— Что вы думаете? — спросил Ашил.

Шум, поднятый среди деревьев собакой, заставил нас поднять головы. Собака была в Бещеле. Я готов был не-слышать, но, конечно, мне этого не требовалось.

Это был лабрадор, дружелюбная тёмная псина, — с фырканием появившись из подлеска, он побежал к нам. Ашил протянул к нему руку. Появился хозяин, улыбнулся, вздрогнул, отвёл в замешательстве взгляд и позвал пса к ноге. Тот пошёл к нему, оглядываясь на нас. Хозяин пытался нас не-видеть, но не мог удержаться и всё же смотрел, недоумевая, наверное, почему мы рискуем играть с животным в таком нестабильном месте. Когда Ашил встретился с ним глазами, мужчина отвёл взгляд. Наверное, понял, кто мы такие и где находимся.

Согласно каталогу, обломок дерева заменял собой латунную трубку, содержащую шестерни, инкрустированные в неё веками. Отсутствовали и три других предмета, найденных в начале раскопок, причём все они были из числа обёрнутых, а заменены комками бумаги, камнями, ногой куклы. Предполагалось, что это были остатки законсервированного когтя омара, содержавшего какой-то древний часовой механизм; другой подвергнутый эрозии механизм, подобный крошечному секстанту; пригоршня гвоздей и шурупов.

Мы обыскали землю в той бахромчатой зоне. Нашли выбоины, замёрзшие следы, а также почти зимние остатки цветов, но не неглубоко закопанные бесценные сокровища эпохи Предтечи. Их давным-давно подобрали. Продать их никто не мог.

— Стало быть, это брешь, — сказал я. — Откуда бы ни приходили и куда бы ни уходили оркиниане, они не могли забирать артефакты в Уль-Коме, значит, это было в Бещеле. Ну, сами-то они никогда не покидали Оркини. Но для большинства людей предметы были положены в Уль-Коме, а подобраны в Бещеле, значит, это брешь.

На обратном пути Ашил кому-то позвонил, и когда мы приехали в расположение Бреши, там велись споры и голосования в их свободной манере по чуждым для меня вопросам. Они входили в комнату посреди странной дискуссии, звонили по мобильным телефонам, быстро прерывая звонки. Атмосфера была накалена, но отчётливо лишённым выражения образом, характерным для Бреши.

Имели место доклады из двух городов с невнятными дополнениями от тех, кто держал телефонные трубки и передавал сообщения от других участников Бреши.

— Всё наготове, — твердил Ашил. — Вот-вот начнётся.

Они боялись выстрелов в головы и совершающих бреши грабителей и убийц. Число мелких брешей росло. Сотрудники Бреши находились там, где могли, но им многих не доставало. Кто-то сказал, что на стенах в Уль-Коме стали появляться граффити в стилях, указывавших на художников из Бещеля.

— Так плохо ещё не было, с тех пор как, ну... — сказал Ашил. Он шептал мне разные объяснения, меж тем как дискуссия продолжалась. — Это Райна. Она в этом деле упорна... Самун думает,

что даже упоминания об Оркини дают основания... Бьон с ним не согласен.

— Нам надо быть готовыми, — сказал очередной выступавший. — Мы на чём-то споткнулись.

— Не мы, а Махалия, — сказал Ашил.

— Ладно, она. Но кто знает, когда что-то случится? Мы в темноте, мы знаем, что грядёт война, но не видим перед собой цели.

— Я этого не вынесу, — тихонько сказал я Ашилу.

Он проводил меня обратно в отведённую мне комнату. Поняв, что он меня запирает, я издал протестующий вопль.

— Вы должны помнить, почему вы здесь оказались, — сказал он через дверь.

Я сел на кровать и попытался прочесть заметки Махалии по-новому. Я не старался следовать особенностям той или иной ручки, содержанию определённых периодов учёбы, чтобы реконструировать ход её мыслей. Вместо этого я прочитал все заметки на каждой странице, все мнения, копившиеся множество лет. До этого я пытался быть археологом её заметок, разделяя их по слоям. Теперь же читал все страницы подряд, где она, без какой-либо хронологии, вела спор с самой собой.

На внутренней стороне задней обложки среди слоёв разгневанной теории я прочёл запись, сделанную большими буквами поверх более ранних, мелких: «Но ср. с Шерманом». От неё была проведена стрелка к аргументу на соседней странице: «Возражение Розена». Эти имена были мне знакомы по более ранним изысканиям. Я вернулся на пару страниц назад. Там рядом с прежним утверждением стояла запись, сделанная той же ручкой и более поздним торопливым почерком: «Нет — Розен, Вийник».

Утверждения перекрывались критикой, замечаниями со всё большим числом восклицательных знаков. «Нет» — и стрелка, указывавшая не на оригинальный печатный текст, но на её собственные более ранние восторженные замечания. Спор вёлся с самой собой. «Зачем нужен тест? Кому?»

— Эй, — крикнул я, не зная, где располагалась камера. — Эй, Ашил! Найдите Ашила!

Я не прекращал кричать, пока он не явился.

— Мне нужен Интернет.

Он отвёл меня в компьютерный зал, к чему-то, что походило на 486-й или примерно такой же антиквариат, с операционной системой, которой я не узнал, какой-то сделанной на скорую руку имитацией Windows, однако и процессор и связь были очень быстрыми. Помимо нас, там находились ещё несколько человек. Ашил стоял позади меня, когда я нажимал на клавиши. Он наблюдал за моими поисками, а также, конечно, следил, чтобы я не связался с кем-нибудь по электронной почте.

— Входите куда угодно, — сказал мне Ашил и был прав. Для входа на платные сайты, защищённые паролями, требовалось просто нажать на Enter.

— Что это за соединение?

Никакого ответа я не ожидал, равно как не получил. Я искал имена Шерман, Розен, Вийник. На форумах, которые я недавно посещал, троих этих авторов подвергали яростным оскорблениям.

— Смотрите.

Я получил названия их основных работ, поискал на сайте Amazon краткие и грубые отзывы на их диссертации. Это заняло несколько минут. Я откинулся на спинку стула.

— Смотрите, — сказал я. — Смотрите. Шерман, Розен, Вийник — все они абсолютно ненавидимые объекты на этих сайтах о расколотых городах. Почему? Потому что писали книги, утверждая, что Боуден нёс полную чушь. Что все его аргументы не стоят выеденного яйца.

— Он и сам это говорит.

— Дело не в этом, Ашил. Посмотрите.

Я стал открывать ему то одну, то другую страницу из «Между городом и городом». Указал на ранние замечания Махалии, потом на более поздние.

— Дело в том, что она на них ссылается. В конце. В последних своих пометках.

Перелистывая страницы дальше, я показывал их ему.

— Она передумала, — сказал он наконец.

Мы долго смотрели друг на друга.

— Всё это хрень: и паразиты, и что она ошиблась, а потом обнаружила, что стала воровкой, — сказал я. — Проклятье. Её убили не потому, что она была вроде как одной из чёртовых немногих избранных, знавших ужасную тайну о существовании третьего города.

Не потому, что она поняла: оркиниане ей лгали и использовали её. Она не об этой лжи говорила. Махалию убили, потому что она вообще перестала верить в Оркини.

1

Текст печатается по изданию: Элиот Т. С. Бесплодная земля. Поэмы, лирика, драматическая поэзия. – СПб.: Северо-Запад, 1994.

2

Роуэн (англ. Rowan) – рябина.

Глава 29

Больше той машинки я не видел. Она канула в бюрократии Бреши. Я так и не узнал, что именно она могла делать, чего хотела компания «Сиэр и Кор» и могла ли она вообще хоть что-нибудь.

В Уль-Коме в период после Мятежной ночи сохранялась напряжённость. *Милицья*, даже после того как оставшиеся унифы были ликвидированы, или арестованы, или скрылись в свои закутки и исчезли, продолжала бросаящееся в глаза, навязчивое патрулирование. На это сетовали гражданские вольнодумцы. Правительство Уль-Комы объявило о новой кампании, «Бдительные соседи», причём под соседями понимались как люди, живущие за стенкой (что они делают?), так и смежный город (видите, насколько важны границы?).

В Бещеле та ночь привела к своего рода преувеличенной немоте. Говорить о ней стало едва ли не дурным тоном. Газеты энергично преуменьшали её масштабы. Политики если что-то и говорили, то лишь уклончиво упоминали о недавней напряжённости или о чём-то подобном. Но это было дымовой завесой. Город был подавлен. Его унификационистское население так же поредело, а остатки его были так же осторожны и незаметны, как в Уль-Коме.

Обе зачистки были проведены быстро. Закрытие, объявленное Брешию, продолжалось тридцать шесть часов, после чего о нём не упоминали. Та ночь привела к двадцати двум смертям в Уль-Коме и тринадцати в Бещеле, не считая беженцев, которые умерли после первоначальных аварий, и пропавших без вести. Теперь в обоих наборах улиц было больше иностранных журналистов, делавших более и менее тонкие репортажи по следам событий. Они регулярно предпринимали попытки договориться об интервью — «анонимных, конечно» — с представителями Бреши.

— Кто-нибудь из Бреши нарушал когда-нибудь ряды? — спросил я.

— Конечно, — сказал Ашил. — Но тогда они совершают брешь, становятся странниками и попадают под нашу юрисдикцию.

Он шёл осторожно, а под одеждой и скрытым бронежилетом у него была повязка.

В первый день после беспорядков, когда я вернулся в офис, таща с собой отчасти податливого Боудена, меня заперли в камере. Но с тех пор дверь не запиралась. Я провёл три дня с Ашилом, после того как его выписали из какой-то тайной больницы, где получали помощь люди Бреши. Каждый день, что он проводил в моей компании, мы путешествовали по городам, находясь в Бреши. Я учился у него ходить между ними, сначала в одном, потом в другом или в обоих, но без показухи необычных движений Боудена — с более скрытой двусмысленностью.

— Как ему это удалось? Вот так ходить?

— Он обучался у городов, — сказал Ашил. — Может, постороннему достаточно увидеть, как в действительности метят себя горожане, чтобы суметь пройти между городами.

— Где он?

Об этом я спрашивал у Ашила неоднократно. Он по-разному уклонялся от ответа. Сейчас он сказал то же, что и прежде:

— Есть механизмы. О нём позаботятся.

Было пасмурно и темно, слегка моросило. Я поднял воротник куртки. Мы находились к западу от реки, у заштрихованных рельсов, короткого отрезка путей, используемых поездами обоих городов по расписанию, согласованному на международном уровне.

— Но дело в том, что он никогда не совершал брешь.

Этой тревоги я раньше Ашилу не озвучивал. Он повернулся и посмотрел на меня, массируя свою рану.

— На каком основании он был... Как мы можем держать его у себя?

Ашил вёл меня по окрестностям раскопок Бол-Йеана. Я слышал поезда в Бещеле, к северу от нас, и в Уль-Коме, южнее. Мы не входили в Бол-Йеан и даже не приближались настолько, чтобы нас могли оттуда увидеть, но Ашил проходил через различные этапы дела, не говоря об этом вслух.

— Я имею в виду, я знаю, что Брешь никому не подчиняется, но... Вы должны представлять отчёты. Всех своих дел. Комитету по надзору. — При этих моих словах он задрал бровь. — Знаю, знаю, они дискредитированы из-за Бурича, но это, как они всегда настаивали,

может касаться состава, членов, а не самого комитета. Система сдержек и противовесов между городами и Брешию остаётся прежней, верно? У них есть своё место? Значит, вам надо обосновать удержание Боудена.

— Никому нет дела до Боудена, — сказал он наконец. — Ни в Уль-Коме, ни в Бещеле, ни в Канаде, ни в Оркини. Но мы, да, представим им форму. Может, поскольку он подбросил Махалию, Брешь вернёт его в Уль-Кому.

— Он её не подбрасывал, это был Йордж... — сказал я.

— Может, и так, — продолжал Ашил. — Посмотрим. Может, мы вытолкнем его в Бещель и вытащим обратно в Уль-Кому. Если мы говорим, что он совершил брешь, он её совершил.

Махалии не было. Её тело наконец увезли домой. Ашил сказал мне об этом в тот день, когда её родители устраивали похороны.

Компания «Сизр и Кор» из Бещеля не уехала. Рискованно было бы привлекать к себе внимание после раболепствующих, путаных откровений Бурича. Компания вместе со своей технологической мощью засветилась, но его связи с ней были расплывчаты. Возможный контакт Бурича, к сожалению, оставался неизвестным, а ошибки, допущенные в прошлом, были теперь гарантированно устранены. Ходили слухи, что «КорИнтех» будет продана.

Мы с Ашилом ехали трамваем, на метро, в автобусе, на такси, шли пешком. Он переводил нас то в Бещель, то в Уль-Кому, словно продевал нить, сшивающую два города.

— Что насчёт моей бреши? — спросил я наконец.

Мы оба выжидали не один день. Я не спрашивал:

«Когда мне можно будет вернуться домой?» Мы сели на фуникулёр, проложенный к высшей точке парка, названного в его честь, по крайней мере, в Бещеле.

— Если бы у него была современная карта Бещеля, вы бы никогда её не нашли, — сказал Ашил. — Оркини.

Он покачал головой.

— Видели ли вы детей в Бреши? — спросил он. — Каково бы это было — если кто-нибудь здесь родился?

— Должны же они быть, — перебил я.

Но он говорил громче:

— Как смогли бы они здесь жить?

Тучи над городами выглядели потрясающе, и я смотрел больше на них, чем на него, и тема детей отпала.

— Знаете, как меня заставили присоединиться к Бреши? — спросил он вдруг.

— Когда я получу возможность вернуться домой? — бессмысленно произнёс я.

Он даже улыбнулся.

— Вы проделали отличную работу, — сказал он. — Видели, как работаем мы. Нигде в другом месте нет такого, как в этих городах. Ведь не только мы держим их порознь друг от друга. Все жители Бещеля и все жители Уль-Комы. Каждую минуту, каждый день. Мы — последняя преграда: большую часть работы делает население городов. Это действует, потому что вы не зеваете. Вот почему не-видение и не-чувствование имеют жизненно важное значение. Никто не может признать, что это не действует. Так что, даже если вы этого не признаёте, это срабатывает. Но если вы совершаете брешь, даже не по своей вине, на более длительное время, чем кратчайший миг... вы не можете вернуться отсюда.

— Аварии. Дорожно-транспортные происшествия, пожары, случайные бреши...

— Да. Конечно. Если вы изо всех сил торопитесь выбраться отсюда снова. Если таков ваш ответ Бреши, то, возможно, у вас есть шанс. Но даже тогда вы в беде. А если это длится дольше мига, вам уже не вернуться. Вы никогда не будете снова не-видеть. Большинство совершивших брешь — ну, в ближайшее время вы узнаете о наших санкциях. Но есть и другая возможность, очень редкая.

— Что вы знаете о британском флоте? — продолжал Ашил. — Несколько столетий назад? Меня наняли так же, как и всех остальных в Бреши. Никто из нас здесь не родился. Все мы когда-то жили в одном городе или в другом. Все мы однажды совершили брешь.

На несколько минут между нами воцарилось молчание.

— Я хотел бы кое-кому позвонить, — сказал я.

Он был прав. Я представлял себя сейчас в Бещеле, не-видящим Уль-Кому на заштрихованной местности. Живущим в половинном пространстве. Не-видящим всех людей, архитектуру, машины и всё

прочее, среди чего я жил. Я, может, сумел бы притворяться, в лучшем случае, но что-нибудь случилось бы, и Брешь бы об этом узнала.

— Это было крупное дело, — сказал он. — Самое крупное за всё время. У вас никогда больше не будет такого крупного дела.

— Я детектив, — сказал я. — Господи. Есть ли у меня какой-то выбор?

— Конечно, — сказал он. — Вы здесь. Есть Брешь, и есть те, кто совершает брешь, те, к кому мы являемся.

Он смотрел не на меня, но поверх накладывающихся друг на друга городов.

— Бывают ли добровольцы?

— Добровольчество — это самый первый и самый явный признак того, что вы не подходите, — сказал он.

Мы шли к моей старой квартире, я и мой вербовщик.

— Могу я кое с кем попрощаться? Есть люди, с которыми я хочу...

— Нет, — сказал он.

Мы продолжали идти.

— Я детектив, — снова сказал я. — А не кто-то там. Я работаю не так, как вы.

— Это как раз то, что нам надо. Вот почему мы были так рады, что вы совершили брешь. Времена меняются.

Значит, их методы могли оказаться не настолько незнакомыми, как я опасался. Могли иметься и другие, действующие в традиционной манере Бреши, использующие в качестве рычага запугивание, персонифицирующие себя в виде ночного страха, меж тем как мне — просеивая информацию, добытую в Интернете, прослушивая телефонные звонки из обоих городов, используя сети информаторов, полномочия за пределами какого-либо закона, вековой страх, а также иногда намёки на иные силы, существующие помимо нас, неизвестной формы, которые мы представляем только как аватары, — предстоит расследовать дела так же, как я расследовал их в течение многих лет. Новая метла. В такой нуждается каждая контора. В этой ситуации был свой юмор.

— Я хочу повидать Сариску. Наверное, вы знаете, кто она. И Бищайю. Хочу поговорить с Корви и Дхатом. Попрощаться, по крайней мере.

Он немного помолчал.

— Вы не можете говорить с ними. Вот так мы работаем. Если бы не это, у нас вообще ничего не было бы. Но увидеть их вы можете. Если сами останетесь вне их поля зрения.

Мы пришли к компромиссу. Я написал письма своим бывшим возлюбленным. От руки написанные, они и доставлены были вручную, но не мной. Я не сообщил ни Сариске, ни Бищайе ничего, кроме того, что буду по ним скучать. И это не было просто любезностью.

Я подходил к своим коллегам, и, хоть я не заговаривал с ними, оба они меня видели. Но Дхатт в Уль-Коме, как позже и Корви в Бещеле, различали, что я не был в их городе — или не совсем, или не только в нём. Они тоже ничего мне не сказали. Не рискнули.

Дхатта я увидел, когда он вышел из своего офиса. Он остановился при виде меня. Я стоял у забора возле уль-комского участка, опустив голову, так что он видел, что это я, но не различал выражения моего лица. Я поднял руку, приветствуя его. Он долго мешкал, потом растопырил пальцы, этакий взмах без взмаха. Я отступил в тень. Он ушёл первым.

Корви была в кафе. В бещельском Уль-Кома-городе. Это заставило меня улыбнуться. Я смотрел, как она пьёт густой уль-комский чай в заведении, которое я ей показал. Наблюдал за ней из тени аллеи несколько секунд, прежде чем понял, что она смотрит прямо на меня, знает, что я там стою. Она-то и попрощалась со мной, приподняв чашку и чуть наклонив её в знак приветствия. Я одними губами, хотя даже она не могла этого видеть, сказал ей «спасибо» и «до свидания».

Мне надо многому научиться, и нет другого выбора, кроме как учиться или стать изгоем, а ни за кем так не охотятся, как за отступниками Бреши. Таким образом, не готовый ни к обучению, ни к мести моей новой общины неприкаянных внегородских жителей, я делаю выбор из этих двух не-выборов. Моя задача изменилась: не поддерживать тот или иной закон, но охранять самую кожу, удерживающую закон на месте. Собственно, два закона в двух городах.

Таково окончание дела Оркини и археологов, последнего дела инспектора Тьядора Борлу из Бещельского Отряда особо опасных преступлений. Инспектора Тьядора Борлу больше нет. Я теперь Тье, аватар Бреши, следующий указаниям своего наставника на мой испытательный срок вне Бещеля и Уль-Комы. Мы здесь все философы

и среди многих других предметов обсуждаем, где именно мы живём. В этом вопросе я либерал. Я живу в межпространстве, да, но также и в городе и городе.

Пресса о романе

Если бы «Дитя любви» Филипа К. Дика и Раймонда Чандлера воспитывал Франц Кафка то произведение которое получилось бы в результате, напоминало бы новый роман Чайна Мьевилья «Город и город»

LosAngelesTimes

Мьевиль хорошо известен как писатель-фантаст, для которого город — это целая Вселенная. В каждой новой своей книге Мьевиль пробует себя в разных жанрах. «Город и Город» — это крутой детектив, в котором видимое и невидимое сплетаются воедино. Мьевиль создает мир, одновременно и фантастичный и тревожно узнаваемый, чьи тайны не завершаются успешным расследованием убийства.

Amazon.com

Более известный своей «новой странной фантастикой» («Вокзал потерянных снов» и т. д.), автор бестселлеров Чайна Мьевиль предлагает нестандартный подход к, казалось бы, банальному полицейскому расследованию. Города-близнецы Бещель и Уль-Кома, расположенные в Южной Европе, занимают одно и тоже положение в физическом пространстве-времени, разделенные лишь способностью своих жителей видеть одновременно только один город. Благодаря этой метафоре, Мьевиль умело разоблачает человеческие иллюзии.

Publishers Weekly

Отличное полицейское расследование и увлекательное городское фэнтези. Обязательно читать всем поклонникам таинственных убийств и фантастики.

Booklist

«Смелый и тревожный... Мьевиль поднимает фундаментальные и тревожные вопросы культуры, власти и темных свойств человеческой природы, что разделяют нас».

Уолтер Мосли

Многие книги сочетают в себе несколько жанров, но лишь немногим удается совместить их вместе в равной степени легко и оригинально, как это удалось Чайне Мьевилю в романе «Город и город». Потрясающий пример редкостного артистизма, гарантированное получение удовольствия от хорошей фантастики и захватывающего детектива.

Брайан Эвенсон

Чайна Мьевиль сделал себе имя такими экспериментальными книгами, как «Крысиный король», «Вокзал потерянных снов», «Шрам» и «Железный Совет». В «Городе и городе» он раздвигает границы еще одного жанра — детектива — и это ему блестяще удается... Экстраординарное, абсолютно захватывающее чтение.

St. Petersburg Times

Как правило, при появлении хоть чего-то необычного, сразу вспоминают имена Кафки и Оруэлла. И в данном случае, такие сравнения вполне уместны.

The Times(London)

Эта эффектная, затейливо параноидальная история — стоящая вещь.

Kirkus

notes

Уолтер Раушенбуш(1861–1918) — американский священник, ставший лидером движения Социального Евангелия, пытавшегося приложить христианскую этику к решению социальных проблем индустриального общества; *Густаво Гутьеррес*(р. 1928, Перу) — перуанский католический священник, теолог; *Канаан Сординдо Банана*(1936–2003) — политик Зимбабве, пастор. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

Оум Калсум(1898–1975) — египетская певица, автор песен и актриса.

5

Имена объединения (*фр.*).

Теночтитлан— город-государство, находившийся на месте современного города Мехико. Основан примерно в 1325 году на острове посреди солёного озера Тескоко, разрушен в 1521 году испанскими конкистадорами под руководством Эрнана Кортеса. *Саттон-Ху*— курганный некрополь в английском графстве Саффолк, где в 1938–1939 гг. были сделаны, возможно, самые значительные археологические находки в истории Великобритании.

Шила-на-гиг— скульптурные изображения обнажённых женщин, обычно с увеличенной вульвой. Обнаруживаются на церквях, замках, нормандских башнях и других строениях эпохи Средневековья на территории всей Западной Европы.

Антикитерский механизм— механическое устройство, обнаруженное в 1902 году на затонувшем древнем судне недалеко от греческого острова Антикитера и датируемое приблизительно 100 годом до н. э.

9

Немножко (*нем.*).

Мишель Поль Фуко(1926–1984) — французский философ, теоретик культуры и историк. *Жан Бодрийяр*(1841–1931) — социальный антрополог, археолог и публицист. *Вир Гордон Чайлд (Чайльд)*(1892–1957) — один из ведущих археологов XX века, основоположник антропологического неозволюционизма.

Славой Жижек (р. 1949) — словенский культуролог и социальный философ фрейд-марксистского толка.

Арзакел (Аль-Заркали) был выдающимся математиком астрономом, достигшим наивысших результатов в Кордове в XI столетии.

Поле гончара— выражение происходит из Евангелия от Матфея, 27:3–8, где описывается, как на деньги, возвращённые Иудой, первосвященники купили поле гончара, чтобы использовать его под кладбище для чужеземцев.

Звук и свет (*фр.*).

Уте Лемнер(р. 1963) — немецкая певица и актриса.

Оррерий— механическая модель планетной системы.

Анаграмма имени, фонетически сходная с французским выражением «*avide a dollars*»(жадный к долларам).